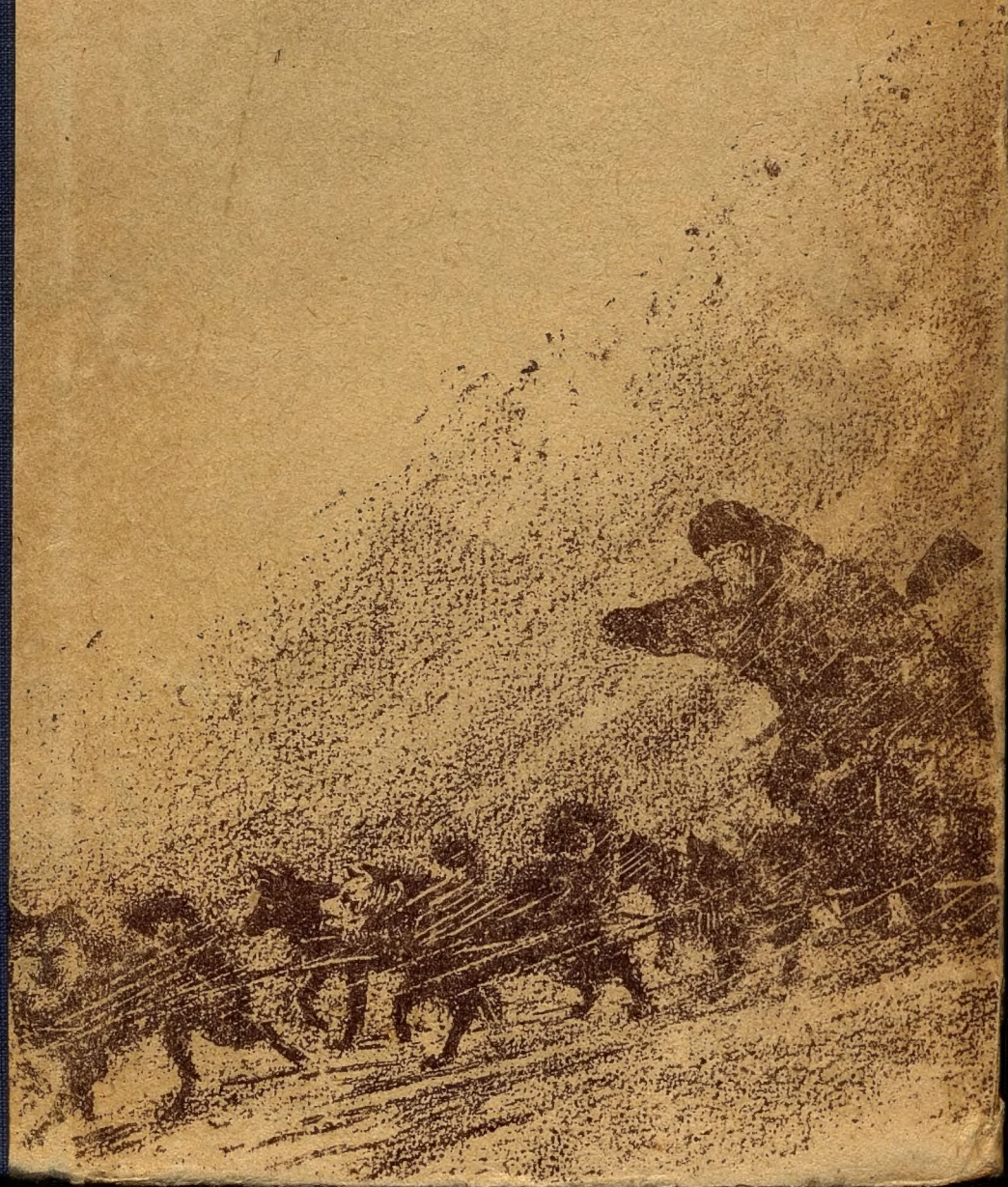
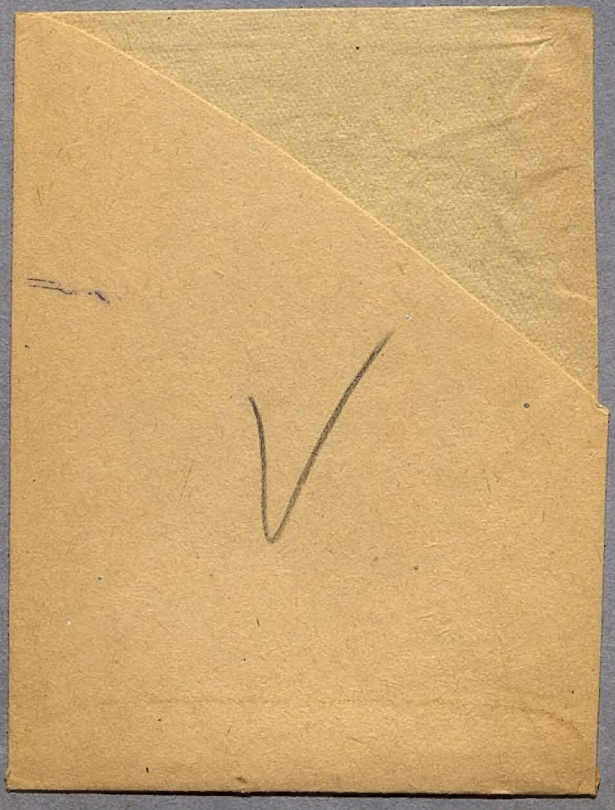
Н. Болотников

НИКИФОР БЕГИЧЕВ



НИКИФОР БЕГИЧЕВ



(К)

Н. Болотников

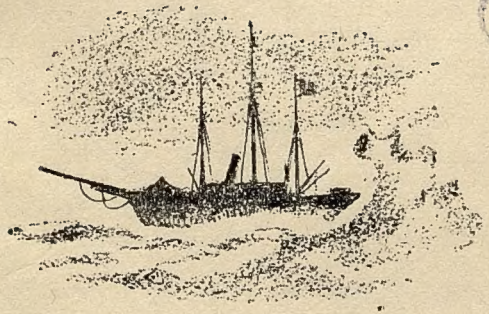
ПРОВЕРЕНО 61 г.

НИКИФОР БЕГИЧЕВ

Проверено | 2015

11580

Филиал Центральной ВМБ



БИБЛИОТЕКА
ГУ ВМФ СССР

Издательство Главсевморпути

Москва — 1949 — Ленинград

ПРОВЕРЕНО 1995 г.

91
Б 19

ПРОВЕРЕНО 54 Г.

ПРОВЕРЕНО 1954 Г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Волжский рыбак, затем боцман русского военного флота, защитник Порт-Артура, участник ряда полярных экспедиций, наконец, уже в советское время, организатор одной из первых на Енисейском севере промысловых артелей — таковы вкратце основные вехи биографии Никифора Алексеевича Бегичева, самобытного исследователя русского Севера.

Его имя тесно связано с историей исследования северных окраин Сибири в первой четверти нашего века. Никифора Бегичева знали и ценили знаменитые моряки и ученые — адмирал Макаров, академик Чернышев, геолог Воллосович, Фритиоф Нансен, Отто Свердруп. Имя Бегичева фигурировало в дипломатической переписке молодой Советской республики с Норвегией.

Человек недюжинных способностей, смелый, решительный и упорный в своих действиях, Никифор Алексеевич Бегичев прожил жизнь, полную неутомимого труда, насыщенную исканиями и борьбой. Природа наградила его не только большой физической силой, кипучей энергией, но и редкой сообразительностью, пытливым и наблюдательным умом, во многом восполнявшим недостаток образования.

Вот как отзывается о нем его друг, дудинский охотник Дмитрий Иванович Горин:

«Я, лично, удивлялся его всесторонней любознательности, и, скажу откровенно, если бы к этой обширной любознательности Бегичева, да дать высшее образование, в частности, астрономическое, без которого путешественнику нельзя обойтись в условиях Севера, то эта железная сила воли и рыцарская отвага могли бы сделать для России много полезного, и он мог бы стать наряду с мировыми путешественниками» [1].

---

[1] Архив Академии Наук СССР. Комиссия по изучению Якутской АССР (КЯР), фонд 47.

Не случайное стечение обстоятельств побудило Бегичева посвятить свою жизнь Северу. Только там, вдали от полицейского произвола, он считал себя свободным человеком. «Я решил вернуться, — писал Бегичев в своих записках, — к берегам Ледовитого океана, где чувствовал себя независимым и совершенно свободным гражданином».

Никифор Бегичев не был связан с революционным движением. Но «революцию всегда вольнолюбивый Бегичев принял с удовлетворением, — пишет его биограф П. М. Устимович [1], — хотя активного участия в освободительной борьбе принять ему не довелось».

Когда правительству Советской республики понадобились его знания и силы в организации экспедиции для поисков спутников Амундсена, Бегичев выступил как активный и самоотверженный исполнитель воли своей Родины и проявил при этом весь свой организаторский талант.

Бегичев, веривший в большое будущее своей Родины, нашел свое место в рядах строителей социалистического общества, но тяжелая болезнь оборвала его жизненный путь.

* * *

После смерти Бегичева сохранился небольшой архив: дневники, записи, деловая переписка.

В двух толстых тетрадях и на множестве отдельных мелко исписанных карандашом листках отражена жизнь отважного исследователя-самородка.

Записи Бегичева скупы и немногословны. Иногда это лишь перечень фактов и событий.

«Материалы Н. А. Бегичева представляют несомненный научный интерес, несмотря на то, что сам Бегичев не был исследователем по специальности, и наблюдения его не могли, по отсутствию у него необходимой подготовки, носить строго научный характер. Но наличие наблюдательности и не вызывающая сомнений добросовестность записей придает им значительную ценность. Особенно это относится, естественно, к той части записей, которая посвящена описанию посещений таких районов, которые никем, кроме Бегичева, описаны не были и для которых, таким образом, материалы его являются единственными» [2]. Так оценила записи Бегичева Полярная Комиссия Академии Наук СССР.

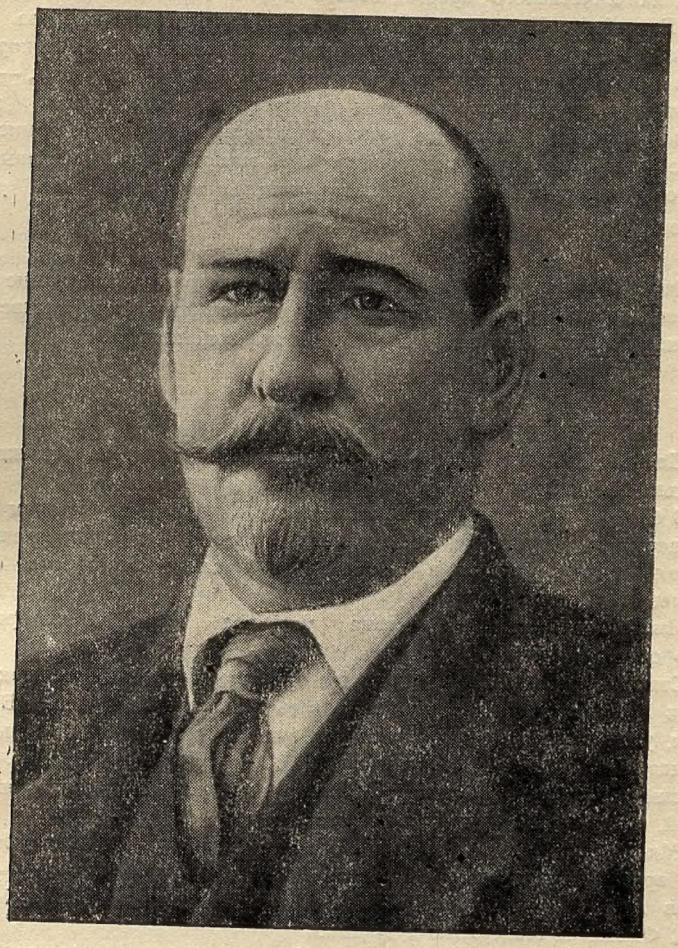
Эта оценка исследовательской деятельности Бегичева справедлива. Привезенные им с острова Преображения палеонтологические образцы позволили ученым судить о геологическом строении острова; собранные коллекции дали представление о растительном и животном мире этой области Арктики.

Наконец, организация им промысловой зимовки в устье Пясины послужила началом возрождения на Таймырском побережье сети

---

[1] П. М. Устимович. История одной смелой жизни. Рукопись. Архив Академии Наук СССР.

[2] П. М. Устимович. Остров Бегичева, его открытие и описание (по дневникам Н. А. Бегичева). Академия Наук СССР. Труды Полярной Комиссии, 1932, вып. 11, стр. 5.



Никифор Алексеевич Бегичев (1874—1927).
(Публикуется впервые)

промысловых пунктов, основанных здесь русскими еще в XVII—XVIII веках, но затем заброшенных.

Записки Бегичева представляют также историческую ценность. В них содержится немало интересных и неизвестных до сих пор фактов.

Велика заслуга человека, не давшего затеряться этому наследству. Им был ныне покойный Петр Митрофанович Устимович, научный сотрудник Енисейского краеведческого музея. Работая в 1927—1929 годах в Енисейске, Устимович разыскал у родственников Никифора Алексеевича остатки архива. «Найденные дневники и собственноручные записи его (Бегичева) были обнаружены в печальном состоянии, — писал Устимович, — спасены от гибели и приобретены мной у вдовы покойного для Академии Наук, где ныне и находятся в Полярной комиссии» [1].

Устимович собрал также газетные вырезки, опубликованные в те годы очерки о путешествиях Бегичева, записал рассказы его родных и друзей.

Личный архив Никифора Алексеевича, материалы, собранные Устимовичем, дополненные новыми документами и сообщениями родственников и знакомых Бегичева, легли в основу настоящей книги.

* *
*

Шестнадцать лет назад, в навигацию 1933 года, из Архангельска к устью Хатангской губы была направлена экспедиция.

В бурную ночь на 5 сентября пароход «Правда», на котором следовал персонал экспедиции, в нескольких милях от места назначения сел на мель. Это случилось в Нордвикском проливе на траверзе острова Бегичева.

Именно тогда я впервые услышал имя первооткрывателя этого острова.

Стараясь отвлечь своих спутников от невеселых дум, начальник экспедиции Н. Н. Урванцев стал рассказывать о Никифоре Бегичеве. Впоследствии, уже на зимовке на островах «Комсомольской Правды», мне много рассказывали о нем Е. И. Урванцева, Н. В. Ломакин, М. Х. Горкин, хорошо знавшие Никифора Алексеевича. Передо мной всплывал, хотя еще и не ясный, образ мужественного полярника.

Много интересных фактов из жизни Никифора Алексеевича узнал я во время поездки через Таймырский полуостров от его друзей — оленеводов Анабары, Хатанги, Авама — Анисима Поротова, Диомида Уксусникова, Филимона Лаптухова и других.

Я стал записывать эти рассказы. К сожалению, сохранить их не удалось: они были уничтожены пожаром.

В последующие годы, работая в Арктике, я снова занялся сбором материалов к биографии Никифора Алексеевича и не переставал это делать и позже, на Большой Земле.

---

[1] П. М. Устимович. Указ. соч., стр. 7.

То немногое, большей частью приукрашенное и надуманное, что было опубликовано главным образом в приключенческой литературе о Бегичеве, не вязалось ни с характеристиками, данными полярниками и таймырскими оленеводами, ни с документами, отысканными в архивах Академии Наук СССР и бывшего Комитета Северного морского пути. Авантюрист, искатель приключений в духе романов Джека Лондона, каким изображали Бегичева сочинители приключенческих рассказов, уступал место пытливому, настойчивому, мятущемуся человеку [1].

Исследование документов судебного следствия, проводившегося после смерти Бегичева, доказало несостоятельность версии о его, якобы, насильственной смерти.

Но все же многое в жизни Бегичева, особенно годы детства и юности, оставалось мне неизвестным. Сам Никифор Алексеевич о них в своих записях упоминает скупо. Не мог или не успел восполнить этот пробел и Устимович. Мне помогли это сделать земляки и родные Никифора Алексеевича.

Обращение Издательства Главсевморпути, помещенное в конце 1939 года в газетах «Красноярский Рабочий» и «Сталинградская Правда», вызвало многочисленные отклики. Прежде всего отозвалась из Енисейска дочь Никифора Алексеевича, Тамара Никифоровна Бегичева. Переписка с ней и с другими членами семьи Бегичева во многом помогла в работе над книгой. Пользуюсь случаем и выражаю за это свою искреннюю признательность супруге Н. А. Бегичева — А. Г. Бегичевой, его дочерям Лидии, Тамаре, Серафиме и сыновьям Михаилу и Владимиру Бегичевым.

Нельзя умолчать и о большой помощи, оказанной мне земляками Н. А. Бегичева. Рабочие сталинградских заводов тт. А. А. Шапочкин, И. Н. Рыкунов, А. Я. Силантьев и, в особенности, педагог одной из школ Сталинграда И. В. Ульянов помогли восстановить многие подробности его биографии.

Стараниями ныне покойного тов. Мотанюк, бывшего в предвоенные годы начальником Ленинского районного архива Сталинградской области, была найдена метрическая выпись о рождении Никифора Алексеевича. Тем самым установлена точная дата рождения Бегичева — 7 февраля (ст. стиля) 1874 года, а не 9 февраля того же года, как указывал сам Никифор Алексеевич в своих записях [2].

---

[1] В моем очерке «Последний одиночка», опубликованном в журнале «Советская Арктика» № 7 за 1936 г., в результате некритического отношения к сообщениям некоторых лиц, в отдельных местах также были допущены искажения при описании деятельности Н. А. Бегичева — *Н. Б.*

[2] Согласно метрической выписи фамилию Бегичева следовало бы писать «Бигичев». Судя по именной надписи командира миноносца «Бесшумный», сделанной на порт-артурской фотографии и подаренной им Бегичеву, можно предположить, что именно в такой транскрипции и значилась фамилия Бегичева в официальных документах, относящихся к периоду его военной службы.

Летом 1947 года мне удалось посетить родину Бегичева — Царев, встретиться с племянником Никифора Алексеевича — С. Н. Бегичевым. Он рассказал об обстановке, в которой рос Никифор Алексеевич, поделился воспоминаниями о его приездах с Севера. Старожил Царева Н. В. Солнышкин, знавший семью Бегичевых, обрисовал картины дореволюционного быта и нравов этого города.

В той готовности, с какой мне помогали мои добровольные сотрудники в сборе материалов, в том интересе, который вызывали у слушателей — школьников, полярников, воинов Советской Армии — рассказы о Бегичеве, я видел благородное качество советских людей — чтить память славных сынов русского народа, своими делами способствовавших возвеличиванию нашей Родины во всех областях науки и культуры. Это вызвало во мне желание наиболее полно и верно рассказать советским читателям о жизни последнего русского землепроходца Никифора Бегичева.

Автор

Глава первая

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

За Волгой, в нескольких десятках километров от Сталинграда и неподалеку от районного центра Ленинска, раскинулось село Царев — родина Никифора Алексеевича Бегичева.

Село стоит на берегу речки Царевки — ответвления самой большой волжской протоки Ахтубы. С юга и с севера, вдоль берегов Царевки и речки Кальчуты, к селу примыкают, сливаясь с приусадебными участками колхозников, бахчи и огороды. Это угодья местного колхоза имени Сталина, прославившегося в районе высокими урожаями и прекрасным качеством овощей. К западу, за Царевкой и дальше до самой Волги, простирается заросшая тальником, изрезанная густой сетью ериков [1] обширная приволжская пойма, или, как называют ее местные жители, — займище. Восточная окраина села уходит в поросшую ковылем и колючками полупустынную степь.

Вдоль проселка, ведущего в Ленинск, высится несколько древних курганов, усыпанных щебнем и битым кирпичом.

Некогда здесь была столица ханов Золотой Орды — Сарай, основанная ханом Бату (Батыем) в первой половине XIII века.

Русское поселение Царевы-Пады возникло в начале XIX века. Его основали переселенцы из Воронежской губернии, возчики эльтонской и баскунчакской соли. В 1836 году слобода была переименована в уездный город Царев, ставший центром обширного Царевского уезда Астраханской губернии.

Царев ничем не отличался от множества других уездных городов южной России. Та же Соборная площадь в центре и

[1] Ерики — узкие естественные каналы. Так же, как и протоки, образуются в результате дробления вторичных рукавов реки.

Ярмарочная на окраине. Те же неизменные для всех российских городов «присутственные места»: городская управа, казначейство, воинское присутствие, камера мирового судьи.

Полицейский участок. Тюрьма. Пожарная каланча. Крестовоздвиженский собор с церковно-приходской школой при нем. Часовня святых мучеников Михаила и Федора. Кабак Синеокова. Трактиры и лавки купцов — братьев Гудковых, Конякина, Кузнецова. И чем больше разрастался город, тем больше появлялось в нем лавок и кабаков.

Детские годы Бегичева совпали с «золотым веком» Царева, ставшего к тому времени одним из главных пунктов торговли скотом в Астраханской губернии.

Четыре раза в год в Цареве собирались ярмарки. Кочевники пригоняли сюда из заволжских и закаспийских степей огромные табуны лошадей, стада верблюдов, рогатого скота, овец. На ярмарки съезжалось из Нижнего, Москвы, Питера и Екатеринослава множество прасолов — скупщиков скота. Шла бойкая торговля, заключались тысячные сделки, сопровождавшиеся неизменной гульбой.

Неудивительно, что большая часть царевских мещан занималась обработкой шерсти, привозимой кочевниками. Во многих городских домах возникали полукустарные шерстобитные и шерстоваляльные мастерские. Этот промысел носил сезонный характер, так как в летний период царевские мещане арендовали у городской управы участки земли под огороды и бахчи. В те годы в окрестностях города было много фруктовых садов, и садоводство также являлось довольно выгодной статьей в хозяйстве жителей Царева.

Беднейшая часть населения нанималась в гуртовщики к прасолам, батрачила у богатых крестьян окрестных сел — Пришиба, Безродного, Капустина Яра.

К концу прошлого столетия в Цареве было около шести тысяч жителей [1]. Но уже с первого десятилетия этого века, после прокладки заволжской железной дороги, начинается «закат» города. Торговля скотом перешла в другие пункты губернии. Быстрое обмеление Ахтубы сделало невозможным пароходное сообщение с Царицыным. Суровой зимой 1910—1911 года вымерзли царевские сады. Молодежь, уходившая на заработки в Астрахань и Царицын, не возвращалась домой, а оставалась работать на фабриках, заводах, промыслах.

В то время как соседние села Пришиб, Средне-Ахтубинское (Безродное), Заплавное, населенные рыбаками, садоводами и огородниками, продолжали разрастаться и богатеть,

[1] По переписи 1897 года в Цареве насчитывалось: 11 дворян, 27 служителей культа, 40 купцов, 4934 мещанина и 148 крестьян.

Царев с каждым годом терял свою первенствующую роль в уезде. Он превратился в сонный и пыльный городишко — место ссылки «неблагонадежного элемента». Таким его и застала Октябрьская революция.

При советской власти часть Царевского уезда отошла к Сталинградской области. Был основан Ленинский район с районным центром в городе Ленинске (бывшем селе Пришибе). Царев стал селом.

В дни битвы за Сталинград в этих местах сосредоточивались резервы наших войск. Здесь зарождался великий перелом, предрешивший победный исход войны, предсказанный Сталиным. В Цареве находились госпитали, тыловые учреждения частей и соединений Советской Армии, оборонявших город-герой.

Сейчас царевцы, шагая в ногу со всей страной, заняты восстановлением и развитием своего хозяйства. На бахчах и огородах колхоза имени Сталина развернулась борьба за высокий урожай. Овощи из Царева отправляются в Сталинград, Москву и другие промышленные центры страны. Быстрыми шагами возрождается животноводство, закладываются новые фруктовые сады, плодовые и ягодные питомники. Царев ежегодно увеличивает отправку рыбы, вылавливаемой рыбаками-колхозниками из местных водоемов.

В ближайшем будущем в нескольких десятках километров от Царева пройдет государственная лесная защитная полоса Чапаевск—Владимировка. Полезащитные лесные насаждения разбиваются и вблизи самого села. Эти мероприятия, в сочетании с другими, предусмотренными гениальным сталинским планом преобразования природы, будут способствовать получению еще более высоких и устойчивых урожаев на местных колхозных полях.

Главной достопримечательностью сегодняшнего Царева является детский дом-интернат Сталинградского ОблОНО, в котором воспитываются сироты воинов Великой Отечественной войны. Он размещается в здании бывшей церковно-приходской школы, в которой некогда учился Никифор Бегичев.

* *
*

В метрической книге царевского Крестовоздвиженского собора сохранилась запись от 9 февраля (ст. стиля) 1874 года о крещении родившегося 7 февраля младенца мужского пола, нареченного Никифором. Родители, как гласит запись: «царевский мещанин Алексей Кондратов Бегичев и его законная жена Евгения Степановна, вероисповедания православного».

Семья Бегичевых состояла из девяти человек: столетнего деда Кондратия Ионовича, отца, матери, двух дочерей и четырех

сыновей. По старшинству дети шли в следующем порядке: Михаил, Никита, Татьяна, Никифор, Алексей и Мария. От деда, отца и матери Бегичевы унаследовали крупный рост, силу, исключительную настойчивость и любовь к труду.

О недюжинной силе Кондратия Ионовича долго вспоминали старожилы Царева. Работая на мельнице Мокроусова, Кондратий Ионович свободно поднимал каждой рукой по кулю муки. Бывало, если в весеннюю распутицу лошадь не могла вывезти из грязи подводу, старик Бегичев впрягался сам и, напружившись, выволакивал телегу, приговаривая:

— Где тебе, родимая, взять, если я и то с трудом вывожу...

Отец Бегичева Алексей Кондратьевич всю жизнь занимался огородничеством. Жители Царева уважали его за прямодушие, трудолюбие и честность и в 1883 году избрали мещанским старостой [1]. Эту обязанность он выполнял до самой смерти, последовавшей в 1897 году.

Мать Бегичева Евгения Степановна намного пережила Алексея Кондратьевича. Она умерла в 1924 году, в восьмидесятипятилетнем возрасте. Трудолюбивая женщина, озабоченная вечными хлопотами о семье, доме, огороде, слыла в округе за хорошую рачительную хозяйку и опытную повитуху.

В семье Бегичевых с раннего детства каждый по мере сил старался быть полезным в доме. Старшие сыновья — Михаил и Никита — веснами уходили на заработки на путину в Астрахань. Младшие оставались дома помогать отцу. Хорошие косари и стогометальщики братья Бегичевы в иные годы нанимались к богатым крестьянам косить в займище траву и возить сено. Кроме того, Никита был умелым каменщиком, он работал на постройке купеческих домов в Цареве и в окрестных селах — Пришибе, Колобовке. Зимой Михаил валял сапоги и войлочные туфли, Никита учился на портного. Позже это стало их постоянной профессией.

Отличительным качеством семьи Бегичевых, по словам земляков, была их отзывчивость. Они всегда охотно помогали нуждавшимся чем могли — трудом, копейкой, добрым советом.

— Попроси у них последнюю рубашку — отдадут, — вспоминают старожилы Царева. — И делали они это просто, без лишних слов...

---

[1] Организованное в России по манифесту Екатерины II мещанское сословие состояло из городских обывателей, не обладавших капиталом в 500 рублей и не имевших поэтому права быть записанными в сословие купцов.

Мещане, наряду с крестьянами, были ограничены в некоторых правах, принадлежавших так называемым высшим сословиям. Как и у крестьян, у них было свое сословное управление. Они образовывали мещанские общества, которые выбирали мещанских старост или, с разрешения губернатора, мещанские управы.

Но зато Бегичевы не допускали и посягательства на свое добро. Как-то конокрад пытался увести лошадь Бегичевых. С пешнями и кольями в руках погнались отец и братья за вором. Конокрад внезапно обернулся и ударил подбежавшего первым Алексея Кондратьевича ножом в живот. Не сдобровать бы вору: братья наверно забили бы его до смерти, но подоспели соседи и сдержали рассвирепевших молодцов.

После этого происшествия отец Бегичевых долго болел и весь остаток жизни ходил чуть сгорбившись.

* *
*

Дом деда Кондратия Ионовича, где родился Никифор Алексеевич, был построен еще во времена Царевых-Падов. Одноэтажный, срубленный по-старинному из дубовых кряжей, он стоял на Столбовой улице, проходившей от Ярмарочной площади, мимо казарм ополченцев, через плотину к окраине Царева — селу Солодовке [1].

Обнесенный по городскому обычаю досчатым забором, дом боковой стороной с двумя окнами выходил на улицу и фасадом, тоже с двумя окнами, во двор. Вход внутрь жилища был со двора, из обширных сеней. Справа от входа, у окна, на нарах доживал свои дни Кондратий Ионович. Над нарами под потолком были сооружены широкие полати, на которых спала вся «опшара» — ребятишки — младшие сыновья Никифор, Алексей, дочь Мария и дети Никиты, оставшиеся от первой жены.

В правом переднем углу под почернелым от времени образом «хранителя от всех бед и напастей и от потопления» Николая Чудотворца стоял большой дубовый стол с двумя широкими дубовыми скамьями. За столом все обитатели дома одновременно разместиться не могли, поэтому обедали обычно в две очереди.

Большая русская печь топилась из кухоньки, прирубленной к сеням. В этой кухоньке до замужества спала старшая дочь Татьяна. Перед печью вдоль стены большой комнаты стояли широкие дубовые кровати старших членов семьи — матери и отца Бегичевых и Михаила с женой.

Никаких украшений вроде обычных для того времени лубочных картинок, портретов царей или генералов на стенах не висело. Из икон был только один образ Николая Чудотворца: никто из Бегичевых, кроме деда, набожностью не отличался.

---

[1] В настоящее время этого дома нет. Вскоре после Октябрьской революции он был продан матерью Бегичева на слом.

Семейный уклад Бегичевых характерен для мещанской семьи того времени. Неограниченным главой в доме был дед Кондратий Ионович. Он решал все главные вопросы, рядил суд и расправу над провинившимися членами семьи, используя для этого крепкую палку или вожжу. После его смерти власть в семье перешла к Алексею Кондратьевичу, но поскольку обязанности мещанского старосты отнимали у него большую часть времени, фактически главой дома стал старший сын Михаил.

Велико было в семье мужское влияние, но и с мнением матери Евгении Степановны все считались и к голосу ее прислушивались. Это была дружная, сплоченная семья. Между членами семьи поддерживались ровные, приветливые отношения, и младшие всегда с уважением относились к старшим. Но как ни трудолюбивы, ни умелы были Бегичевы, им не удавалось достичь даже мало-мальской зажиточности.

В такой обстановке проходило детство Никифора Алексеевича.

* *
*

С раннего возраста он стал деятельным помощником в семье. Десятилетним мальчуганом Никифор работал на огороде с отцом, а подростком пошел наниматься на поденную работу к зажиточным крестьянам косить в займище сено, метать стога. Для подростка это был тяжелый труд. Удаляться в глубь займища мог только тот, кто хорошо знал расположение переходов и бродов в лабиринте речек, озерков, ериков. Странствования по пойме с детства выработали в Никифоре умение ориентироваться на местности, воспитали выносливость в ходьбе.

В этих местах с мая по конец июня вешняя волжская вода заливает всю округу. Раскинувшаяся на десятки километров водная гладь создает впечатление морских просторов. Кущи цветущих садов с затопленными стволами, как сказочные каравеллы, плывут по воде. Для ребят наступает самое привольное время.

Выпросив у отца лодку, Никифор со сверстниками уплывал далеко в пойму вылавливать в воде бревна, поленья, доски. Спадала вешняя вода, и новые занятия ожидали ребят. Вооружившись сетями, они отправлялись в далекое плавание по ерикам и протокам, заросшим тальником и тростником. Возвращались домой с богатым уловом сазанов, щук и лещей.

Кто знает, может быть именно во время этих плаваний и зародилось у Никифора Бегичева страстное желание стать моряком.

Никифор рос крепким, бойким мальчиком, атаманом царевских ребят. Среди сверстников он выделялся ростом, силой

Семья Бегичевых.

Справа налево: брат Н. А. Бегичева — Алексей, Н. А. Бегичев, племянница Мария, мать Евгения Степановна, ближайшие родственники Бегичевых — Гладышев с женой.

(Снимок 1906 г.)

и смелостью. Это был первый затейник. Пронырнуть под водой несколько сажен или взять тяжелый камень и, держа его в вытянутой руке, перейти по дну речки, не замочив камня, ему ничего не стоило.

Учился Никифор в церковно-приходской школе на углу Соборной площади и улицы, носящей теперь название Гоголевской. Он был прилежным учеником, жадно воспринимавшим получаемые в школе знания. Но учиться довелось не долго: всего два года. Старшие братья отбывали солдатчину, и Никифору пришлось помогать отцу. На этом закончилось его образование.

Еще в школе, и особенно после школы, Бегичев увлекался чтением книг и читал их запоем. Он любил пересказывать своим друзьям прочитанные книги. В летние теплые ночи его рассказы, бывало, длились до зари, и все охотно слушали Никифора. Зимой молодежь часто устраивала вечеринки с играми и танцами. Никифор бывал на этих вечеринках, но игр и танцев сторонился. Он охотнее собирал вокруг себя кружок сверстников и начинал рассказывать какую-нибудь удивительную историю.

* *
*

Шли годы. Из крепкого, бойкого мальчугана вырос статный, красивый юноша с правильными чертами лица, на которого заглядывались царевские девушки. Появились новые интересы. Потеряли свою прелесть купания в песчаном Рачьем хвосте — протоке, соединяющей Царевку с Ахтубой. Вернулся из флотской службы брат Михаил, освобожденный по болезни глаз. Его рассказы о Кронштадте, Петербурге, о Волге, Каспии вызывали в юноше желание посмотреть этот новый для него мир.

Первую свою поездку за пределы Царевского уезда Бегичев совершил в шестнадцать лет. Старшие братья с артелью косцов нанялись на покос в Ставропольскую губернию и взяли с собой Никифора. Артель работала у хуторянина-казака. Как ни изнурителен был труд косца, Никифор скоро втянулся в него и не отставал от взрослых. За сезон он заметно возмужал, еще больше налились силой мускулы, окреп голос. Над верхней губой появился первый пушок.

Хороши летние вечера на Ставропольщине! Усталые артельщики располагались на ужин, варили кашу. Огонь костра тихо вздрагивал под котлом, озаряя на миг склонившиеся ветви деревьев. В небе загорались первые звезды. Из станицы доносились песни девчат. Артель ела долго, молча, не спеша, как едят только уставшие люди. После ужина завязывался разговор. Артельный дед Аким, знатный рассказчик и хранитель старинных волжских сказов, начинал нескончаемые повество-

вания. Перед слушателями возникали образы народных героев. Степан Тимофеевич, Ермак, Федька Шелудяк, Емельян Пугачев, гулявшие на волжских просторах, оживали в рассказах деда.

Никифор жадно ловил каждое слово, и еще острее становилось желание повидать свет, побывать в далеких странах.

В последующие годы Никифору пришлось работать с братьями на путине в дельте Волги. Там, плавая на баркасе с артелью рыбаков, он увидал настоящее море, ощутил и полюбил его. С тех пор желание быть моряком стало заветной мечтой Никифора. Он подготавливал себя к этой профессии, закалял свое тело, ходил зимой в легком пиджаке. Даже морозы в 20 и больше градусов, выпадающие в Заволжье, не могли заставить его отказаться от этого.

— Если на земле не замерзну, то и в море буду чувствовать себя хорошо, — говорил Никифор.

Желание юноши исполнилось. Осенью 1895 года проходил призыв новобранцев 1874 года рождения. Никифор был вызван в воинское присутствие. На призывной комиссии Бегичев заявил о желании служить во флоте. Когда эта просьба была удовлетворена, Никифор от радости сделал стойку и до своего дома, метров триста, прошел на руках.

Проводы продолжались несколько дней. Горько плакали Евгения Степановна и сестры, собирая ненаглядного Никишеньку. А захмелевший Никифор ходил с другими новобранцами по городу, распевая песни.

Окончилась юность. Новобранец русского военного флота Никифор Бегичев вступал в большую жизнь.

БИБЛИОТЕКА
ГЦШМС СССР

ФИЛИАЛ
Центральной ВМБ

Глава вторая

ФЛОТСКАЯ СЛУЖБА

Туманным ноябрьским утром 1895 года началась матросская служба Бегичева в Кронштадте.

Никифор был приписан к 5-му флотскому экипажу. Здесь, в экипаже, проходил он первый, самый тяжелый этап морской службы — пору новобранчества. Индивидуальность каждого из новобранцев, недавних хлебопашцев и мастеровых, методически и настойчиво вгонялась в тесные рамки дисциплинарного устава. Муштра продолжалась изо дня в день.

Весной следующего года Бегичев вместе с другими новобранцами, приняв присягу, стал матросом второй статьи. Началась матросская практика.

«В этом же году, — пишет Бегичев в своих записках [1], — я первый раз плавал на военном судне «Воин» по Балтийскому морю, а осенью, в октябре месяце, поступил в учебную команду строевых квартирмейстеров».

Квартирмейстер — первый унтер-офицерский чин в дореволюционном флоте. В школы квартирмейстеров назначались наиболее развитые, грамотные и старательные матросы. Они изучали основы морского дела, ряд специальных предметов, знание которых требовалось от унтер-офицера флота. По окончании школы их направляли в восьмимесячное заграничное плавание. После возвращения из плавания и сдачи экзаменов практиканты получали звание квартирмейстера второй статьи.

В мае 1897 года Бегичев окончил школу и был зачислен учеником-квартирмейстером на крейсерский полуброненосный

[1] Цитаты из записок Бегичева в некоторых местах подверглись литературной обработке. Все даты даны по новому стилю. — *П. Б.*

фрегат первого ранга «Герцог Эдинбургский» — один из лучших учебных кораблей Балтийского военного флота.

Парусно-паровое трехмачтовое судно «Герцог Эдинбургский», или, как обычно называли его моряки, просто «Герцог», было спущено на воду в 1875 году. Его водоизмещение — 4813 тонн, мощность паровой машины — 5590 лошадиных сил. Вооружение всех трех мачт доходило до 25 парусов. Длина «Герцога» равнялась 87 м, ширина — 14,6 м и углубление под кормой 7,6 м. Он развивал скорость — 11,5 узла [1].

«Герцог», так же как и однотипный с ним «Генерал-Адмирал», имел металлический корпус. Эти корабли были тогда первыми и единственными кораблями в мире, обладавшими поясным креплением. Они послужили прототипом улучшенных полубронеиосных русских крейсеров — «Владимир Мономах» и «Дмитрий Донской». В иностранных флотах поясное крепление стало применяться лишь спустя несколько лет.

Артиллерийское вооружение корабля составляли четыре восьмидюймовых, пять шестидюймовых орудий и 18 легких скорострельных пушек Готчкиса. Экипаж крейсера состоял из 24 офицеров, 549 человек команды, в том числе 250 учеников, набранных из учебной команды строевых квартирмейстеров.

В один из августовских дней 1897 года «Герцог Эдинбургский» оставил Кронштадт и вышел в заграничное плавание. В списке команды крейсерского фрегата значилось имя матроса 2-й статьи Никифора Бегичева.

Первая заграничная стоянка была в шведском порту Карлскруне. Отсюда «Герцог» вышел в мрачное, туманное Немецкое море. Матросам доставались трудные вахты. Непрерывно раздавалась команда менять паруса. Плавание морем, изобилующим мелями, кишащим многочисленными рыбацкими судами, требовало особого внимания моряков. Ежеминутно приходилось бросать лот.

Такой мерой предосторожности нельзя было пренебрегать. В памяти еще жил грустный пример предшественника «Герцога Эдинбургского» — парового фрегата «Александр Невский», погибшего в 1866 году у берегов Ютландии. По освященной веками флотской традиции имя погибшего корабля было присвоено вновь выстроенному полубронеиосному фрегату, но позже судно переименовали в честь «августейшего зятя» Александра II, сына английской королевы Виктории, принца

---

[1] Характеристика «Герцога Эдинбургского», приводимая Бегичевым в своих записях, не соответствует официальным данным, взятым нами из книги С. П. Моисеева «Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г). Академия Наук Союза ССР. Институт истории. Военное издательство. М. 1948, стр. 67.

Альфреда герцога Эдинбургского, числившегося адмиралом русского флота [1].

Через несколько дней плавания показались дуврские скалы: «Герцог Эдинбургский» шел Английским каналом. Во французском порту Шербуре пополнили запасы пресной воды, провизии и угля. В вечно бурливом, беспокойном Бискайском заливе «Герцог» попал в жестокий шторм. «Мы потеряли, — пишет Бегичев, — первый номер катер. Его волной сбило со шлюпбалок и найтовов. Со штормом пришли в испанский городок Виго, где стояли две недели, приводили судно в порядок».

Крейсеру предстоял далекий путь к берегам Америки, поэтому к походу готовились особенно тщательно. Исправив повреждения, крейсер взял курс на остров Мадейра, оттуда на Канарские острова. Пополнив запасы пресной воды, продовольствия и угля, пользуясь пассатом, «Герцог Эдинбургский» направился к Южной Америке.

* *
*

Однообразно проходили дни в плавании. Дудки боцманов и бой склянок делили корабельные будни на работу, учение, отдых. Окриком вахтенного унтер-офицера: «Вставать! Койки вязать!» — начиналось утро. Умывание, молитва, завтрак, традиционная уборка корабля предшествовали подъему флага, который на «Герцоге» проходил всегда особенно торжественно. Потом начинались судовые работы и учебные занятия. Хотя все время у матросов было заполнено множеством различных обязанностей, все же в плавании им жилось значительно лучше, нежели зимой в экипаже.

В годы плавания Бегичева на «Герцоге» командиром судна и заведующим учебной командой был Оскар Адольфович Энквист — личность примечательная своей внешностью и способностью ни во что не вмешиваться. Впоследствии, во время русско-японской войны, контр-адмирал Энквист был командиром отряда крейсеров 2-й Тихоокеанской эскадры. «Походкой, манерой держаться и говорить Энквист напоминал доброго помещика, любимого своими служащими и рабами за то, что он тихого нрава, ни во что не вмешивается и неумен. При таком барине его крепостным жилось лучше, чем у соседних господ». Так характеризует Энквиста писатель А. С. Новиков-Прибой [2].

---

[1] В 1909 г. «Герцог Эдинбургский» был переименован в заградитель «Онега», а в 1915 г. перечислен в блокшивы с присвоением ему № 9.

[2] А. Новиков-Прибой. «Цусима». Советский писатель, изд. 3-е, М., 1936, стр. 517.

«Неуверенный, во всем сомневающийся, безвольный, — продолжает автор «Цусимы», — он, когда отдавал какое-нибудь распоряжение своим помощникам, сейчас же вставлял свою любимую поговорку:

— А хорошо ли будет?»

Главную роль на «Герцоге Эдинбургском» играл не командир корабля, а его старший офицер.

Бегичев очень тепло отзывался о старшем офицере «Герцога» — А. К. Цвигмане — опытном моряке, строгом, но справедливом начальнике [1].

«Между флотских офицеров, — вспоминал Бегичев, — редко можно было найти равных ему. За три года плавания на «Герцоге Эдинбургском» он никогда не наказал ни одного матроса. Сам Цвигман был непьющий и редко когда выезжал на берег. Офицерам также не давал воли и запрещал наказывать команду. Раз старший офицер хороший, никогда не жаловался на команду, то командир мало вникал в дело. Управляли на корабле больше всех старший офицер, боцман и унтер-офицеры, а остальные офицеры только стояли свою вахту... Я никогда не забуду такого человека, каким был наш старший офицер... Из практикантов, которые плавали с ним, выходили самые лучшие матросы, а особенно в эти три года. Наш старший офицер очень хорошо знал парусное дело и управление парусами».

Так же тепло вспоминал Бегичев о постановке учебного дела на «Герцоге». «Бывало при шлюпочно-парусном учении пристанешь неаккуратно к борту судна под парусами и сломаешь мачту или бугшприт, то Цвигман только скажет: «Не сломав мачты — не выучишь инструкторов и учеников». И действительно, к концу плавания ученики выходили знающими свое дело, а инструкторы, проплававшие с ним несколько лет, становились совершенными виртуозами в управлении парусами как на судне, так и на шлюпках».

Новая жизнь, новые люди, необычные виды, моря, океаны открывались перед молодым моряком. Бегичев жадно впитывал в себя эти впечатления. Через много лет, уже на Севере, он записал свои воспоминания о заграничных плаваниях.

Старательному, наблюдательному Никифору хитрая матросская наука давалась легко. Он быстро усваивал морскую терминологию, заучивал наизусть названия и назначение отдельных частей рангоута, стоячего и бегучего такелажа, все эти трудно запоминаемые «фор-бом-брам-топенанты» или «грот-брам-стаксель-ниралы». Он научился быстро взбираться по вантам, пробегать по раскачивающейся рее, мог с закрыты-

[1] А. К. Цвигман впоследствии, с 1901 по 1902 год, был вторым по счету командиром ледокола «Ермак».

ми глазами завязать и распустить любой узел. Бегичев превращался в заправского лихого матроса.

К вечеру двадцатого дня плавания от Канарских островов «Герцог» подошел к острову Барбадос — самому восточному из группы Малых Антильских островов Вест-Индского архипелага.

«Барбадос, — пишет Бегичев, — английская колония, где живут почти все негры, за исключением английского военного гарнизона и губернатора». Обостренные отношения, существовавшие в то время между Россией и Англией, заставили Энквиста воздержаться от захода в порт до выяснения обстановки.

Вот как описывает Бегичев события у Барбадоса: «Подошли к Барбадосу вечером. Всю ночь были на ходу в море и приготовились к бою. Наутро приехал с Барбадоса лоцман и передал, что у России с Англией дела уладились, тогда мы вошли в гавань».

Соблюдая правила международного этикета, «Герцог» отдал орудийный салют английскому флагу и бросил якорь на обширном рейде порта Бриджтоун. Простояв в Бриджтоуне три дня, крейсер направился в Санта-Лючия. Встретив в пути три английских корвета, Энквист решил уйти во французские владения — к острову Святого Фомы. Здесь, в городе Шарлотта-Амалия, остановились надолго.

Это были дни испано-американской войны.

Бегичев кратко записывает в своих тетрадях:

«В это время у Америки и испанцев была война. Американцы взяли у испанцев остров Кубу и еще несколько колоний. Испанский флот был уничтожен, и испанцы оттоль вымелись».

Шел шестой месяц заграничного плавания «Герцога». В тренированных, бравых матросах нельзя было узнать прошлогодних новобранцев. В движениях, походке, выправке Бегичева чувствовалась уверенность моряка, знающего море и видавшего виды.

Приближался срок возвращения на родину. Хотя жизнь на море и была привольна, интересна, богата впечатлениями и ощущениями, но она не могла заглушить тоски по родине, с ее перелесками, милыми березками и заснеженными полями. Все чаще раздавались по вечерам на баке задушевные песни про Волгу-мать родную, про зеленую дубраву, про степь широкую...

В середине февраля «Герцог» направился на восток. «С острова Фомы мы пошли обратно через Азорские острова,— вспоминает Бегичев, — и попали в полосу штормов. Нас трепало тридцать суток. Пришли в город Сан-Мигуэль, где исправились и пошли в Россию».

В конце апреля «Герцог» был в Кронштадте. Вскоре состоялся царский смотр. Бегичев выдержал экзамен и «вышел, — как он пишет, — по первому разряду»: из матросов первой статьи был произведен в квартирмейстеры второй статьи.

Новоиспеченных унтер-офицеров списали на берег и вновь зачислили в экипаж. Отсюда их рассылали по кораблям. Бегичев получил было назначение на царскую яхту «Штандарт», которая в это время стояла в Копенгагене, но «мне на ней плавать не было охоты, — пишет он, — и я кое-как отказался».

Дальнейшую судьбу молодого квартирмейстера решила встреча с Цвигманом, который предложил ему вернуться на «Герцог». Бегичев охотно согласился и вскоре, по ходатайству Цвигмана, был отчислен на фрегат.

* * *

В августе того же 1898 года «Герцог» с новым составом учебной команды вышел в очередное дальнее плавание.

«Герцог Эдинбургский» стоял в Плимуте, когда командир фрегата получил срочную депешу с приказанием итти в Средиземное море, чтобы принять участие в так называемых «критских событиях». На острове Крит вспыхнуло восстание греков против царившего там произвола турецкого военно-феодального режима.

Вся история Крита, начиная с середины XVII века, изобилует многочисленными восстаниями критян против турок. Особенно широкий размах эти восстания приняли в XIX веке. Повстанцы неоднократно обращались с призывом о помощи и защите к европейским державам. Но «великие державы», имевшие свои виды на Крит и не желавшие уступать его друг другу, предпочитали видеть остров под турецким владычеством.

В начале 1897 года, когда Греция начала войну с турками из-за Крита, «великие державы» блокировали остров. В феврале турецкий султан «вверил» Крит соединенным войскам Англии, Франции, России, Италии, Германии и Австрии. Миноносная флотилия и экспедиционный корпус греков, вследствие поражения Греции на материке, вынуждены были оставить остров. В марте адмиралы соединенной эскадры провозгласили автономию Крита, а в конце мая была снята блокада.

Одновременно представители «великих держав» разработали в Константинополе так называемый «Органический статут острова Крит». На основе этого статута, утвержденного в конце 1897 года, Крит объявлялся нейтральным,

входил в состав Османской империи, но имел автономное правительство. Исполнительная власть передавалась генерал-губернатору острова из христиан, назначаемому султаном на пять лет, а законодательная — национальному собранию.

Турция не спешила проводить в жизнь этот регламент. В сентябре 1898 года на Крите вспыхнули новые волнения. Они-то и послужили причиной срочной отправки «Герцога» на остров для присоединения к флоту держав-«заступниц», занимавшихся «критским вопросом».

«Пришли, стали в бухте Суда, — записано у Бегичева. — Тут же находилась соединенная эскадра из нескольких английских, французских, итальянских и австрийских военных кораблей. Из наших были только броненосец «Александр Второй», канонерская лодка «Запорожец» и наш «Герцог Эдинбургский»... Командовал всей эскадрой итальянский адмирал. У нас старшим был адмирал Скрыдлов.

Остров Крит был разделен на три части. Французы занимали город Канею, англичане — Суду, русские — город Ретимнон. В Ретимноне по улицам ходили наши армейские патрули. Турецкие войска, которых на острове насчитывалось около 40 тысяч, находились в центре острова. 1 декабря нам было приказано взять город. Мы вооружили шлюпки и высадили десант. Я был взводным унтер-офицером Гвардейского флотского экипажа... Адмирал Скрыдлов приказал нам занять береговой форт, вооруженный крупповскими орудиями, подаренными туркам германским императором Вильгельмом. Но турки не стали сопротивляться, и мы их начали садить на пароходы и отправлять в Константинополь.

Мы посадили на свое судно турецкого пашу и его двенадцать жен. Паша был черный, как негр, очень высокого роста и статный [1]. Посадка происходила в сильную погоду, и когда принимали на трап жен паши, то мы велели им снять повязки, чтобы посмотреть им в лицо. Они не протестовали и только смеялись. Оказалось, что среди них было много европеек, больше всего француженок.

Покончив посадку, пошли в бухту Суду, где всех пассажиров передали на другой пароход. «Герцогу» было приказано сняться с якоря и итти на остров Милос для встречи греческого королевича Георгия. На Милос мы пришли на другой день в полдень. Пришел и крейсер с королевичем. Георг перешел к нам на судно. Я редко видел таких стройных высоких людей, как Георг. Он поздоровался с командой (по-русски говорил он хорошо), побеседовал с адмиралом и потом переехал на французский броненосец. Тут же нам было приказано сняться с якоря и итти в бухту Суду, где нужно

[1] Речь идет о генерал-губернаторе Крита Турхан-паше.

было высадить королевича Георга, которого европейские государства поставили губернатором острова Крит».

Дальнейшие плавания по Средиземному морю обогатили Бегичева массой новых впечатлений. С Крита «Герцог» направился в Наваринскую бухту — к месту знаменитого Наваринского сражения, где соединенный флот России, Англии и Франции в 1827 году уничтожил турецко-египетский флот. На братской могиле моряков, погибших в Наваринской бухте, состоялась торжественная панихида. Адмирал Скрыдлов произнес речь; был дан салют. Поход соединенной эскадры в историческую бухту являлся демонстрацией, предпринятой с целью напомнить Турции, потерпевшей неудачу на Крите, о ее поражении 20 октября 1827 года.

Во время недельной стоянки в Пиреях, куда Скрыдлов зашел ради официального дипломатического визита греческому королю, Бегичев с товарищами совершил поездку в Афины. Русские моряки осмотрели знаменитые памятники древней Эллады, развалины Акрополя.

В январе 1899 года «Герцог» пришел в Неаполь.

О посещении Неаполя Бегичев записал в дневнике: «К нам наехало на лодках много музыкантов, и они все время играли вокруг судна на скрипках и мандолинах. Тут мы стояли недели две. Часто ходили в город. Несколько раз бывали в театрах, музеях, ездили в Помпею, поднимались на Везувий».

Из Средиземного моря крейсер пошел через Атлантический океан к берегам Америки.

В Сант-Яго стояли долго. «Занимались практикой», — объясняет Бегичев. Во время критских событий и стоянок в средиземноморских портах учебные занятия на корабле проводились нерегулярно, поэтому приходилось наверстывать пропущенное время.

У квартирмейстера Бегичева было много забот, заполнявших весь его день. Он являлся старшиной шлюпки, заведовал отдельной частью по приборке корабля, группой подачи судовой артиллерии. Эти сложные и многочисленные обязанности он выполнял всегда со свойственной ему аккуратностью, точностью и добросовестностью.

Много времени занимало у Бегичева обучение молодых матросов. Так же как когда-то и он, молодежь быстро росла, превращаясь в настоящих матросов русского флота.

* *
*

В апреле было получено распоряжение о возвращении в Кронштадт. Стосковавшиеся по родине моряки радостно приняли это известие. Вскоре крейсерский фрегат вышел в обратное плавание через Атлантику.

Было начало мая. «Герцог Эдинбургский» шел в родных водах, разрезая штевнем мутнозеленые воды Балтики. Наступала пора летнего плавания русского военно-морского флота. «Герцогу» встречались десятки кораблей. Оставляя шлейф густого черного дыма, проходила эскадра. Подымая за кормой высокие буруны, проносились миноносцы. Моряки всматривались в абрисы проходивших судов, отыскивая среди них знакомые.

Близ Готланда «Герцог» встретил учебное судно «Воин», которое Бегичев хорошо знал еще по первому плаванию в Балтике. Корабль стоял на якоре, сверкая белизной корпуса и палубных надстроек. Около судна, как цыплята вокруг наседки, сновали многочисленные шлюпки и катера. С корабля доносились слова команды и привычная ругань инструкторов, обучавших молодежь. Свободные от вахты матросы «Герцога» наблюдали за учением. Невольно Бегичеву вспоминались эти первые, самые трудные дни его флотской службы. Но новая встреча отвлекла общее внимание.

С левого борта шел незнакомый русский корабль. Моряки приняли его сначала за броненосец, идущий на маневры. Но чем ближе сходились корабли, тем более возрастало недоумение моряков. Монументальный корпус с отлогими бортами и носовой срез делали этот корабль похожим на военное судно. Черная окраска корпуса, высокие оранжевые трубы и отсутствие артиллерийских башен на палубе отвергали это предположение. Когда корабль почти поравнялся с «Герцогом», Бегичев, заинтересовавшийся этой встречей, заметил на ноке вице-адмиральский вымпел главного инспектора морской артиллерии Макарова. Это был новый ледокол «Ермак» — детище талантливого русского ученого-моряка С. О. Макарова, — построенный три месяца назад.

Бегичеву приходилось слышать о закладке этого первого в истории мощного ледокола. До него не раз доходили суждения офицеров «Герцога» о небывалом корабле. Скептики обычно многозначительно пожимали плечами, иронизируя над «затеей выскочки-адмирала». Другие, в частности Цвигман, наоборот, горячо защищали смелую идею Макарова.

— Если Макарову позволят, он дойдет на «Ермаке» до Северного полюса и водрузит там русский флаг, — убежденно доказывали они.

И вот теперь «Ермак» — родоначальник русского ледокольного флота, был перед глазами. Он шел из Петербурга в Ньюкасл, чтобы оттуда направиться в свое первое полярное плавание.

Ответив «Герцогу» на салют, «Ермак» прошел мимо и вскоре скрылся за горизонтом.

* *
*

В конце мая состоялся традиционный «высочайший смотр» учебным кораблям и экзамен ученикам. Затем «Герцога» перетянули в гавань. Началось разоружение корабля.

«Герцог» выглядел неуютно и неприветливо. Неуклюже торчали оголенные мачты и реи без парусов и такелажа. Зияли провалы пустых амбразур подвижной артиллерии. Всегда до блеска выдраенные палубы теперь были завалены такелажем и рангоутом, сдаваемыми в ремонт. В машинном отделении разбирались механизмы. Посторонние люди — мастеровые, рабочие портовых мастерских — ходили по кораблю. Не слышно было веселых переливов боцманских дудок и топота ног матросов, спешащих выполнить команду.

Учеников, получивших звание матросов, расписали по экипажам на берег. Бегичева назначили боцманматом. Теперь на погоне его форменки красовались три желтых нашивки.

В июле состоялся очередной набор. Снова начались шлюпочные учения, вооружение корабля и подготовка к новому далекому плаванию. Круг обязанностей боцманмата Бегичева значительно расширился. Свободного времени почти не оставалось.

Энквиста сменил новый командир — Бубнов.

В августе вооружение «Герцога Эдинбургского» закончилось. Корабль вышел на рейд и после очередного смотра командующим флотом направился в плавание. Опять он побывал во всех знакомых Бегичеву местах: Плимуте, острове Мадейра, Канарских островах, Барбадосе, Мартинике, острове Св. Фомы.

Все на корабле стало привычным, интересных событий в пути, повидимому, не было, и Бегичев лишь вскользь упоминает об этом рейсе.

Зато следующее плавание открыло ему совершенно новый мир, с которым он впоследствии сроднился.

Глава третья

БОЦМАН „ЗАРИ"

С группой молодых матросов Бегичев крепил на фок-мачте паруса. Во всех уголках корабля шла работа. На мачтах, реях, бугшприте — всюду были матросы, вытравлявшие такелаж. Часть команды, спустившись на люльках за борт, красила корпус. С баржи, стоявшей у борта, раздавались громкие окрики старшего баталера, наблюдавшего за погрузкой провизии. «Герцог Эдинбургский» готовился к новому плаванию.

С высоты рей перед Бегичевым открывалась знакомая панорама Кронштадта с его массивными громадами корпусов экипажей и обширным рейдом. То тут, то там виднелись белоснежные и светложелтые контуры военных кораблей. Множество парусных и паровых коммерческих судов бороздило гладь залива. В воздухе висел неумолчный рокот машин, стрекотание молотков, то нарастающий, то ниспадающий шум паровых лебедок. Эти звуки, прорезаемые время от времени низкими басами гудков пароходов, проходящих Морским каналом, сливались в единую симфонию напряженного труда, энергичной, кипучей деятельности.

Торопливые катеры, шлюпки, буксирные пароходики сновали от берега к кораблям и обратно. От адмиралтейской пристани, поблескивая ярко начищенной медью трубы, отвалил паровой катер. Обогнув громаду «Полтавы», будоража маслянисто-зеленую поверхность моря, катер быстро приближался. Медленно тающая в спокойной воде елочка волн далеко расходилась за низкой кормой.

Отрывисто засвистела дудка вахтенного боцмана, вызывая фалрепных. Два матроса быстро подбежали и выстроились у парадного трапа. Катер, мерно покачиваясь, подошел к фрегату. Незнакомый лейтенант взбежал по трапу и,

откозырнув вытянувшимся фалрепным, прошел в командирский салон.

Вечером был дан сигнал «команде наверх». Матросы выстроились на палубе. К строю вышла группа офицеров. Рядом с Цвигманом шел гость.

Приняв рапорт вахтенного начальника и разрешив команде стоять вольно, Цвигман в немногих словах рассказал матросам о цели приезда лейтенанта: экспедиционная яхта Академии Наук — «Заря» — направляется в полярное плавание в Северный Ледовитый океан. Туда набирают команду. Кто из матросов хотел бы итти в это плавание?

Цвигман объяснил, какие трудности и, возможно, лишения ожидают экспедицию в Арктике.

Переговариваясь между собой и подталкивая друг друга, из строя вышло несколько человек. Но, видимо, они не годились для такого дела, потому что Цвигман прошел на правый фланг шеренги, где стоял Бегичев, и указал на него приезжему офицеру:

— Вот, если он захочет итти...

«Этот офицер, фамилия его Матисен, — описывает Бегичев события знаменательного для него дня, — стал просить меня итти в экспедицию. Мне очень хотелось побывать в неизвестных местах и я согласился».

Через несколько дней на фрегат пришел приказ из Морского штаба об отчислении боцманмата учебного судна «Герцог Эдинбургский» Никифора Бегичева в распоряжение Академии Наук и назначении его боцманом шхуны «Заря» Русской полярной экспедиции.

Попрощавшись с товарищами и офицерами, Бегичев уехал в Петербург.

* *
*

Светлая петербургская ночь опускалась над городом, когда боцман, держа в руках крашеный деревянный сундучок, подошел к «Заре». Она стояла на Английской набережной, у Царской пристани.

Грязная палуба шхуны была завалена тюками и бухтами тросов. Оставив свой сундучок и внимательно осматриваясь, Бегичев поднялся на верхнюю палубу, где помещались офицерские каюты.

В салоне он увидел командира шхуны лейтенанта Коломейцева, разговаривавшего с Матисеном. Коломейцев был высоким, статным офицером лет 35—36. Его глубоко сидящие проницательные серые глаза внимательно разглядывали нового боцмана. Бегичев с неменьшим вниманием смотрел на Коломейцева, на его худощавое лицо с высоким открытым лбом, прямым тонким носом и маленьким энергичным ртом, укра-

шенное модными, лихо закрученными кверху усами и плоской бородкой. Во всем облике командира «Зари» — фигуре, выражении лица, стремительных движениях — чувствовались непоколебимая сила воли и решительность.

Бегичев опытным глазом сразу оценил, что его новый командир принадлежит к числу «стоющих» моряков. Видимо, Коломейцев остался доволен выправкой боцмана. Задав несколько вопросов о прежней службе, он отпустил Бегичева, приказав вахтенному указать новому боцману его место.

Проснувшись, по давно вкоренившейся привычке, рано утром, Бегичев пошел осматривать судно. Это был крепкий трехмачтовый парусный китобойный барк, грузоподъемностью около 450 тонн. Паровая машина позволяла развивать скорость хода до 8 узлов. Для освещения имелась динамомашина. Барк был построен в Норвегии и уже много плавал в полярных морях. О прошлом судна свидетельствовал запах ворвани, который не смогли отбить ни смола, ни свежая краска. На одном из спасательных кругов, висевших в шкиперской кладовке, сохранилось его прежнее наименование. Барк был куплен в Норвегии за 60 000 рублей. Во столько же обошлись его ремонт и переоборудование.

После обширных надраенных палуб «Герцога» заваленная грузом шхуна показалась новому боцману неприглядной. «Заря» мне не понравилась, — пишет Бегичев. — Против «Герцога Эдинбургского» она была маленькой и грязной». Но, взявшись за гуж, не говори, что не дюж. Сожалеть уже не приходилось, и боцман энергично принялся наводить порядок в своем новом хозяйстве.

* *
*

Экспедицию в Северный Ледовитый океан на шхуне «Заря» возглавил ее инициатор и организатор геолог Эдуард Васильевич Толль.

Имя Толля было хорошо известно в научных кругах. В 1882 году, по окончании Юрьевского университета, он участвовал в качестве натуралиста в экспедиции, работавшей в Средиземном море. Он посетил Алжир, Балеарские острова и остров Минорку. За научный труд по фауне Средиземного моря Толль получил звание кандидата зоологии. В 1886 году молодой ученый отправился в свое первое полярное путешествие на Новосибирские острова. Совместно с доктором А. Бунге, возглавлявшим экспедицию Академии Наук, он обследовал этот архипелаг.

13 августа, находясь на северном берегу острова Котельного, Толль увидел далеко в море, как ему показалось, очертания земли.

«Горизонт совершенно ясный, — записал ученый в своем дневнике в этот день. — Вскоре после того, как мы снялись с устья реки Могур-урях, мы в направлении на NE 14—18° ясно увидели контуры четырех гор, которые на востоке соединялись с низменной землей.

Таким образом, сообщение Санникова подтвердилось полностью. Мы вправе, следовательно, нанести в соответствующем месте на карту пунктирную линию и подписать на ней «Земля Санникова».

С тех пор достижение гипотетической земли стало заветной мечтой Толля, на которой сосредоточились все его помыслы, настойчивость и энергия.

Первые сообщения об этой «земле» появились еще в начале XIX века. Впервые ее «заметил» в 1811 году во время своих поездок к северу от острова Котельного устьянский промышленник якут Яков Санников, участник экспедиций Геденштрома и Пшеницына.

По словам Санникова, достичь этой «земли» ему помешали тогда льды.

В 1821 году лейтенант П. Ф. Анжу, возглавлявший экспедицию Адмиралтейского департамента, предпринял попытку побывать на этой «земле». Он прошел по морскому льду около 44 миль к северу от острова Котельного (до 76°31′ с. ш. и 137°26′ в. д.), но, несмотря на хорошую видимость, никаких признаков земли не обнаружил.

В продолжении целого столетия существование «Земли Санникова» служило предметом многих ученых споров. Загадка была разрешена лишь в наше время. Советские ученые, моряки и летчики неоднократно обследовали этот район и убедились, что никакой земли там не существует.

Но Толль настолько был убежден в существовании «Земли Санникова», которую он считал частью неизвестного еще архипелага, что даже высказал предположение о ее геологическом строении.

В течение нескольких лет ученый упорно хлопочет об организации экспедиции на «Землю Санникова». Чтобы пробить броню чиновничьей косности, бюрократизма, раболепия перед иностранщиной, царившими в высших правящих кругах России, он взывает к национальной гордости русских: «Наши смелые моряки прошлого и начала этого столетия, пользуясь примитивными способами снаряжения экспедиций в научном и материальном отношении, показали небывалое самоотвержение при съемке берега Ледовитого океана и при отыскании новых земель на N от последнего. Девятнадцатое столетие приходит к концу и оставляет нам многое еще сделать для довершения работ в области научных завоеваний на русском Севере, давшихся рядом тяжелых жертв

со стороны первых русских исследователей. Кому как не русским приличествует выполнить эту задачу?»[1]

Проектом Толля заинтересовались президент Академии Наук великий князь Константин Константинович и министр финансов Витте.

Прогрессивные стремления ученых — Макарова, Менделеева, Толля, Книповича, ратовавших за изучение и освоение северных морей, совпали в ту пору с империалистическими планами некоторых царских плутократов и иностранных капиталистов, орудовавших в России. Царская Россия вела тогда крупную игру на Тихом океане, в Корее, Манчжурии. Освоение Северного морского пути позволило бы царскому правительству, в случае необходимости, перебросить военный флот в Тихоокеанский бассейн и тем самым усилить там позиции России.

Именно в эти годы началось строительство ледокола «Ермак», были выделены средства на расширение исследовательских работ в Арктике.

После долгих и утомительных проволочек и мытарств были отпущены, наконец, средства на организацию экспедиции Толля. Несомненно, что ученое звание, большие связи в «свете» и баронский титул автора проекта этой экспедиции также возымели действие. Так или иначе, но Толль смог приступить к осуществлению своей заветной мечты.

* *
*

На «Заре» завершались последние приготовления к плаванию. Судно было перетянуто на другую сторону Невы и поставлено против Морского кадетского корпуса. Заканчивалась оснастка мачт, грузилось продовольствие. Бегичеву приходилось буквально разрываться на части, чтобы всюду успеть. Надо было следить за правильной оснасткой, укладкой снаряжения в трюм, получать различные материалы на адмиралтейских складах, наблюдать за уборкой помещения. Последнее стало теперь особенно необходимым, так как участились визиты высокопоставленных особ. На «Зарю» приезжал президент Академии Наук великий князь Константин Константинович, греческая королева Ольга, какие-то министры и камергеры в расшитых золотом мундирах и треуголках с плюмажами. Лоснящиеся жиром биржевые тузы, видные адвокаты в сопровождении нарядных дам, юркие репортеры столичных газет — вся эта пестрая толпа изрядно мешала команде. Но посещение «Зари» стало модой, о «Заре» говорили в «свете», в петербургских салонах.

---

[1] Известия Русского географического общества, 1898, т. XXXIV, вып. III, стр. 386.

21 июня в 2 часа дня «Заря», отчалив от набережной Большой Невы, прошла Морским каналом в Кронштадт. Здесь яхта приняла в свои угольные ямы и трюм 68 тонн угля. С погруженным ранее кардифом это составило запас в 290 тонн высококачественного топлива. С кронштадтской обсерватории были доставлены пассажный инструмент и 12 хронометров для будущих астрономических работ.

Воспользовавшись стоянкой, Бегичев взял позволение у командира съездить к своим друзьям на фрегат. «Я ездил на «Герцога Эдинбургского», — пишет он, — еще раз проститься со своими товарищами. Меня приняли очень хорошо. Цвигман приказал спустить катер номер первый; на греблю сели все инструкторы и провезли меня на шхуну «Заря».

23 июня в 1 час 45 минут пополудни «Заря» отдала швартовы. Расцвеченная флагами, под вымпелом главного командира Кронштадтского порта вице-адмирала С. О. Макарова, пожелавшего лично проводить мореплавателей до входных бочек, маленькая яхта гордо шла по рейду. В честь ее салютовали крепостные и корабельные орудия. Грохот залпов раскатывался над водой, заглушая громкое «ура» команд, выстроившихся в знак приветствия на вантах военных судов.

У бочек — короткая остановка. Провожающие, друзья и родные, съехали с яхты.

Не отрывая глаз, любовался Бегичев красавцем «Герцогом», мимо которого проходила «Заря». На крейсере в это время проводилось шлюпочное учение. Сверкнули алмазными брызгами выхваченные из воды «на валек» весла. Донеслось громкое «ура» гребцов.

Кронштадт, флот, русские моряки провожали своих отважных братьев, отправлявшихся навстречу неизвестному.

В жизни двадцатишестилетнего боцмана Никифора Бегичева начался новый этап.

* *
*

Ранним утром 25 июня «Заря» пришла в Ревель. В пути у судовой машины испортилась питающая помпа. Пришлось остановить машину и итти под парусами, пока исправлялось повреждение.

Стоянка в Ревеле была недолгой. Толль остался там для устройства личных дел, чтобы затем догнать «Зарю» в Бергене.

В проливе Каттегат «Зарю» захватил семибалльный шторм. Она не выгребала против встречного вестового ветра.

Пришлось укрыться в ближайшем порту Фридрихсгафен. Исправив повреждения в корпусе яхты и дав отдых команде, Коломейцев повел яхту к берегам Норвегии.

В полночь 2 июля «Заря» бросила якорь в гавани Бергена. В течение пяти суток шла погрузка угля, полярного снаряжения, точных инструментов, закупленных Нансеном по просьбе Толля.

В Тромсе, куда «Заря» пришла 13 июля, снова остановка: грузили 10 тонн брикетного угля. Толль придавал этому грузу большое значение. Брикеты предназначались для постройки жилья во время зимовки, и, вместе с тем, они могли служить хорошим топливом.

Трудно приходилось Бегичеву. Если команда на стоянках иногда имела возможность в свободные от вахты часы отдохнуть, сходить на берег, то боцману надлежало все время бодрствовать, неотлучно находиться на борту, следить за погрузкой.

На маленьком суденышке, казалось, уже не оставалось свободного места, но грузы продолжали прибывать. Догрузили еще 50 тонн угля, затем привезли около 30 тонн сушеной трески для собак. Всему этому надо было находить место, переваливать одно, чтобы уложить другое. Особенно много хлопот было с палубным грузом. Ту же треску, уложенную поверх и по бокам палубных надстроек, пришлось тщательно увязывать, чтобы волны не смыли ее за борт. Наконец, Бегичев смог облегченно вздохнуть: утром 22 июля яхта вышла в море.

Переход до Александровска при ясной погоде и попутном ветре был самым благоприятным за все время плавания от Петербурга. Двигаясь со скоростью 7 узлов, 24 июля яхта прибыла в самый северный русский порт — Александровск на Мурмане.

Тут экспедицию ожидали ездовые собаки, которые были заранее заказаны Толлем и доставлены из Сибири: 24 собаки из Усть-Янска и 40 — из Тобольской губернии. Их сопровождали каюры, знакомые Толлю по прежним путешествиям — казак-урядник Степан Расторгуев и устьянский мещанин Петр Стрижев.

Много огорчений доставляли Бегичеву четвероногие пассажиры. Псы моментально загадили с трудом приведенную в относительный порядок палубу. Они залезали в каюты, воровали съестное и ни на минуту не прекращали грызни. Немалых усилий стоило каюрам и команде изловить их и рассадить на привязь.

В один из последних дней пребывания в Александровске пришла депеша, сильно расстроившая Толля. Купленная экспедицией поморская шхуна «Забава» получила повреждение

во льдах по пути к Югорскому Шару, где она должна была передать «Заре» дополнительный груз угля. «Забава» возвратилась обратно в Архангельск. Правда, вторая депеша извещала, что повреждения несерьезны и 20 июля шхуна сможет выйти в море, но тем не менее возможность получения дополнительного запаса угля ставилась под сомнение. Толль решил пожертвовать частью собачьего корма и вместо него взять в Александровске как можно больше топлива. Снова началась выгрузка и погрузка угля. Вместо 300 связок рыбы экспедиция погрузила около 80 тонн угля. Теперь на яхте не оставалось ни одного свободного вершка: все было заполнено грузом.

«Больше принять невозможно ни одного пуда грузу, да и свободного места нет, — писал в своем отчете о плавании «Зари» лейтенант Коломейцев [1]. — Привожу здесь список грузов, находившихся на яхте в момент ее выхода в море:

Уголь	301	тонна
Вода	21	»
Шкиперские запасы	10	тонн
Провизия	60	»
Сушеная рыба	25	»
Керосин	10	»
Паровой катер и запасный рангоут	6,5	тонны
Научный инструмент	10	тонн
Люди и багаж	3	тонны
Шлюпки	3	»
Машинные запасы	5	тонн
Мебель и посуда	1	тонна
Каяки и сани	1	»
Вес грузов	456,5	тонны
Вес корпуса	589,0	»
Водоизмещение	1045,0	»

Перед отходом из Александровска пришлось списать двух членов команды: Малыгина и Семяшкина, первого за недисциплинированность и пьянство, второго — по болезни. «Исключая случай с Малыгиным, — отмечает в своем отчете Коломейцев, — вся остальная команда показала себя с самой лучшей стороны, и я считаю своим приятным долгом упомянуть об этом».

В этом была немалая заслуга и Бегичева, сумевшего поставить себя так, что каждое его приказание выполнялось матросами быстро и ловко. Матросы Железняков, Безбородов и Евстафеев, плававшие не первый год, знали свое дело.

[1] Известия Академии Наук, т. XV, № 4, 1901, ноябрь, стр. 374. Далее всюду цитируется по этому источнику.

Как бы ни приходилось им трудно, они старались выполнить все приказания, не жалея сил, с присущей военным морякам лихостью.

С первого же дня между Бегичевым и его подчиненными установились ровные товарищеские отношения, основанные на взаимном уважении, без какого-либо намека на панибратство. Впоследствии, за годы совместного плавания и зимовок, эти отношения переросли в тесную дружбу, длившуюся много лет.

В 5 часов вечера 31 июля «Заря» подняла якорь и взяла курс на Баренцово море.

Плавание до берегов Новой Земли было не из легких. У Колгуева «Зарю» захватил нордостовый шторм, замедливший ход судна до двух узлов. Перегруженный до предела барк не выгребал против ветра. Он тяжело всходил на волну и несколько раз принимал воду баком. Все облегченно вздохнули, когда ранним утром 7 августа показались сумрачные контуры Новой Земли.

Обогнув мыс Гребень, «Заря» вошла в Югорский Шар. На гладкой поверхности пролива плавали отдельные льдины. Толль хотел воспользоваться, как ему казалось, благоприятным моментом и выйти в тот же день в Карское море. Но на несколько часов экспедиции пришлось задержаться в бухте Варнека, где стояло гидрографическое судно «Пахтусов». Толль передал командиру «Пахтусова» полковнику А. И. Вилькицкому [1] почту для Академии Наук. Тут же была оставлена и инструкция шкиперу шхуны «Забава» с приказанием выгрузить топливо у мыса Гребень. Это делалось на случай, если «Заря» из-за льдов вынуждена будет возвращаться.

Распростившись с гидрографами, выбросившими на мачте сигнал «счастливого плавания», Толль приказал итти дальше.

Вскоре «Заря» вышла в Карское море.

* *
*

Вот она Арктика, страна льдов и мрака. Что-то ждет нас впереди? Где та загадочная «Земля Санникова», о которой все время говорят начальник и ученые? Найдем ли мы ее?

---

[1] Вилькицкий Андрей Ипполитович (1858—1913) — военный гидрограф-геодезист, составитель морских карт и описания берегов северных морей.

В 1887 году впервые на русском Севере производил в Малых Кармакулах (Новая Земля) наблюдения над силой тяжести. В 1894—1901 годах руководил гидрографическими и геодезическими работами от Енисейского залива до границ Норвегии. В последние годы своей жизни был начальником Главного гидрографического управления.

Должны найти, чорт возьми! Командир не из таких, кажется, чтобы сдрейфить, да и барон с характером: от намеченного не отступится, — так думал Бегичев, стоя у штурвала.

Вот уже сутки шла «Заря» в водах Карского моря, но пока ничего страшного не было. Погода стояла безветреная и тихая.

К вечеру ветерок разогнал туман. На горизонте, впереди по курсу Бегичев увидел блестящую полосу, отливающую серебром. «Заря» продолжала путь прямо на нее. Коломейцев, находившийся на мостике, вызвал Толля. Вскоре весь персонал экспедиции и команда столпились наверху. Все с нескрываемым интересом следили за приближением первых льдин. Вот они все ближе, ближе и, наконец, мелкие, поздреватые льдины зашаркали о корпус судна. Но чем дальше двигалась яхта, тем крупнее они становились.

С первых дней плавания во льдах моряки убедились в отличных качествах своего судна. Поворотливая, с крепким форштевнем, «Заря» хорошо слушалась руля. Но сплошной лед, встретившийся на пути, заставил Коломейцева уклониться от курса. Обогнув далеко вдающийся к югу ледовый клин, яхта пошла вдоль полуострова Ямал и острова Белого. На шестые сутки плавания Карским морем открылся остров Диксон. 12 августа в полночь яхта вошла в бухту.

В этот день Бегичеву довелось участвовать в полярной охоте и добыть свой первый охотничий трофей.

Матисен, разглядывавший в бинокль окрестности, заметил на берегу восемь двигавшихся желтых пятен. Это были белые медведи. Быстро спустили на воду вельбот. «Толль, доктор, Бируля, командир Коломейцев, Матисен и я с ними, — описывает Бегичев в своем дневнике эти охотничьи похождения, — поехали на вельботе; убили 7 медведей. Вернулись на судно. На другой день отправили двух человек снимать с медведей шкуры и заодно свезли на берег собак. Мы же четыре человека перегружали уголь из трюма в угольные ямы. 15 августа я поехал на паровом катере собрать медвежьи шкуры и на пути убил еще двух медведей. Собрали все и пошли к судну. Стали поднимать паровой катер; к трапу подплыл белый медведь: хотел, наверное, взойти на судно, но его плохо приняли и тут же подстрелили. Еще видели много медведей, но начальник не приказал убивать: они много отнимали у нас времени».

Пока научный персонал экспедиции, пользуясь стоянкой, совершал экскурсии по острову, моряки готовились к дальнейшему плаванию. Машинисты успели вычистить котел, наладить машину.

Еще в Карском море в корпусе судна была обнаружена течь. Ее следовало заделать. Но сколько ни бился Бегичев, сделать ничего не удалось. Пришлось ставить добавочную помпу для откачки воды.

Вечером 18 августа «Заря» снялась с якоря и медленно направилась в Карское море проливом Вели.

Перед отъездом с Диксона Толль оставил в избушке, выстроенной здесь в 1894 году командой судна «Скуратов», следующую записку:

«Русская полярная экспедиция пробыла здесь в гавани Диксона от 30/VII до 5/VIII 1900 г. (ст. ст.). Сегодня «Заря» направляется к мысу Челюскина. Я надеюсь в течение недели прибыть в намеченную зимнюю стоянку на восточном берегу Таймырского полуострова. Работы развертываются успешно. Все участники экспедиции здоровы.

«Заря» 5/18 августа 1900 г. Толль».

* *
*

Через несколько часов Диксон скрылся за горизонтом. «Заря» быстро шла по чистой воде. Но вскоре пришлось остановиться. «Из-за тумана, — описывает Бегичев дальнейшее плавание «Зари», — стали на якорь возле одного островка. Когда прояснело, пошли дальше».

В полночь встретился лед. Коломейцев направил «Зарю» вдоль западной его кромки, временами форсируя узкие перемычки. К утру яхта пробилась на свободную от льда воду и миновала группу Каменных островов, расположенных при входе в Пясинский залив.

Плыть приходилось с опаской. Карты, имевшиеся в распоряжении экспедиции, были предельно неточными, порой ими совсем нельзя было пользоваться.

Тем не менее полярники не унывали. «Нам нельзя жаловаться, — заносил в свой дневник Толль, — прекрасное судно, тепло, светло и свежая хорошая провизия, также нет недостатка в необходимых материалах для снаряжения, нет недостатка и в терпении, по крайней мере у меня и у Коломейцева».

А терпение, действительно, требовалось исключительное. Несмотря на все предосторожности, «Заря» несколько раз садилась на мель. Какая бы ни была погода, приходилось спускать вельбот, завозить верп [1]. Каждую минуту волны могли опрокинуть тяжело нагруженную шлюпку. Неосторож-

[1] Верп — малый якорь, служит для завозов при разных работах: перетягивании судна, стягивании с мели и т. п.

ный поворот руля — и гребцы рисковали принять ледяную ванну. Но моряки мужественно переносили лишения.

«В одном месте попали на мель, но вскоре снялись, — вспоминал Бегичев. — У Оленьего острова снова сели на мель, на этот раз основательно».

Долгие часы изнурительного труда скрываются за этими скупыми строчками!

Плавание становилось все более трудным. Опасаясь, чтобы шхуну не затерло дрейфующими льдами, Толль отдал распоряжение Коломейцеву держаться ближе к материку. «Заря» продвигалась прибрежными малообследованными шхерами.

22 августа «Заря» в поисках прохода между островами и материком попала в обширную бухту, не обозначенную на карте. Поиски выхода из этого залива, названного Толлем бухтой Минина, заняли целые сутки. За это время ветер южной четверти отжал льды от островов и открыл «Заре» выход в море. Обрадованный Коломейцев направил яхту в свободный от льда пролив между двумя островами.

Настроение у всех поднялось. «Заря» шла полным ходом. Толстов, работавший с лотом, громко выкрикивал отсчеты. Глубины были хорошие: от пяти до восьми сажен. Вдруг Толстов, делая очередной отсчет, испуганно воскликнул:

— Три сажени!

Матисен, стоявший на вахте, дал полный задний ход, но было поздно. Яхта, заскрипев корпусом по дну, остановилась на мели.

Быстро спустили шлюпку. Бегичев поехал промерять. Под килем «Зари» было всего 16 футов. Впереди оказалось еще мельче. За кормой глубины увеличивались, но не намного.

Пока занимались промерами, начался отлив. Огромная льдина, плывшая по течению, ударила яхту в корму и, чуть не свернув руль, еще больше вытолкнула судно на мель. Теперь «Заря» лежала на боку.

Положение было не из приятных. Попытка завезти верп и оттянуться не удалась: верп забирал песчаный грунт. Неудача не охладила Коломейцева, он продолжал энергичные работы по спасению судна, используя все имевшиеся в его распоряжении средства.

Рано утром, при отливе, Бегичев с матросами завез верп и стоп-анкер гуськом на правую раковину[1]. С кормы по траверзу поставили ледяной якорь. В этих работах принял уча-

[1] Стоп-анкер — самый тяжелый из верпов, находящихся на судне. Постановка на якоря гуськом — специальный прием соединения двух якорей на одном якорном канате или цепи.

стие весь персонал, включая Толля, ученых и офицеров, так как команда не в силах была поднять девятидюймовый перлинь [1]. Все понимали: не удастся стянуть яхту с мели, придется разгружать судно на быстром течении, вдали от берега.

Наконец наступил решительный момент. Бегичев, наблюдавший за приливом, обрадованно закричал:

— Вода прибывает!

Выждав, когда яхта встала на киль, Коломейцев скомандовал в машину дать полный задний ход. Забурлил винт, поднимая со дна клубы песка. Толстый перлинь натянулся, как струна.

Затаив дыхание, люди с напряженным вниманием глядели на воду. Вдруг «Заря» вздрогнула, — раз, другой и, скрежеща килем по грунту, соскочила с мели. Еще мгновение, и она снова села бы на мель, находившуюся за кормой, но Коломейцев каким-то шестым чувством ощутил, что яхта на плаву, и сразу же дал ход вперед. Стали на восьмисаженной глубине. Коломейцев велел измученной команде отдыхать.

Все легли спать.

Только поздно вечером «Заря» направилась в море.

27 августа с левого борта открылась группа островов, а прямо по курсу один, довольно большой остров. (По всей вероятности, это была группа островов Крузенштерна и остров Рыкачева. Все пространство к северу и западу от островов было сплошь покрыто льдом, подходящим к самому берегу. Только справа виднелся чистый от льда залив или пролив (мореплаватели этого не знали). Не имея другого пути, Толль направил «Зарю» в этот пролив. (На современных картах он называется проливом Григорьева.)

Безотрадная картина открылась глазам мореплавателей. Пролив привел их в обширную бухту, глубоко вдающуюся в материк. Пологие холмы окружали ее со всех сторон. Мрачным куполом темнела на северо-востоке гора Черная — одна из самых высоких возвышенностей Западно-Таймырского побережья. Несколько островов как бы прорывались сквозь массу сплошного торосистого льда, заполнявшего залив. Толль назвал его именем своего предшественника — русского ученого и полярного исследователя Миддендорфа.

«Мы вошли в залив, — пишет Бегичев, — где и стали на якорь. На другой день выехали на шлюпке осматривать лед, но оказалось, что оба прохода в море забиты льдом». Лед задержал здесь шхуну на долгие 20 дней. Наступил сентябрь. Улетели гуси и утки. Быстро укорачивались дни.

---

[1] Перлинь — толстый кабельный пеньковый трос.

Окрестные берега, сопки, тундра покрылись снегом. Казалось, что зимовка неизбежна. Но моряки упорно не хотели сдаваться.

При первой возможности спускали вельбот на воду. Толль с Коломейцевым в сопровождении Бегичева отправлялись на поиски выхода из этого тупика. Они посещали ближние острова, материк и там, с береговых возвышенностей, внимательно высматривали окрестности, в надежде найти где-нибудь хоть полоску чистой воды, но всюду стоял лед. Лишь на горизонте виднелось темное небо, верный признак чистой воды.

— Что же предпринять нам, господа? — обратился к своим спутникам Толль во время одной из этих ледовых разведок.

— Положение трудное, Эдуард Васильевич, — задумчиво отозвался Коломейцев. — Сквозь эти льды не то что нашей «Заре», а и «Ермаку» не пробиться.

— Эх, если бы мы находились по восточную сторону Таймыра! Оттуда, я уверен, мы смогли бы на будущий год сравнительно легко выбраться. А здесь какое-то фатальное место. Проливы, видимо, освобождаются не каждый год. И если мы тут зазимуем, где гарантия, что сможем выбраться на будущий год? Как вы думаете, не следует ли нам уже сейчас начать подыскивать место для зимовки?

— Пожалуй, все-таки, Эдуард Васильевич, отчаиваться еще нет основания. Будем выжидать. Может быть обстановка улучшится.

— Разрешите сказать, господин барон, — вступил в разговор присутствовавший при этом Бегичев. — Позавчера, когда мы были здесь, я обратил внимание на тот вон приметный черный торос, что торчит по середине пролива. Видите? Тогда он был у мыска. Стало быть его снесло. Наверно в проливе есть движение. Нам бы сейчас восточного ветра, глядишь, и вышли б из этой мышеловки.

— А, знаете, боцман прав, — оживился Коломейцев. — Действительно, как это я не обратил внимания. Подождем, пожалуй, еще несколько дней, может, повезет нам. Выберемся за Таймыр, а там должно быть легче.

— Попытка, правда, рискованная, но если мы продвинемся в этом году подальше вперед, то сможем на будущий год много выиграть, — согласился Толль.

В следующие дни Коломейцев, пользуясь малейшим улучшением ледовой обстановки, старался продвинуться поближе к южному проливу, где действительно наблюдалась подвижка льдов. Но западные ветры, помогавшие «Заре» во время свободного плавания, сейчас держали ее в плену.

Лишь в середине сентября ветер переменился. Он принес с собой туман, морось, но зато лед в южном проливе (пролив Семенова), отделяющем остров Рыкачева от материка, стал разрежаться.

Нащупав узкий фарватер с меняющимися глубинами, Коломейцев провел по нему судно.

16 сентября «Заря» вышла из залива Миддендорфа и стала медленно пробираться на север.

В год плавания «Зари» ледовая обстановка у Таймырского побережья была менее благоприятной нежели в годы предшествовавших ей плаваний «Фрама» и в особенности «Веги» Норденшельда.

20 сентября появились первые забереги. Попытка пройти мористей к северу от острова, открытого Нансеном и названного Толлем по имени его первооткрывателя, не удалась: у островов Норденшельда стояла полоса сплоченного тяжелого льда. За ней виднелась чистая вода, но Толль все же не решился форсировать перемычку, так как началось интенсивное льдообразование.

Для моряков стало очевидным, что навигация заканчивается. Теперь надо пытаться проникнуть в удобную для зимовки бухту Колин-Арчер.

«Заря» повернула к югу и 26 сентября вошла в пролив Фрама. Стояла штилевая погода. Подернутая пленкой ледяного сала, вода в проливе казалась тяжелой, неподвижной. Навстречу попадались редкие льдины. Шхуна довольно быстро продвигалась к цели. Пролив заполнял блинчатый лед. Врезавшись в сплошную массу «блинов», яхта замедлила ход.

Через несколько часов подошли к острову Боневи. Проливы Свердрупа и Таймырский были забиты прошлогодним невзломанным льдом. «Заря» остановилась.

Бегичев так описывает эти последние дни плавания в 1900 году: «Прошли остров Нансена и пролив Свердрупа. Подошли к острову Боневи в Таймырском проливе. Здесь встретили сплошное поле льда... Пролив даже не очистился от прошлогоднего льда. Мы подошли к кромке льда и стали на ледяной якорь».

Пространство чистой воды у острова Боневи близ места стоянки судна заполняли ледяные кристаллы, которые к вечеру быстро смерзались. За ночь рейд покрылся тонким льдом, толщиной до трех сантиметров Навигация закончилась. 27 сентября Толль объявил составу экспедиции о начале зимовки.

Несколько дней шла борьба ветра и мороза. Море то покрывалось коркой молодого льда, то, под действием ветра, очищалось.

Из пролива заходили отдельные старые льдины. Схватываемые молодиком, они вмерзали в лед. В ночь на 2 октября большая часть рейда покрылась новым льдом, а на следующий день стал и весь рейд, чтобы не вскрываться уже до следующего года.

* *
*

За четыре месяца службы на «Заре» присущие Бегичеву энергия, знания, увлечение, с каким он выполнял все дела, помогли ему завоевать общее уважение. Коломейцев, также как и Матисен, давно оценил своего боцмана и во всем доверялся его опыту и добросовестности. Он и раньше нередко советовался с боцманом, но вначале это касалось обычно лишь узко-корабельных вопросов: что починить, что залатать, где подкрасить. За два месяца плавания во льдах, и особенно после разговора на ледовой разведке, Коломейцев сблизился с Бегичевым.

Властный и замкнутый Коломейцев в редкие свободные минуты охотно вступал в разговоры с боцманом. Он интересовался его детством, прошлой службой, заграничными плаваниями. Сам много плававший и много переживший, Коломейцев порой забывал о разнице в их служебном положении и, перебирая привычным жестом свою маленькую плоскую бородку, с увлечением рассказывал Бегичеву о своей жизни.

Первое время офицеры держались несколько обособленно от ученых, но стараниями Толля, сумевшего восторженными повествованиями об Арктике, своими предположениями о «Земле Санникова» зажечь во всех уверенность в успех экспедиции, — эта грань постепенно стерлась. Ученые охотно принимали участие в авральных судовых работах, помогали морякам. В свою очередь Коломейцев и Матисен, обладавшие некоторым полярным опытом (оба они ранее плавали на гидрографических судах в северных морях), оказывали ученым помощь в их наблюдениях. Стремление к успеху объединяло всех.

По-иному сложились взаимоотношения начальника экспедиции и командира судна. С некоторого времени они охладели друг к другу. Такое охлаждение наметилось еще после эпизода с матросом Малыгиным.

У берегов Скандинавии, в Тромсе, Малыгин, отпущенный на берег в баню, безобразно напился и устроил дебош. Пришлось задержаться с выходом в море, пока Матисен выручал матроса из полицейского участка. На следующее утро Малыгин, давая объяснения Коломейцеву, надерзил. Коломейцев написал рапорт на имя Толля с требованием

отдать матроса под суд за оскорбление. Но Толль нашел, что наказание слишком сурово, и не утвердил его. Коломейцев расценил «либерализм» начальника как подрыв его авторитета. Произошел крупный разговор, в котором резко выявилось расхождение во взглядах начальника экспедиции и командира корабля.

Коломейцев, властный, но требовательный к себе, был так же требователен и к подчиненным. Он не делал никаких скидок на необычайные условия плавания и продолжал поддерживать на яхте, так же, как и позже на зимовке, режим военного корабля. Это не нравилось Толлю, человеку иного склада характера. Человеку сильной воли, упорному и настойчивому в достижении намеченной цели, Толлю все же отнюдь не чужды были некоторые, либеральные по тому времени взгляды, так не вязавшиеся с его баронским титулом. В своем стремлении создать на «Заре», как ему казалось, дружескую атмосферу, основанную не на уставных положениях, он порой нарушал рамки субординации, обращаясь к подчиненным через головы офицеров. Этого Коломейцев не мог допустить.

— Вы мне разлагаете команду, господин барон, — подчеркивая титул Толля, не раз говорил Коломейцев.

— А вы, Николай Николаевич, забываете, что мы не в Кронштадте, а в Северном Ледовитом океане. В этих условиях работа кока Искевина не менее важна, чем ваша или моя.

И Коломейцев, сам выходец из разночинцев, доказывал Толлю невозможность дружбы между «нижними чинами» и офицерами, хотя именно такая дружба завязывалась у него с боцманом.

У начальника экспедиции и командира яхты хватало такта не показывать окружающим свои разногласия, и они держались друг с другом предупредительно вежливо.

К команде Толль относился просто, охотно разговаривал со всеми, шутил. Он не любил, когда, обращаясь к нему, упоминали его титул.

— Я здесь не барон, — обычно останавливал он.

Много времени Толль проводил на мостике. Случалось, что «Заря» останавливалась в ожидании улучшения обстановки во льдах. Чтобы дать возможность отдохнуть Коломейцеву, Толль охотно нес за него вахту. Часы ночной командирской вахты, с полуночи до четырех часов утра, совпадали с вахтой боцмана. Эти совместно проводимые часы сыграли в жизни Бегичева важную роль.

...Яхта, озаренная пурпуровым отблеском зари, пылающей на северном крае небосклона, застыла, приткнувшись к большой льдине. Тишина. Кажется, ничто не может нару-

„Заря" на зимовке в проливе Боневи (1900—1901 гг.).

шить картины этого глубокого спокойствия. Все спит вокруг. Даже псы, эти неуживчивые обитатели палубы, затихли, укрыв носы своими пушистыми хвостами.

Толль подолгу ходит по мостику, или, опершись на поручни, задумчиво глядит вдаль. Бегичев, примостившись поблизости, ловко орудует свайкой, чинит какую-нибудь деталь такелажа.

Эти тихие ночные часы располагают к откровенности. Толль задает боцману вопрос, другой. Бегичев отвечает. Завязывается беседа. Толль своим низким грудным голосом рассказывает боцману о работах и открытиях русских моряков, участников Великой Северной экспедиции — штурмане Челюскине, боцманмате Медведеве, братьях Лаптевых, отдавших исследованию этих берегов лучшие годы своей жизни. Он вспоминает и о своих прежних арктических странствованиях. Но чаще всего Толль говорит о «Земле Санникова».

— Мы найдем ее, боцман! Мы должны найти, чего бы нам это ни стоило. Я не знаю, может ли существовать на свете большее счастье, нежели счастье исследователя, открывающего землю, на которую до него не ступала нога человека? В эту минуту забывается все: и долгие годы лишений, и тяжкие труды, и смертельная усталость, еще час назад сковывавшая тело. Ты не знаешь еще, сможешь ли вернуться на родину, чтобы поведать человечеству о своем открытии. Может быть, на последней версте обратного пути тебя ожидает смерть, но ты идешь, выбиваясь из последних сил, потому что идея сильнее тебя. Рожденная человеком, она удесятеряет его силы. Она толкает его, вливает в его жилы энергию, мужество. Не знаю, боцман, сможешь ли ты понять, постичь эту радость? Пожалуй, нет. Что толкнуло тебя итти с нами? Деньги? Слава? Она тебе не достанется, хотя не знаю, достанется ли она и мне...

И резко откинувшись от поручней, Толль начинал нервно шагать по мостику.

Выдающийся ученый Толль, искренно считавший себя другом «простых людей» — якутов и эвенков, помогавших ему в прежних арктических путешествиях, другом матросов «Зари», не мог понять того, что вот этот полуграмотный боцман, с которым он делился сейчас своими сокровенными думами, может взяться за предприятия не менее трудные, чем его, не помышляя ни о деньгах, ни о славе. В Кронштадте Бегичев ответил согласием на предложение Матисена итти в плавание исключительно из чувства врожденной любознательности.

Слова ученого зажигали в Бегичеве новые стремления. Идея Толля — найти «Землю Санникова» — захватила его пол-

ностью. И когда «Заря» остановилась на зимовку у острова Бонева, Бегичев с удвоенной энергией окунулся в работу, которая должна была способствовать успеху их экспедиции.

* * *

Место для зимовки судна оказалось довольно удачным. Яхта стояла на десятисаженной глубине закрытого со всех сторон рейда. Подвижки льда с моря здесь ей не угрожали.

Утомительны были последние дни плавания, но и теперь отдыха не предвиделось. Следовало не теряя времени подготовиться к долгой зиме и развертыванию научных работ по намеченной Толлем программе.

Ученые и офицеры занялись проверкой приборов, писали отчеты о наблюдениях, произведенных за время плавания. Вся тяжесть судовых и хозяйственных работ, от которых зависел исход научных исследований, легла на плечи Бегичева. Судно переводилось на зимнее положение. Паруса, часть такелажа, все лишнее с палубы убиралось в трюм. Спешно отеплялись, обшивались досками палубные надстройки. В машинном отделении Огрин со своими помощниками занимался консервацией судовых механизмов. Всех собак сразу же свезли на берег, где каюры устроили им будки и давали усиленный корм. Впереди им предстояло много работы.

На льду, в нескольких десятках метров от судна, установили будку с приборами, и Матисен начал метеорологические наблюдения. Коломейцев поставил у лунки приливомер и тоже начал наблюдения над колебанием уровня моря. Доктор Вальтер занялся сбором проб грунта и ила со льда для бактериологических исследований.

Бегичеву приходилось много работать, надо было всюду поспеть, обеспечить все эти точки нужными материалами и оборудованием. В одном месте требовалось установить палатку, в другом укрепить приборы; к третьему подвезти доски.

Немало труда потребовало устройство обсерватории. Местом наблюдений Толль избрал безымянный островок (названный впоследствии островом Наблюдений), расположенный в нескольких кабельтовых от судна. Бегичев и Евстафеев под наблюдением Матисена и Зеберга соорудили на островке помещения для инструментов и дежурных наблюдателей. В будке, сколоченной ими из досок, помещался унифиляр, магнитный вариационный прибор. Для проведения абсолютных магнитных наблюдений слепили ле-

дяной домик. Такие же домики были построены для маятников и отдыха дежурных наблюдателей. «Резали снег, клали стену и обливали ее водой. Внутри стены и потолок обвесили парусиной, поставили керосиновую печь», — так описывает Бегичев эти постройки. На остров была перенесена метеостанция.

Суточные наблюдения на острове начались с наступлением полярной ночи. Производились они поочередно всеми офицерами и учеными. В помощь им обычно придавался кто-нибудь из команды. От дежурств на острове Бегичев был освобожден. У него прибавилась новая забота: ежедневные поездки за плавником.

По окрестным берегам лежало много выброшенного морем леса, который зимовщики, экономя драгоценный уголь, использовали для отопления жилых помещений. Бегичев научился управляться с собаками и вскоре уже ездил самостоятельно на упряжке. Как ни трудны были эти поездки, но Бегичев полюбил их.

Сдружился боцман и с собаками, хотя за время плавания они попортили ему немало крови, вечно шмыгая под ногами, воруя плохо положенное, нарушая элементарные правила корабельной чистоты.

* * *

Основные исследования Таймырского полуострова Толль намечал провести с наступлением светлой поры. Для этого требовалось создать теперь же опорный пункт, базируясь на который можно было бы предпринять дальние маршруты по исследованию восточной части Таймыра.

В конце октября Толль с Расторгуевым и Носовым совершили санную поездку к Гафнер-фиорду. Бегичеву очень хотелось отправиться в этот маршрут, но Коломейцев его не отпустил, так как на зимовке было много неотложных работ.

31 октября зимовщики проводили солнце. Началась долгая полярная ночь. Ноябрь выдался пурржливый. В октябре из-за других срочных работ не удалось сделать запаса плавника, поэтому теперь Бегичеву приходилось пользоваться короткими промежутками хорошей погоды, чтобы привезти дров. Во время одной из поездок боцман получил первое арктическое крещение. Вот как описывает он это происшествие:

«Настало темное время. Ездить за плавником стало очень трудно, так как пургами и метелями его занесло. Доводилось искать дрова верст за пятнадцать и дальше. Один раз я привез три нарты дров и поехал во второй раз уже вече-

Постройка астрономического знака экипажем „Зари" на острове Наблюдений.

ром. Дрова нашли недалеко — в пяти верстах от судна. День был тихий, ясный, светила луна. Приехали к дровам, нагрузились и направились обратно. Вдруг ударила пурга. Мы ездили, ездили, но судна не нашли. Подъехали к совершенно незнакомому берегу. Дрова бросили и стали опять искать судно, но снова приехали к какому-то берегу. Здесь я узнал место и, взяв прямо на восток, проливом попал на телефонный провод, который был проведен с судна на остров Наблюдений. По этому проводу мы и добрались до «Зари». На судне очень беспокоились о нас, пускали ракеты, звонили в колокол, но из-за пурги мы ничего не видели и не слышали. Одеты мы все были очень легко. Рассчитывая скоро вернуться, теплой одежды не взяли, поэтому все сильно прозябли».

Так в повседневной напряженной работе проходили дни. Толль, обладавший опытом полярных зимовок, знал, как бывает пагубно безделье в подобных условиях, поэтому он требовал от каждого выполнения определенной работы. Наступившие «святки» внесли некоторое разнообразие. В сочельник был вытащен из трюма заветный ящик — подарок президента Академии Наук, с надписью: «Вскрыть на рождество 1900 года».

Ящик был вскрыт. В нем «оказалось для каждого человека по одной чарке водки и еще кой-какие безделушки», — разочарованно пишет Бегичев, повидимому, ожидавший, как и вся команда, более существенного.

Старший машинист Огрин, и раньше в свободные минуты развлекавший своих товарищей пением и игрой на цитре и гармонике, в эти дни превзошел сам себя, дав со своей труппой грандиозное «гала-представление».

Под звучными псевдонимами артистов скрывались судовые таланты: механик Огрин (Э. Огрини, г-жа Акулина Огрини), повар Искевин (Н. Фомин, Ф.), матрос Толстов (С. Танти, С. Т.), кочегар Пузырев (П. Луиджи). Даже долго отнекивавшийся Бегичев был привлечен Огриным для участия в дивертисменте. Его выступление в составе трио клоунов вызвало восхищение у зрителей, но по-иному реагировали партнеры. Бегичев, войдя в роль укротителя, так намял бока «зверям», что они долго поминали ретивого актера — Н. Боцмани.

«В общем праздник провели сносно» — пишет Бегичев. Давая такую сдержанную оценку, он, несомненно, вспомнил о традиционных гулянках в эти дни в обычной обстановке. «За все время в экспедиции мы только на рождество выпили по чарке водки, да командир дал одну бутылку коньяку, а то мы все время водки не видели. Начальник экспедиции был против спиртных напитков...»

ТЕАТР НА ЯХТЕ „ЗАРЯ“

Воскресенье 31 декабря 1909 года

I ОТДЕЛЕНИЕ

1. Русский гимн.

Исполн. все участвующие.

2. Вариации на мотивы латышских народных песен.

Исполн. на цитре *Э. Огрини.*

3. «Русский посланец». Комический монолог.

Исполн. *Ф. Фомини.*

4. а) «Парикмахер»
   б) «Укротитель зверей» } Комический выход клоунов.

Исполн. *С. Танти, П. Луиджи и И. Боцмани.*

Антракт 15 минут.

II ОТДЕЛЕНИЕ

1. «Надо разжевать»
   «Только не хочу» } Магический фокус с куплетами.

Исполн. *Э. Огрини.*

2. Выход музыкальных клоунов.

Исполн. *С. Танти* и *П. Луиджи.*

3. «В гостях». Сцена из жизни.

Исполн. г-жа *Акулина Огрини* и гг. *С. Т.* и *Ф.*

Антракт 15 минут.

III ОТДЕЛЕНИЕ

1. «Мы слесаря». Трио.

Исполн. *Э. Огрини, П. Луиджи* и *С. Танти.*

2. «Накинув плащ». Серенада.
   «Среди долины...» Народная песнь.

Исполн. все участвующие.

3. «Камаринский». Народный танец.

Исполн. все участвующие и кордебалет.

Антракт 15 минут.

IV ОТДЕЛЕНИЕ

1. «Прощание старого года». Монолог.

Исполн. *Э. Огрини.*

2. «Новый год». Живая картина.

Конец.

Начало ровно в 8 часов вечера.

* *
*

Совместная работа, вынужденное близкое общение, сглаживали грани, воздвигнутые дисциплинарным уставом между офицерами и «нижними чинами». Зимовщиков сплачивало сознание важности выполняемых ими работ.

Матросы стали называть ученых и Толля по имени и отчеству. Коломейцеву это казалось чудовищным нарушением дисциплины. Старое чувство неприязни к Толлю вспыхнуло в нем с новой силой и привело в конце концов к тому, что их дальнейшая совместная работа стала невыносимой. Произошел разрыв, в результате которого Коломейцев подал рапорт с просьбой освободить его от обязанностей командира судна и направить на материк. В официальной версии отъезд Коломейцева связывался с необходимостью организации вспомогательной угольной станции на острове Диксон, на случай возвращения «Зари» на запад, и на острове Котельном, если «Заря» обогнет мыс Челюскина.

«Удачная организация этих станций зависит от исполнительности того лица, по возможности моряка, которому будет дано это поручение, так как письменные заказы, отправленные отсюда на устье Енисея в Дудино и в г. Якутск едва ли достигли бы цели. Я не знаю более подходящего для выполнения этой задачи лица, как лейтенант Коломейцев. Он весьма подходящее лицо, между прочим и потому, что он лично знаком с местными условиями на Енисее».

Так мотивировал Толль отъезд Коломейцева в своем донесении президенту Академии Наук [1].

Коломейцев сказал о своем отъезде Бегичеву, хотя ни словом не обмолвился о разрыве с Толлем.

«На Новый год, — вспоминает Бегичев, — командир Коломейцев сказал мне, что он покидает судно и едет с казаком Расторгуевым к реке Таймыре и оттуда через тундру на Хатангу, где живут люди... в Дудинку, Туруханск и дальше. Посылает его начальник экспедиции для заготовки и доставки по реке Енисею на Диксон 100 тонн угля для нашего судна и на 20 человек теплой одежды».

3 февраля Коломейцев и Расторгуев, забрав почту, оставили «Зарю». Они предполагали пройти по пути, некогда совершенному Лаптевым и Миддендорфом, — вверх по течению Таймыры, через Таймырское озеро, по рекам Россохе и Блудной до станка Рыбное. Здесь они надеялись найти зимние стойбища оленеводов. Но простая оплошность путешественников, забывших захватить примусную иголку,

[1] Известия Академии Наук, т. XV, № 4, 1901, ноябрь, стр. 352.

лишила их возможности продолжать путь. Это казалось пустяком, а между тем из-за этого пустяка они остались без горячей пищи. При таких условиях продолжать путешествие было невозможно.

21 февраля они возвратились на судно.

«Как-то утром, — рассказывает Бегичев, — вахтенный матрос увидел идущих с северо-востока двух человек и нарту. Все мы вышли наверх посмотреть кто это идет. Это были Коломейцев и Расторгуев. Они ездили семнадцать суток, но устья Таймыры не нашли. Сильные пурги, морозы и прибавок темное время не давали совершенно ходу вперед. Иной раз пурга не давала им возможности поставить даже палатку. Одежда и спальные мешки у них были замерзшие. Мы их встретили, но барон Толль как только узнал, что вернулся Коломейцев, то сию минуту ушел к себе в каюту. Он почему-то сильно был недоволен возвращением Коломейцева».

Отдохнув несколько дней, 5 марта Коломейцев и Расторгуев вторично вышли тем же путем, но через двадцать шесть суток, претерпев много лишений, снова вернулись, не найдя и на этот раз устья Таймыры.

Коломейцев предложил Толлю изменить маршрут: итти на Гольчиху вместо Хатанги. Толль согласился.

Отпраздновав праздник пасхи на судне, Коломейцев 18 апреля со своим спутником — урядником Расторгуевым, отправился в путь в третий раз, теперь уже на запад — к Гольчихе.

«Неужели мне придется отправлять почту еще в четвертый раз?» — спрашивает Толль в своем дневнике. Но Коломейцев не вернулся.

До мыса Стерлегова его и Расторгуева провожали Бялыницкий-Бируля со Стрижевым. Расставшись 28 апреля с Бирулей у мыса Прощания, 27 мая, на сороковые сутки пути от «Зари», Коломейцев достиг Гольчихи.

Впоследствии он выполнил задание Толля, доставив в начале лета 1901 года около 100 тонн угля на Диксон. В сарае, выстроенном для хранения угля, Коломейцев оставил ящик с рапортом на имя Толля и письмо для адмирала Макарова, собиравшегося посетить Диксон на «Ермаке». Но ни Толль, ни Макаров этим углем не воспользовались...

* *
*

Жизнь на судне текла своим чередом. Ученые и офицеры продолжали исследование побережья и окрестных островов. Одни приезжали, другие уезжали. Бегичев давно

рвался отправиться с кем-нибудь из исследователей в дальний поход. Ему хотелось проверить свои силы, испытать все те лишения, о которых рассказывали возвращавшиеся из поездок товарищи. Как когда-то в Цареве он ходил зимой в легком пиджаке, чтобы закалить свое тело для морской службы, так и теперь ему хотелось овладеть искусством дальних маршрутов, которое может быть ему пригодится в будущем. Но увы! приходилось удовлетворяться скромной работой.

На Никифоре Алексеевиче лежало все хозяйство зимовки — «таймырское адмиралтейство», как шутя называли его зимовщики. С особенной тщательностью он обеспечивал отъезжающих в маршруты людей всем необходимым, чтобы не повторилась история с пресловутой примусной иголкой. Все матросы помогали исследователям, и Бегичев один убирал помещения судна, перебирал продукты, ездил за дровами. Теперь за плавником приходилось ездить намного дальше, а плавник нужен был в больших количествах. Угля оставалось всего 107 тонн и, кто знает, не придется ли в плавании жечь в котле деревянные части судна?

Быстро летело время. Приближался день, когда «Заря» могла вырваться из ледяных оков и направиться к своей главной цели — «Земле Санникова». Это можно было сделать лишь на исправном судне. И боцман старался использовать каждую минуту, чтобы как можно лучше подготовиться к плаванию. Он чинил прохудившиеся паруса, смазывал блоки, ремонтировал такелаж.

Каждый день приносил что-нибудь новое. С 1 мая на острове прекратили ежечасные наблюдения. Приборы и доски, из которых были сделаны дома, Бегичев перевез на судно.

Началось таяние снега. Кое-где показалась земля. Сообщение между «Зарей» и материком становилось все труднее и труднее. Ожила тундра. Как-то внезапно появились птицы — повсюду слышалось токование куропаток и приятное пение снежных подорожников. «Прилетели гуси и утки, — описывает боцман эти праздничные-радостные для каждого полярника дни. — Все ожило. Стали ходить охотиться на гусей и диких оленей».

Меню зимовщиков пополнилось свежей дичью, яйцами, собираемыми в тундре, мясом дикого оленя. Толль, ученые, офицеры и с ними большая часть команды проводили все время в разъездах, торопясь до начала навигации выполнить намеченное.

На «Заре» обычно оставались один из офицеров, чаще всего Матисен, Бегичев, механики да повар Искевин.

Несколько дней напряженного труда заняла очистка

судна от снега, окутавшего за зиму «Зарю» до самого планшира. Бегичев с поваром сделали вокруг яхты глубокую, до поверхности льда, канаву, чтобы ускорить таяние снега. Немалых усилий потребовала и оснастка яхты, но моряки проводили ее с увлечением, предвкушая момент, когда свежий морской ветер снова наполнит паруса, и «Заря» продолжит свой путь в неизведанные области.

В конце июня в двух верстах от «Зари» во льду образовалась первая трещина, идущая поперек рейда. В июле в тундре началась линька гусей. Бегичев с машинистами за два раза набили их свыше тысячи штук. Несколько дней «Заря» угопала в пуху, зато четыре бочки засоленных гусей ощутительно пополнили продовольственные запасы экспедиции.

С каждым днем лед в проливе, достигший к весне толщины 182 сантиметра, становился все тоньше и тоньше. Вскрытия рейда ожидали в конце августа. До начала навигации предстояло еще выяснить точное местонахождение устья реки Таймыры.

Пользуясь картами и сведениями, почерпнутыми в материалах Великой Северной экспедиции, Толль предполагал, что река Таймыра впадает в одну из двух больших бухт, расположенных к востоку от Таймырского пролива.

Обе эти бухты были дважды обследованы Коломейцевым во время его поисков устья реки Таймыры. В ближней от пролива бухте, носящей теперь название залива Вальтера, Коломейцев нашел устье большой реки (ныне реки Коломейцева), но очертания ее берегов не сходились с картою устья Таймыры, составленной экспедицией академика Миддендорфа, путешествовавшего здесь в средине XIX века. Во второй бухте Коломейцев и сопровождавший его во время первой зимней поездки доктор Вальтер вообще не нашли какой-либо реки. Следовательно, решил Толль, устье Таймыры должно находиться ближе к Гафнер-фиорду. Чтобы убедиться в этом, он предложил Бируле и Вальтеру, возвратившимся из экскурсии на гору Черную, обследовать ближние к зимовке бухты, а сам с Зебергом отправился в дальний маршрут.

Эти поездки многое дали исследователям. Бируля и Вальтер, помимо составленной ими маршрутной карты пройденного пути, собрали богатую коллекцию беспозвоночных животных, сделали гербарий и подтвердили наличие в заливе Вальтера какой-то новой, открытой здесь Коломейцевым реки. После множества приключений ученые 15 августа возвратились на «Зарю».

Толль с Зебергом вышли в поход 22 июля. На девятые сутки они добрались до цели, нашли Таймырскую губу и

устье Таймыры, уже свободные от льда. Ограничившись из-за недостатка времени немногими научными наблюдениями, исследователи на другой день отправились в обратный путь. 24 августа (как раз во-время) они были на «Заре», уже готовой к отплытию.

* *
*

Накануне в ночь свежий западный ветер привел в движение льды вокруг яхты. От острова Наблюдений к восточному мысу острова Боневи протянулась широкая полынья. В полдень весь лед перед яхтой и от острова Наблюдений к Боневи вынесло в пролив Фрама. Но «Заря» еще крепко сидела в ледяной чаше, образовавшейся под корпусом судна за зиму. Выход к открытой воде в пролив Фрама приходился с левого борта, но его преграждала большая льдина, впаянная в ледяной пояс, охватывавший судно.

Подрывать лед так близко от борта Матисен, исполнявший с отъездом Коломейцева обязанности командира, не решился. Бегичеву и палубной команде пришлось заняться освобождением корпуса от ледяной чаши вручную. «Мы стали пилить вокруг судна лед, — пишет Бегичев. — Эта работа была очень тяжелая». Тем не менее несколько сажен трехфутового льда моряки пропилили быстро. Пары еще не были подняты, как ледяное поле четырехкилометровой ширины вместе с «Зарей» двинулось в пролив со скоростью двух узлов. Яхту несло прямо на скалистый берег острова Наблюдений. Казалось, еще немного, и судно надвинет льдом на мель. Но льдина, движимая течением, отклонялась около каждого выступа берега.

Бегичев с матросами продолжал работать над освобождением кормы от льда. Этого удалось добиться к 6 часам вечера с помощью трех зарядов пироксилина. От сильного взрыва яхта вздрогнула, и огромная белесая льдина медленно выползла из-под ее кормы.

«Заря» была на плаву. Но еще около трех часов, прижатая ветром и течением, она дрейфовала вместе со льдом. Наконец, в 9 часов вечера удалось поднять пары, и «Заря» освободилась от оков, державших ее почти 11 месяцев.

На этом испытания моряков, однако, не закончились. Всю ночь яхта выгребала против сильного течения и свежего северо-западного ветра. Лишь к утру она смогла подойти к Каторжному острову. Меткость названия, данного Толлем этому острову в прошлом году, подтвердилась. И теперь ледяной барьер, стоявший между Каторжным и островом Нансена, преграждал путь. Безрассудно было итти вместе с широкой полосой разбитого льда, двигавшегося

вдоль северного берега Каторжного. Поэтому Матисен, прождав до 27 августа у западного мыса острова Каторжного, перевел «Зарю» в безопасное место — за мыс острова Нансена, где решил ожидать открытия фарватера.

Утром 30 августа пролив между островами очистился. На «Заре» подняли пары, и в 4 часа дня яхта вышла из пролива. Всю следующую ночь шли редким разбитым льдом. Пробившись на траверзе северо-восточной оконечности острова Таймыр через перемычку льда, в четыре часа утра 31 августа «Заря» вышла на чистую воду.

Плавание Карским морем и зимовка на Таймырском берегу многому научили Бегичева. Здесь Никифор Алексеевич прошел первый курс своих «полярных университетов».

* *
*

В 4 часа утра 1 сентября «Заря» по чистой воде достигла мыса Челюскина — заветной точки, к которой в течение нескольких столетий стремились полярные исследователи. В честь этого события на «Заре» был дан салют выстрелами из судовой пушки и поднят вымпел Невского яхт-клуба.

С гордостью и большим интересом разглядывали ученые и моряки унылые очертания обрывистого берега с каменистыми осыпями, достижение которого стоило многих трудов и жертв отважным участникам Великой Северной экспедиции.

Лед, стоявший под берегом, помешал «Заре» приблизиться к северной оконечности мыса. Обогнув его, яхта подошла к восточному берегу бухты, расположенной за мысом Челюскина, и здесь стала на якорь. Матисен высадил на шлюпку научную партию и половину команды, а судно отвел мористее.

На берегу Зеберг занялся астрономическими наблюдениями, а Бегичев с матросами сооружал знак. С большим трудом приходилось отдирать от мерзлого грунта крупные пласты темносерого плитняка и затем сносить их по острым каменистым глыбам к вершине мыска. Через три часа знак был сложен. Чтобы сделать его более приметным, моряки уложили на его вершине куски белого кварца [1].

После полудня все работы на берегу были закончены, и береговая партия возвратилась на судно. Обогнув с севера

[1] Впоследствии, в 1919 году, экспедиция Амундсена, зимовавшая в этом районе, разрушила знак «Зари» и воздвигла на его месте в честь Норденшельда большой каменный гурий с полым медным шаром на вершине. Этот гурий существует до настоящего времени.

полосу льдов, стоявших к востоку от мыса Челюскина, «Заря» повернула на юго-восток. Теперь ее форштевень разрезал воды моря Лаптевых.

С правого борта в тумане виднелись острова; плохая видимость не позволила точно ориентироваться по ним. 3 сентября на 115-м меридиане «Заря» повернула строго на юг. Толль собирался стать где-нибудь у берегов Восточного Таймыра для исследования этого района и одновременно исправить небольшие повреждения в машине. К полудню 4 августа яхта спустилась до широты 75°40′. Туман не прекращался; глубины уменьшались. Велико было желание Толля обследовать места, где со времен Великой Северной экспедиции не ступала нога исследователя, но, боясь потерять много времени на ожидание улучшения видимости и поиски удобных подходов к берегу, он решил итти прямо к Новосибирским островам. «Заря» взяла курс на южную оконечность острова Бельковского.

Море было свободно от льда, но 7 сентября задул сильный юго-восточный ветер, против которого «Заря» плохо выгребала. На следующий день ветер достиг скорости 17 метров в секунду. Ход яхты, несмотря на то, что были поставлены все паруса, замедлился еще больше. Тогда Толль изменил свое решение и направил «Зарю» на северо-восток к предполагаемому местонахождению «Земли Санникова».

Бегичев так описывает эти дни плавания:

«Начальником была обещана премия тому, кто первый увидит «Землю Санникова». Но, увы! Сколько мы ни смотрели в трубы и бинокли, «Земли Санникова» не видели. Много раз меняли курс, но все бесполезно, — земли не было.

На другой день ударил сильный шторм, такой сильный, что ходу мы не могли дать и легли в дрейф. Стал попадаться пловучий торосистый лед. Волной подымало льдины выше судна, и, если б в какой-нибудь момент одна из льдин ударилась в судно, судну пришел бы конец. Мы приготовили шлюпки и провизию на двадцать дней на случай, если яхту разобьет льдами, чтобы на шлюпках выйти к Новосибирским островам или куда попадем. Шторм нас держал целых полтора суток, потом стихло. Все обошлось благополучно».

Штормовой южный ветер отнес «Зарю» на 30 миль к северо-западу, к границе пака. Мореплаватели пережили тревожные часы. Скорость ветра доходила до 30 метров в секунду. Машину пришлось остановить и поднять штормовые паруса, так как из-за перебоев винта во время качки разработался дейдвудный сальник, и уровень воды в трюме увеличился. В довершение бед засорились машинная и обе

деревянные помпы. Команда стала откачивать воду вспомогательными ручными помпами. За несколько часов напряженной работы удалось понизить уровень воды на 7 дюймов, но откачку не прекращали.

На короткий срок шторм очистил горизонт. Признаков «Земли Санникова» попрежнему не было.

* *
*

Где же Земля? Существует ли она в действительности? Неужели горы, виденные Санниковым, запеленгованные Толлем с острова Котельного семь лет назад, были лишь полярным миражем?

Эти вопросы волновали не только начальника экспедиции, но и каждого находившегося на «Заре».

Все верили Толлю, знали, что он далек от какой бы то ни было мистификации, но где же, где все-таки находится «Земля Санникова»?

Бегичев в эту навигацию выполнял обязанности вахтенного штурмана, так как после отъезда Коломейцева офицеров для несения вахт нехватало. Во время своих вахт боцман видел, как начальник экспедиции, осунувшийся, с воспаленными от бессоницы и ветра глазами, часами шагал по мостику или, приставив к глазам сильный «цейс», подолгу вглядывался в туманный горизонт.

В одну из спокойных ночных вахт, когда «Заря» стояла в тумане, Толль снова, как прежде, разговорился с Бегичевым.

Ученый рассказал боцману о памятном дне 13 августа 1886 года, когда он увидел с возвышенности острова Котельного в морозном мареве горизонта очертания Земли.

— Понимаешь, боцман, я не мог ошибиться. Ведь не я же один ее наблюдал. Ее видели многие. Мой каюр эвенк Джергели семь раз летовал на Новосибирских островах и клялся мне, что он тоже, и не один раз, видел Землю...

— Когда я как-то спросил его, — продолжал Толль свое повествование, — «Джергели, хотелось бы тебе достичь далекой земли?» Как хорошо, с какой искренней горячностью воскликнул этот простодушный сын тундры: «Раз ступить на нее ногой и умереть!»

«Раз ступить ногой на «Землю Санникова» и умереть» — теперь на это готов был и сам Толль.

Пользуясь попутным ветром, «Заря» шла к острову Беннета.

Толль решил там зазимовать, чтобы, базируясь на этот остров, продолжать поиски Земли в будущем году.

11 сентября, когда все по обыкновению собрались на палубе, раздался возбужденный голос доктора:

— Эдуард Васильевич, посмотрите-ка, ведь это должно быть Земля!

— Земля, Земля! Ура! — радостно закричали все, находившиеся на палубе.

Пелена тумана, заволакивавшая горизонт, внезапно растаяла, и с левого борта открылась прекрасная панорама. На фоне темного неба вырисовывался высокий утес, увенчанный куполом ледника, сверкавшим матовой белизной.

Увы! Это был лишь остров Беннета.

Широкая полоса сплошного льда преградила путь «Заре» к острову. В одном из закрытых заливов, в припае, «Заря» простояла около двух суток. Команда занималась перегрузкой угля; ученые, пользуясь остановкой, производили свои наблюдения.

В ночь на 13 сентября юго-восточным ветром стало нагонять лед. Мысль о зимовке на острове Беннета пришлось оставить и спешно выбираться, чтобы не оказаться затертыми льдами. Время не ждало. Уже несколько дней температура воздуха стояла ниже нуля; на поверхности моря начал образовываться блинчатый лед — предвестник ледостава. Надежда отыскать «Землю Санникова», по крайней мере в этом году, исчезла.

Следовало что-то срочно предпринять, чтобы не попасть в положение экспедиции Де Лонга.

Посоветовавшись с учеными и моряками, Толль решил еще раз попытаться проникнуть как можно севернее к предполагаемому месту нахождения Земли и, если там зимовка окажется невозможной, зимовать на острове Котельном.

Снова «Заря» шла на север. Снова все с жадностью вглядывались в туман, заволакивающий горизонт, в надежде увидеть неуловимую Землю. Временами туман рассеивался, но земли нигде не было. К вечеру 14 сентября яхта достигла 77°32′ северной широты (на долготе 142°17′). Здесь, во время ночной стоянки, с севера и востока на судно начал надвигаться лед, угрожая замкнуть единственный выход. Толль приказал прекратить дальнейшие поиски и итти на юг.

Утром следующего дня открылся северный берег острова Котельного.

Велика была радость обитателей «Зари», когда под вечер того же дня, придя к Нерпичьей губе, они увидели на берегу знак с флагом. В нескольких милях от него стояла поварня, из которой выбегали люди. Это была стоянка вспомогательной санной партии Русской полярной экспедиции, возглавляемой геологом К. А. Воллосовичем.

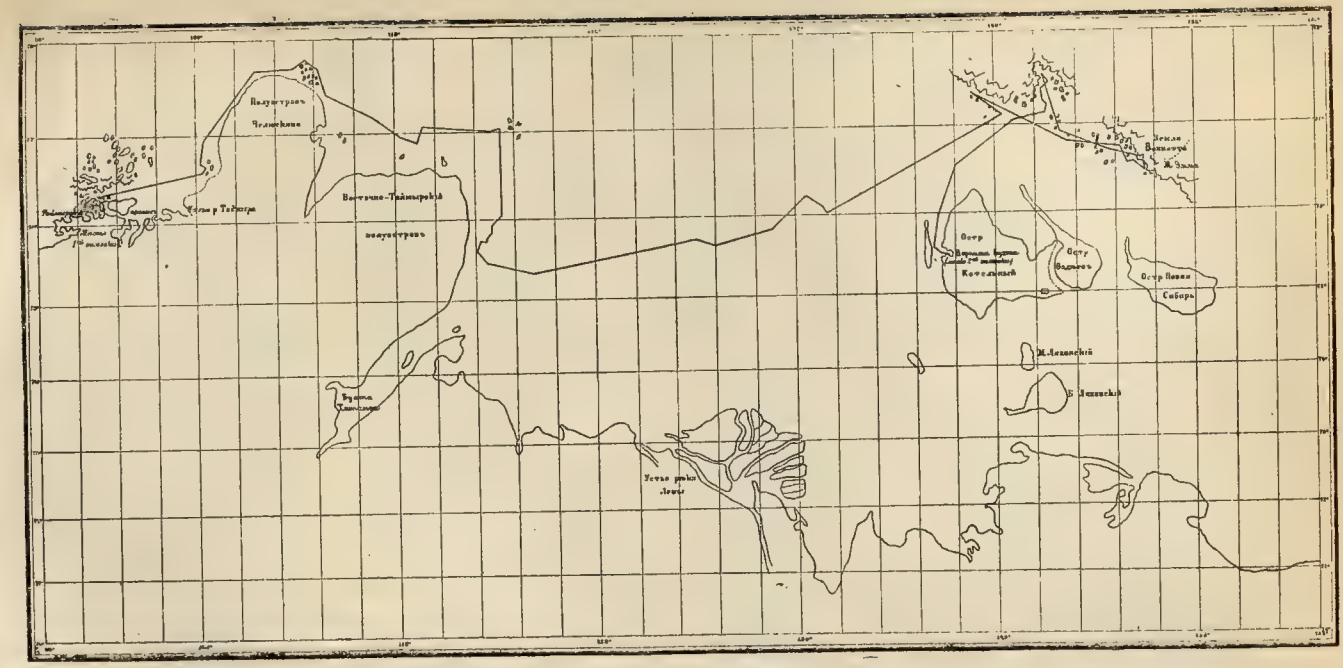


Схема плавания „Зари" в навигацию 1901 года.

Из трудов Русской Полярной экспедиции Академии Наук.

* *
*

Группа Воллосовича перешла на Новосибирские острова из Устьянска в марте 1901 года на пяти собачьих и двух оленьих упряжках. В ее задачи входило устройство на островах ряда спасательных депо на случай аварии «Зари». Отряд состоял из одиннадцати человек: Воллосовича, двух его помощников — политических ссыльных: студента-естественника Варшавского университета О. Ф. Ционглинского и инженера-технолога М. И. Бруснева[1] и восьми каюров-промышленников — Егора Чихачева, Василия Горохова, Николая Гулитова, Степана Сергеева, Николая Протодьяконова, Петра Слепцова, Конона Томского и Семена Барабанского.

Свою довольно сложную задачу исполнительный и энергичный Воллосович выполнил успешно. Он устроил на островах Котельном, Фаддеевском, Новой Сибири и обоих Ляховских семь продовольственных депо. Одновременно с устройством депо Воллосович произвел ценные геологические исследования, пересек остров Котельный, собрав по пути богатые коллекции. В лагуне Нерпалах он, по предварительной договоренности с Толлем, ожидал «Зарю».

Войти в лагуну в темноте без предварительных промеров Матисен не рискнул. Яхта встала на якорь против входа в лагуну.

Бегичев отправился на берег за Воллосовичем. Через полчаса шлюпка возвратилась с гостями.

Радостно встретили моряки Воллосовича и его спутников. Встречу отпраздновали торжественно. В кают-компании зажгли электричество. Искевин угостил всех отменным ужином. Пенились бокалы с шампанским. В разговорах и расспросах прошла вся ночь.

С утра следующего дня до обеда производились промеры. Они показали, что для зимовки лучшего места, чем лагуна Нерпалах, нельзя и желать. Но войти в нее мореплавателям удалось лишь на вторые сутки. В проливе, соединяющем лагуну

---

[1] Бруснев Михаил Иванович — сын офицера, был одним из первых социал-демократов в России, принимал участие в революционном движении с середины 80-х годов. В начале 90-х годов организовал в Москве социал-демократическую группу. Брусневская группа вела пропаганду среди рабочих, установила связь с провинциальными городами, организовала транспорт нелегальной литературы из-за границы. В апреле 1892 года группа была разгромлена полицией. Бруснев был приговорен к четырем годам тюремного заключения и десяти годам ссылки в Верхоянск. Здесь он помогал Толлю в его первой экспедиции. По рекомендации Толля Бруснев был приглашен на работу в экспедицию Воллосовича.

Вернувшись из ссылки, Бруснев отошел от революционной работы, но оказывал услуги большевикам. После Октябрьской революции работал инженером в советских учреждениях.

с рейдом, яхта врезалась носом в песчаную оконечность косы. Бегичев поехал завозить стоп-анкер. Сильным прибоем начало заливать вельбот. Якорь пришлось обрубить, чтобы спасти людей и шлюпку. Стало смеркаться. Работы были прекращены до следующего утра.

Морякам выпала тревожная ночь. Льдины, влекомые течением, били о борт судна. До трех часов ночи «Заря» стояла на мели под парами, пока, наконец, прибылой водой не сняло ее. Несмотря на темноту, Матисен поторопился выйти на внешний рейд.

Вторичная попытка, предпринятая утром следующего дня, была удачнее: яхта без особых приключений в малую воду прошла в лагуну и здесь стала на якорь в $^3/_4$ кабельтовых от берега, на восьмисаженной глубине, защищенная от ветра и волны.

Через несколько дней образовался сплошной ледяной покров. Толль объявил всему составу об окончании плавания.

«Опять стали готовиться к зиме, — пишет Бегичев в своих записях. — На берегу сделали для дежурства наблюдателей избу, но теперь уже не из снега, а из плавника, которого здесь очень много, попадается даже строительный лес. Выстроили также избу для варки собакам пищи, и еще мной был построен домик для научных приборов.

Покончили с постройками — опять стали ходить на дежурства. Здесь стояли близко от берега. Устроили на берегу хорошую баню. Зажили лучше, чем на первой зимовке. Ходили на охоту — тут очень много диких оленей — запасались свежим мясом. Нам даже стали выдавать каждое воскресенье по две бутылки спирту...»

Обилие плавника давало возможность протапливать жилые помещения. Мяса, заготовленного партией Воллосовича, могло хватить на всю зиму. Зимовка была обеспечена необходимыми запасами. Настроение у всех было бодрое. Казалось ничто не могло препятствовать успешному проведению намеченных работ.

Снова, как и в прошлом году, Толль установил на «Заре» твердый распорядок дня. Начались стационарные научные наблюдения, в которых каждый принимал то или иное участие. Хозяйственные заботы опять достались на долю Бегичева, и он с головой окунулся в работу. Ученые и офицеры готовили отчеты о проделанных исследованиях, остальные зимовщики усиленно писали на родину письма, чтобы отправить их с Брусневым, отъезжавшим обратно к месту ссылки; Воллосович оставался на «Заре» до светлой поры.

В середине ноября Бруснев уехал. Вскоре после его отъезда неожиданно скончался от сердечного припадка доктор

Вальтер. С его смертью экспедиция лишилась самоотверженного ученого, отзывчивого друга и хорошего товарища. «Мы о нем очень сожалели, — вспоминает Бегичев. — Хороший был доктор. Его похоронили на Розовом мысу. Сделали могилу, кругом обвесили ее цепями».

Горечь утраты не могли развеять даже развлечения, устроенные Огриным на святках.

«Встретили и новый год, 1902-й. Время шло быстро и темная пора была нипочем. Показалось солнце. Толль и Воллосович выехали на материк: Воллосович уехал совсем в Петербург, а Толль только до Усть-Янска. Мы на судне работали своим чередом».

С окончанием полярной ночи начались санные маршруты по архипелагу.

* *
*

Бегичев мог наблюдать, как за год, истекший после отъезда Коломейцева, изменились взаимоотношения между членами экспедиции и экипажем. Лишения, опасности плавания спаяли всех. Энергия и настойчивость Толля, не утратившего, несмотря на прошлогоднюю неудачу, веру в существование «Земли Санникова», заражали всех. Члены команды, чувствуя себя равноправными в коллективе, делали свое дело с большим увлечением и готовностью. Матросы видели, что усилия каждого из них содействуют общему успеху. И для этого не требовалось никаких дисциплинарных мер. Именно таких отношений и добивался Толль с первых же дней.

Матисен, вначале представлявшийся Бегичеву одним из тех людей, которых называют «ни рыба, ни мясо», оказался отличным командиром и опытным моряком. Убедившись в этом, Бегичев изменил свое прежнее мнение о нем. Матисен обладал уверенностью и решительностью. В личной жизни, вне службы, он был мягким и деликатным человеком, и это к нему располагало.

* *
*

В первых числах апреля возвратился Толль.

На место умершего доктора Вальтера из Якутска прибыл Катин-Ярцев — политический ссыльный, студент военно-медицинской академии. Новый доктор понравился своим добродушным нравом и готовностью всем помочь.

11 мая на остров Новая Сибирь на все лето отправилась партия зоолога Бялыницкого-Бируля с двумя якутами-каюрами.

Усиленно готовился к новому походу и Толль. Поход он задумал еще в начале зимовки, но до возвращения из

Аджергайдаха, откуда он посылал запрос в Академию Наук о разрешении ему этого похода, Толль никого из зимовщиков не посвящал в свои планы. Сейчас он спешно приводил в порядок экспедиционные дела и отчетность, разбирал коллекции, проверял снаряжение и инструменты. Свои дневники и документы он на всякий случай уложил в металлический ящик и запаял его.

Бегичев всеми силами старался помочь Толлю. Ему грустно было расставаться с человеком, к которому он искренне привязался. Бегичев понимал весь риск задуманного Толлем предприятия. Оно заключалось в следующем.

Толль, Зеберг и два каюра — якут Василий Горохов и эвенк Николай Протодьяконов — на двух собачьих упряжках, с запасом провианта и снаряжения, должны были пересечь остров Котельный и с северо-восточной его оконечности по морскому льду перебраться на остров Беннета. На случай, если встретится чистая вода, путешественники брали с собой две двойных байдарки.

Базируясь на остров Беннета, Толль намеревался совершать рекогносцировки по морскому льду в предполагаемый район «Земли Санникова».

На всю жизнь врезался в память Бегичева разговор, происходивший в салоне «Зари» вскоре после приезда Толля с материка. Ученые были заняты наблюдениями. Бегичев вошел в салон, чтобы о чем-то доложить Матисену, но увидев, что Толль и командир заняты разговором, хотел уйти. Толль остановил его:

— Подожди, Никифор Алексеевич. Будь свидетелем нашего спора и рассуди нас.

И, повернувшись к Матисену, продолжал:

— Вы считаете мой план безрассудным? Вы не говорите прямо, но это не трудно понять из ваших слов, Федор Андреевич. Так знайте, я ни на секунду не сомневаюсь в благоприятном исходе нашего путешествия.

— Мы можем это сделать летом на «Заре», Эдуард Васильевич.

— Корпус «Зари» требует докового ремонта. Вы сами об этом докладывали. Машина ее износилась. Угля у нас мало. Подвергать же опасности весь персонал я не считаю себя вправе.

— Но вы не вправе и рисковать собой, — с необычной горячностью в голосе настаивал Матисен. — Вы нужны науке.

— Науке? — с горечью усмехнулся Толль. — Наука требует жертв. — Низкий голос Толля звучал все тверже и тверже. — И пока у меня есть хоть один шанс уверен-

ности в существовании «Земли Санникова», пока бьется во мне хоть один мускул, я не оставлю поисков во имя той же науки!

Ученый встал и, как всегда в минуты сильного волнения, стал ходить по салону.

— Поймите, Федор Андреевич, я не могу возвратиться в Петербург, не разрешив этой загадки. Этого требует моя честь — честь ученого.

Толль остановился перед Матисеном и уже с другой, более бодрой интонацией продолжал:

— Да и полно, Федор Андреевич, так ли уж безнадежна и опасна наша поездка? Вспомните, сколько верст по дрейфующим льдам сделал наш соотечественник сержант Степан Андреев в поисках земли Тикиген. Почему же не сделаем этого мы? Со мной едут верные товарищи, на которых можно положиться. Я верю в знания и мужество Зеберга, с которым меня связывают долгие годы тесной дружбы. Я верю в преданность Василия и Николая — моих каюров. С ними я готов итти хоть на полюс.

— Возьмите с собой меня, Эдуард Васильевич, — сказал Бегичев, внимательно слушавший этот разговор. — Я буду вам полезен.

Толль остановился перед боцманом, положил ему обе руки на плечи и, глядя в глаза, взволнованно продолжал:

— Спасибо, мой верный друг. Ваша готовность помочь придает мне мужества. Я знаю, и Федор Андреевич, и ты, даже если б и сомневались в существовании Земли, по первому же зову пошли бы со мной. Но я не могу этого позволить. Вы нужны здесь. Вы во что бы то ни стало должны сохранить «Зарю», людей, коллекции для науки. На вас моя надежда.

И вот наступил знаменательный день 5 июня. Зимовщики вышли провожать отъезжающих. Крепко обнимают, жмут всем руки Толль, Зеберг, каюры. Прощание коротко. Бегичев, в который уже раз, осматривает упряжку, проверяет крепко ли увязан на нартах груз.

Возглас каюров, и собаки, прекратив неизбежную в таких случаях грызню, срываются с места. Вот упряжки уже съехали со льда лагуны на берег, миновали вешку, поставленную осенью во время промеров, единым махом взбираются на склон сопки. Толль оборачивается, в последний раз машет рукой, и упряжки скрываются за косогором. Но долго еще в тихом неподвижном воздухе раздается легкое поскрипывание полозьев да гортанные окрики каюров. Потом растаяли и они.

Эдуард Толль отправился на поиски «синей птицы».

* *
*

Покидая зимовку, Толль передал Матисену инструкцию и запечатанный пакет с надписью: «Вскрыть в случае гибели экспедиционного судна и возвращения без меня экипажа на материк или в случае моей смерти».

В инструкции Толль предписывал командиру яхты с наступлением навигации выйти на «Заре» в море, снять с острова Новая Сибирь группу Бирули и оттуда проследовать за ним на остров Беннета.

«Что касается указаний относительно вашей задачи снять меня с партией с острова Беннета, — говорилось в инструкции, — то напомню только известное вам правило, что всегда следует хранить за собою свободу действий судна в окружающих его льдах, так как потеря свободного движения судна лишает нас возможности исполнить эту задачу. Предел времени, когда вы можете отказаться от дальнейших стараний снять меня с острова Беннета, определяется тем моментом, когда на «Заре» будет израсходован весь запас топлива для машины до 15 тонн угля».

В этом случае Матисену предлагалось итти в бухту Тикси, куда должен был прибыть пароход «Лена». Если «Заря» почему-либо не сможет дойти своим ходом до Булуна, то персоналу экспедиции и экипажу разрешалось оставить «Зарю» в Тикси и самим возвращаться в Петербург.

Инструкция обращала особое внимание Матисена на необходимость сохранить во что бы то ни стало все научные материалы и коллекции.

Сам Толль со своей группой собирался до наступления полярной ночи покинуть остров Беннета и на байдарках возвратиться на материк.

* *
*

Вот и весна! «Мы на берегу покончили наблюдения, инструменты перевезли на судно и стали заготавливать дрова для судна, так как угля у нас осталось очень мало, — рассказывал потом Бегичев. — Снег растаял. Сверх льда показалась снежная вода, образовались озера. Эта вода быстро разъедает лед. Снежная вода ушла в трещины, лед подняло, образовались забереги. Свезли на берег провизию для склада, постройки оставили нетронутыми. Судно было готово к плаванию».

Но выйти в море «Заря» смогла только в начале августа. Сильным ветром в Нерпичью губу нагнало лед и «Зарю» у выхода из лагуны затерло льдом, с которым она дрейфовала несколько дней. Только 17 августа судну

удалось пробиться обратно в лагуну Нерпалах, чтобы исправить повреждения корпуса, полученные во время этого дрейфа.

21 августа яхта снова вышла в море. Попытка обогнуть остров Котельный с севера не удалась: здесь стоял непроходимый лед. Тогда Матисен повернул на юг, чтобы, пройдя проливом Санникова, обогнуть остров Фаддеевский с восточной стороны. Через несколько дней подошли к острову Новая Сибирь и стали на якорь в Благовещенском проливе.

С борта яхты была видна изба, выстроенная группой Бирули, но подойти к берегу мешал дрейфующий лед. Бегичев попросил Матисена разрешить спустить вельбот и съездить с тремя матросами на берег за Бирулей и его людьми, но Матисен не согласился, остерегаясь оставить яхту без команды.

— Я уверен, что ты на берег попадешь, — сказал он, — но если спустится лед, то вы должны будете остаться на берегу. Тогда мы вас тоже не сможем снять, а у Бирули нехватит провизии, чтобы прокормить лишних людей. За Бирулю я не беспокоюсь: он, на худой конец, сможет выбраться с острова зимним путем по льду, а нам предстоит еще итти к Беннету за Толлем.

Матисен поступил правильно. Дорог был каждый час. Запас угля в ямах быстро таял. Корпус яхты, несмотря на все ранее принятые меры, снова дал течь. Пришлось поставить ручные насосы, так как запасная помпа не успевала откачивать воду. Между тем, главная задача — поход на остров Беннета, где их ожидал Толль со своими спутниками, была впереди.

И «Заря» направилась на север.

Через несколько часов ходу пришлось остановиться: Благовещенский пролив в своей северной части был забит непроходимым льдом. Что же делать? Неужели не удастся подойти к острову Беннета и снять группу Толля? Этот вопрос тревожил всех находившихся на «Заре». Тогда Матисен принял смелое решение: обогнуть Новую Сибирь с юга и попытаться подойти к острову Беннета с восточной стороны.

В своем дневнике Бегичев так описал невеселые дни этого плавания:

«У мыса Высокого мы встретили непроходимый лед. Повернули обратно и стали огибать юго-восточную сторону Новой Сибири. Обогнули ее и пошли по направлению к острову Беннета, но опять встретили непроходимый лед. Тогда уклонились к северо-востоку, но и здесь врезались в лед. Итти было нельзя: всюду сплошной непроходимый лед».

Наступило 1 сентября. «Заря» стояла, упершись штевнем в торосистый многолетний лед. Все проходы между взломанными ледяными полями были плотно забиты обломками. Температура воздуха начала падать. Штилевая погода благоприятствовала льдообразованию. На поверхности моря появилось ледяное сало, за ночь превратившееся в молодой, довольно толстый лед.

«При этом все время стояли сильные туманы, — продолжает Бегичев свое повествование. — Когда немного прояснило, увидели остров Генриетты, окруженный многолетним паком».

Следовало немедленно выбираться из ледяных оков, иначе «Заря» рисковала быть затертой.

Матисен имел все основания прекратить поиски и повернуть на юг. Этого требовала обстановка, так, наконец, предписывала инструкция Толля, но ни Матисен, ни кто другой из находившихся на «Заре» не мог допустить мысли, что придется бросить Толля в беде и возвращаться ни с чем. Матисен предпринимает еще одну, последнюю, попытку найти подход к острову Беннета. «Кое-как выбрались из льда и пошли обратным путем, пытаясь еще раз обойти остров с северо-запада, — пишет Бегичев. — Но все бесполезно: лед стоял стеной, ни с какой стороны не давая нам прохода. Наступал сентябрь месяц; ночи были уже темные, угля на судне осталось только дойти до устья реки Лены. Тогда командир повернул на юг».

Многих тяжелых переживаний стоило это решение всем членам экспедиции.

Но теперь не оставалось ни одного шанса на то, что группу Толля удастся снять.

Приняв скрепя сердце это решение, Матисен вскрыл пакет, оставленный ему Толлем при отъезде. Письмо, находившееся внутри, гласило:

«Командиру яхты «Заря» лейтенанту Федору Матисену.

Поручая Вам вести весь личный состав Русской полярной экспедиции, ученый персонал и команду судна экспедиции, на яхте «Заря» или другим, указанным мною в инструкции от 16 мая, путем до сибирского берега и дальше на родину, я передаю Вам, в пользу единодушного исполнения этой задачи, на тот случай, если Вам не удастся снять меня с острова Беннета или на случай моей смерти, все права начальника экспедиции.

«Заря», Нерпичья губа, 20 мая 1902 г.[1]».

Толль.

---

[1] Даты в письме Толля по старому стилю.

* *
*

8 сентября «Заря» бросила якорь в бухте Тикси.

На другой день с утра Матисен послал шлюпку для поисков в многочисленных рукавах дельты прохода к руслу Лены. Но морякам не повезло. Трехдневные поиски остались безрезультатными. Нужных для «Зари» глубин они не нашли.

«Быть может и есть где-нибудь проход, но его, поди, надо искать целое лето, а за три дня что мы могли сделать!» — замечает Бегичев.

Действуя по инструкции Толля, Матисен решил оставить «Зарю» в Тикси.

В ожидании установления санного пути, команда занялась консервацией судна — сняла паруса, такелаж, уложила все в трюм.

Вдруг 15 сентября моряки услышали пароходный гудок, доносившийся из-за мыса. Это была «Лена».

Радость от сознания, что наступил долгожданный момент возвращения на родину, была омрачена несчастным случаем, происшедшим с кочегаром Носовым. Матрос Безбородов, разряжая винтовку, случайно выстрелил. Разрывная пуля попала в ногу Носову, раздробив ему кость голени. Несмотря на все принятые Катиным-Ярцевым меры, состояние раненого ухудшалось. Через несколько дней, уже в пути, он умер. Позже тело Носова моряки с почестями похоронили на Булунском кладбище.

Все коллекции, инструменты, запас продовольствия были погружены на «Лену». На яхте добровольно остался матрос Толстов. Ему надлежало пробыть на «Заре» до полного замерзания бухты с тем, чтобы потом вернуться в Петербург, передав яхту на хранение промышленнику, жившему на Быковом мысу.

Забурлил винт, и маленькая «Лена», развернувшись, стала отгребать от яхты. Долго стоял Бегичев с товарищами на палубе, провожая взглядами родную «Зарю» и одинокую фигуру Толстова на мостике.

Новые испытания ждали экспедицию. В Быковой протоке «Лена» основательно села на мель. «На другой день нам даже негде было взять для себя воды, — пишет Бегичев. — Дул сильный южный ветер, угнавший воду версты за две от парохода, и мы стояли на сухом песке. Так простояли четверо суток. Пароходная администрация очень перепугалась и хотела уже бросить пароход и самим как-нибудь перебраться на Быков мыс, но мы посоветовали капитану обождать несколько дней и тогда уже что-то предпринимать. За снятие парохода взялись мы сами. Заранее по-суху

занесли якорь и, когда на пятый день ветер сменился, подул с севера, вода стала прибывать. К утру прибыло на пять четвертей и пароход снялся».

В начале октября экспедиция приехала в Якутск. Здесь пришлось ожидать установления санной дороги. Несмотря на откровенное недовольство полиции, ученые общались со многими ссыльными, отбывающими здесь ссылку. Препаратор Якутского музея Оленин, Любовь Ергина — жена народовольца Ергина, находившегося в это время в арестантских ротах, Цюнглинский и многие другие политические ссыльные оказывали всяческую помощь исследователям. Они безвозмездно приводили в порядок коллекции, переписывали отчеты, делали вычисления, стараясь хоть чем-нибудь быть полезными ученым.

Путь на юг открылся лишь в ноябре, и экспедиция отправилась от станка к станку на перекладных до Иркутска и оттуда уже по железной дороге в Петербург.

Глава четвертая

ПОИСКИ ТОЛЛЯ

Тревога за судьбу Толля и его спутников всколыхнула передовые научные круги России. Члены Академии настаивали на немедленной отправке спасательной партии на Новосибирские острова. Но нужных средств у Академии не было.

Из письма директора Главной физической обсерватории Академии Наук академика М. А. Рыкачева мы узнаем, что возникало предложение поручить поиски Толля Макарову.

«Дорого стоившая Шпицбергенская экспедиция только что закончилась, — писал Рыкачев адмиралу Макарову, — Академия озабочена получением средств на издание Ваших результатов этой экспедиции. Но несравненно бо́льшие заботы и серьезные опасения ей причиняет другая полярная экспедиция — барона Толля. «Заря» окончила кампанию. Офицеры, команда и часть членов ученого состава вернулись; но начальник экспедиции и два его сотрудника находятся на островах Беннета и Котельном. Особенно опасно положение барона Толля и астронома Зеберга на острове Беннета. Академия озабочена их спасением, и для этой цели, помимо снаряжения партий зимней санной и летней на Котельный и на Новую Сибирь, на случай, если бы Толлю удалось туда пробраться, предполагается послать прежних офицеров и команду на «Заре» и на ней сделать попытку подойти к Беннету. На эту экспедицию потребуется от 60 до 70 тысяч. Только потому, что экспедиция снаряжается для спасения именно Толля и его товарищей, мы надеемся получить деньги. Командование «Зарей» будет поручено опять Матисену, который должен отправиться 1 февраля; ему уже поручено

Э. В. Толль.

делать все подготовления. При таких условиях, очевидно, Академии немыслимо затевать новую полярную экспедицию. Момент для этого самый неподходящий. Другое дело — подвергнуть рассмотрению вопрос: не было ли бы целесообразным взамен «Зари» отправить для спасения Толля «Ермак». В пятницу 10-го созывается Академическая комиссия Русской полярной экспедиции, и я бы мог возбудить вопрос о «Ермаке» для спасения Толля; главное возражение, которое мне делали, состоит в том, что «Ермак» глубоко сидит и состав команды слишком велик на случай зимовки. Как смотрите Вы на этот вопрос? Много ли дороже обошлось бы снаряжение «Ермака», и увеличились бы при этом шансы спасения людей? Пошли ли бы Вы сами в Полярное море при таких условиях? Если помощь «Ермака» Вы признаете важною, прошу Вас, дайте мне знать по телефону и телеграфу...» [1].

[1] С. О. Макаров и завоевание Арктики. Издательство Главсевморпути, 1943, стр. 264.

Этот вариант, обсуждавшийся в «высших сферах» России, показался слишком дорогим и, следовательно, неосуществимым. Академии Наук пришлось от него отказаться. Приемлимее был первый вариант — послать на поиски Толля «Зарю».

* *
*

По возвращении с Севера в Петербург Бегичев и Железняков были отчислены из Академии Наук и направлены в один из флотских экипажей. Бегичев, срок военной службы которого истек, стал хлопотать об увольнении в запас.

Здесь, в экипаже, и нашел их Матисен, числившийся все еще командиром «Зари». По приказанию свыше он комплектовал команду. Отыскав матросов, он предложил им итти в новое плавание.

Моряки понимали бессмысленность выхода в море на дырявой «Заре», но, сознавая, что для спасения Толля нужна их помощь, не задумываясь, ответили согласием.

«Некоторые из нас согласились, в том числе и я, — пишет в своих записках Бегичев. — Тут же командир послал меня в Кронштадт набрать пять человек новой команды. Я приехал туда, нашел своих товарищей, с которыми плавал на «Герцоге», и предложил им ехать в экспедицию на шхуне «Заря». Желающих нашлось не мало, но я записал только пять человек».

Пока в «верхах» решался вопрос об экспедиции, пришел приказ об увольнении Бегичева в запас. Матисен тут же зачислил его в состав команды «Зари».

Прошел месяц — решения все не было. Чтобы использовать это вынужденное ожидание, Бегичев выхлопотал у Матисена разрешение съездить на месяц в Царев, где не был уже семь лет.

В Царев Никифор Алексеевич приехал на второй день рождества, «как купец, на почтовой тройке с колокольцами, в оленьей дохе; в ногах — поставец с двумя четвертями водки, разные кулечки со столичными закусками» [1]. Отца и деда уже не было в живых. Мать и сестра тяжело болели. Чтобы не беспокоить их, Никифор Алексеевич решил остановиться у старшего брата Михаила, который за годы их разлуки овдовел и, женившись вторично, переехал в семью жены. Приезд Никифора Алексеевича совпал с возвращением брата из Пришиба, куда он ездил с женой в гости к тестю.

«Увидев у своего дома толпу, Михаил Алексеевич,

[1] Подробности этого пребывания Н. А. Бегичева на родине в Цареве записаны со слов его племянника С. Н. Бегичева и Н. В. Солнышкина, а также сообщены в письме И. Н. Рыкунова.

видимо, оробел, что случилось? Народу, действительно, собралось много — весь Царев, — пишет в своем письме И. Н. Рыкунов. — Мы как увидели, что едет Михаил, кричим ему:

— Миша, скорей, Никиша приехал!

Сколько было радости, слез, поцелуев, объятий!

— Браток, Никиша! Мы тебя в живых уж не считали...

Дверь квартиры не стала закрываться: всем интересно было посмотреть своего земляка и поздравить Никифора Алексеевича и братьев с приездом. А тем более никогда мы не видели одежды сибирской.

Когда Никифор Алексеевич жил дома, мы все удивлялись, что родной климат стал не по нем. Он, например, не мог сидеть и спать в комнате. Возьмет и откроет дверь. Ему очень жарко, а другим холодно. Тогда он велел поставить в сенях койку, повесил полог и стал там спать. Его стали отговаривать:

— Никиша, холодно же тебе там спать, замерзнешь...

А он бывало усмехнется и говорит:

— В Ледовитом океане не замерзал, а здешний мороз — пустяки.

Так и продолжал спать в сенях, в пологу: расстелит одну медвежью шкуру, а второй укроется.

Днем бывало уходил Никифор Алексеевич по своим землякам и знакомым, а вечером придет домой, и опять полон дом народу. Идет гулянка с радости. Когда в тот раз приезжал Никифор Алексеевич, так вся семья гуляла шесть дней подряд...»

Но не пришлось Никифору Алексеевичу полностью отгулять свой отпуск: на двадцатый день пришла телеграмма с приказанием немедленно возвращаться в Петербург.

* *
*

Приехав в Петербург, Бегичев прямо с вокзала поспешил отправиться к Матисену. «Я к вашей экспедиции не касаюсь, сказал мне Матисен, — пишет Бегичев. — «Заря» не пойдет в плавание и останется в Тикси. Я поеду с Огриным, Ширинским и Ключем разоружать ее, снять машину, словом, что будет ценное, для передачи купцам Громовым...»

Оказывается, за время отсутствия Бегичева план поисков снова был изменен, на этот раз по настоянию Матисена. Выступив на заседании Академии Наук, он сказал:

— Я и вверенная мне команда готовы отдать жизнь во имя спасения барона Толля и его спутников. Но итти на «Заре» в Полярный бассейн немыслимо. Корпус яхты пришел в полную негодность. В Тикси починить его невозможно. Отправляться в море на неисправном судне — значит увеличить

число жертв Арктики. Я не могу взять на себя смелость подвергать опасности жизни вверенных мне людей, хотя бы даже во имя спасения моего любимого начальника. Таково было его последнее желание, и я не имею права его преступать. Иначе Академии потребуется в скором времени организовывать еще одну экспедицию, чтобы спасать нас.

Члены Академии согласились с доводами Матисена. Тогда был принят новый вариант спасательной экспедиции. Он предусматривал посылку двух отрядов — сухопутного и морского. Первый отряд, возглавляемый Брусневым, должен был обследовать на оленьих и собачьих упряжках остров Фаддеевский и Новую Сибирь. Вместе с Брусневым отправлялся и Толстов, до этого зимовавший на «Заре».

Второму отряду надлежало по зимнему пути переправиться со шлюпкой на остров Котельный и, дождавшись там вскрытия моря, по воде добраться до острова Беннета. В состав морского отряда, помимо Бегичева и Железнякова, по совету академика Ф. Н. Чернышева, были завербованы четыре опытных мезенских зверобоя — поморы Рогачев, Алупкин, Инков и Дорофеев, бывшие участники Шпицбергенской экспедиции. Было намерение привлечь к участию в походе такого испытанного полярника, как Степан Расторгуев, но тот еще не возвратился из «экспедиции» Гарри де-Виндта [1]. Вместо него по рекомендации Воллосовича пригласили Оленина. Получив телеграфное предписание Академии Наук, Оленин поспешил выехать из Якутска в Устьянск, чтобы успеть к приезду остальной группы закупить оленей, собак, нарты.

Плыть на остров Беннета вначале предполагалось на специальной поморской шлюпке, купленной в Мезени, но Бегичев сумел убедить начальство не тащить ее с собой за тысячи верст на лошадях, а взять вместо нее вельбот с «Зари». Это, действительно, потом во многом облегчило и ускорило продвижение партии.

[1] «Экспедиция» де-Виндта и виконта Кленшана де-Бельгар была снаряжена американским синдикатом «Trans Alaska Rail-Road Company» с целью исследования трассы железной дороги через всю Северную Америку, Аляску, Берингов пролив и далее до Якутска, которую, якобы, собирался строить синдикат. Вокруг этого дутого предприятия, созданного кучкой аферистов-дельцов Уолл-стрита, была поднята чудовищная шумиха. Авторы проекта этой дороги предполагали соединить оба материка подводным туннелем под Беринговым проливом.

Заручившись поддержкой правящих кругов России, «экспедиция» весной 1902 года появилась в Якутске. Отсюда она, не заплатив ни копейки местным жителям, предоставлявшим транспортные средства, с большой помпой проехала через Верхоянск и Средне-Колымск на Чукотку, где села на прибывший за ней из Америки пароход.

В качестве проводника в распоряжение де-Виндта якутский губернатор прикомандировал и возвратившегося к тому времени в Якутск урядника Степана Расторгуева, которому, кстати, американцы также не заплатили ни гроша.

* *
*

22 февраля Бегичев с поморами выехал в Иркутск. Отсюда на почтовых лошадях они направились в Якутск.

Бегичев торопился. Высокая цель удваивала его энергию. Он не жалел денег на угощение ямщикам, на чаевые содержателям почтовых станков. Если не помогали чаевые, в ход шли крепкие морские словечки. Нельзя было терять ни одной минуты. И так много времени потеряно в Петербурге.

«Может быть, пока мы тут прохлаждаемся, начальник умирает с голоду. Скорей! Скорей!» — думал Бегичев и, не давая своим спутникам ни минуты отдыха, продолжал подгонять ямщиков.

На двенадцатые сутки они приехали в Якутск. Здесь их догнал Железняков. При первой же возможности Бегичев с поморами выехали дальше через Верхоянск к Усть-янску.

Перед Казачьим им повстречался Оленин, ехавший с каюрами-якутами на трех собачьих упряжках. Оленин рассказал, что Бруснев и Толстов, получив телеграмму Академии Наук, еще в марте выехали обследовать архипелаг с группой промышленников, отправлявшихся туда на промысел дикого оленя. Местное население хорошо знало Бруснева, поэтому охотно согласилось принять участие в поисках. Оленину же, которого здесь не знали, не повезло: промышленники отказывались итти на остров. Ни уговоры, ни бумага за губернаторской подписью на них не влияли. Оленин уже было отчаялся найти каюров, если бы не старый Джергели. Как-то, когда Оленин, удрученный неудачей, раздумывал, что предпринять дальше, в избу вошел старый эвенк и, протянув Оленину руку, сказал:

— Поедем, однако. Кум-барон пособка надо. Джергели в море с тобой пойдет. Что надо — говори.

Оказывается, это был тот самый Джергели, спутник Толля по прежним походам, который мечтал побывать на «Земле Санникова». Тюлль действительно был кумом Джергели. Во время последнего приезда Толля с острова Котельного на материк, весной 1901 года, он встретился с эвенком как раз в день рождения у него сына. Джергели попросил ученого дать имя новорожденному. Толль назвал мальчика Николаем. Впоследствии за сыном Джергели осталось прозвище «барон-Никушка». Узнав теперь, что Толль попал в беду, старый эвенк приехал с далекого стойбища, чтобы пойти ему на помощь.

Благодаря Джергели Оленину удалось нанять каюров, купить на Индигирке и в окрестностях Казачьего полторы

сотни собак и запастись для них на первое время небольшим количеством рыбы.

Снова заторопил Бегичев своих спутников. Кончалась первая половина апреля, в конце мая, не позже, следовало быть на островах, а впереди предстояло еще самое трудное.

Не теряя драгоценного времени, Бегичев отправил поморов на почтовых оленях в Казачье, а сам с Олениным на его упряжках повернул к бухте Тикси, чтобы перевести вельбот с «Зари» в стан Аджергайдах. Там был назначен сборный пункт партии.

16 апреля они добрались до бухты Тикси.

Яхта стояла, занесенная снегом. Вскрыв печать на дверях салона, продрогшие путники быстро растопили камин. Бегичев достал из провизионного отделения консервы, шоколад. Подкрепившись спиртом, все легли спать, «как адмиралы», по выражению Бегичева.

На другой день Бегичев, велев своим спутникам достать из трюма нужную провизию и сушеную треску для собак, отправился на Быков мыс сообщить промышленнику, охранявшему «Зарю», что именно они забирают с яхты. К его возвращению все было уже подготовлено. Бегичев занялся сборами. Быстро спустили вельбот, установили его на две прочные норвежские нарты, в которые запрягли 24 собаки, и тронулись в обратный путь.

Долго задерживаться в Казачьем партия не имела возможности: рыбы для прокорма собак здесь не было. Чтобы поддержать отощавших за зиму животных, пришлось купить у якутов несколько голов домашних оленей и скормить их псам.

6 мая Бегичев, Рогачев и Дорофеев выехали с вельботом в Аджергайдах. Там уже находился Железняков, занимавшийся охотой на диких оленей. Но ему упорно не везло: весенний ход оленей окончился. Положение экспедиции было трудным. Запас рыбы иссякал. Якуты отказывались продавать своих оленей, несмотря на то, что им давали высокую цену. Лишь с помощью Джергели удалось приобрести десяток оленей, мяса которых могло хватить собакам не больше, чем на три дня. Надо было скорее перебираться на острова, где, по уверению якутов, охота могла быть успешной. Поэтому, как только все собрались в Аджергайдах, стали срочно готовиться к переходу через пролив.

* *
*

Экспедиция разделилась на две партии. 14 мая на семи нартах вышла вспомогательная партия. Предполагалось, что она, налегке перебравшись на остров Большой Ляховский, займется

охотой, чтобы к прибытию основной партии успеть запастись мясом.

Бегичев с основной партией вышел на следующий день. На одной из нарт, в которую было запряжено 32 собаки, везли вельбот.

До мыса Святой нос по ровному льду Эбеляхской губы партия двигалась относительно быстро. Значительно хуже пришлось в проливе Дмитрия Лаптева. Сразу за мысом начался торосистый лед, продвижение изнуряло и людей, и собак.

Через пять часов пути Бегичев заметил в нескольких верстах к западу от курса среди торосов стоянку партии Оленина. Оленин успел скормить собакам все мясо, и теперь голодные псы не в силах были итти.

Неосмотрительность Оленина поставила экспедицию в затруднительное положение. Бегичев предложил добираться до Ляховских островов всем вместе и там уже решать, как быть дальше.

На утро обе партии соединились. Собаки еле брели. За узкой полосой гладкого льда стали попадаться большие пространства сильно торосистого льда, очень замедлявшего движение. За весь день экспедиция смогла сделать всего около тридцати верст. Мясо кончилось, пришлось приниматься за неприкосновенный запас — кормить собак сухой треской, предусмотрительно захваченной Бегичевым с «Зари».

На следующий день дорога ухудшилась еще больше. Хотя под вельбот были отобраны самые лучшие и сильные псы, но и они выбились из сил. Тяжело груженные нарты врезались в снег, соскальзывали с торосов, угрожая опрокинуться. Бегичев, Алупкин и Дорофеев впряглись в лямки. Остальные шли вокруг, поддерживая шлюпку. Искать проход среди торосов — значило бесцельно терять время, поэтому Джергели, ведший караван, держал путь напрямик, через пролив. Наконец 18 мая, на четвертые сутки после выхода из Аджергайдаха, измученные люди добрели до южной оконечности Большого Ляховского острова.

Переход через этот остров на его северный берег занял весь следующий день. Кончилась треска: кормить собак стало нечем. Решили остановиться на дневку, дать отдых животным и попытаться поохотиться. Но сколько ни бродили охотники по острову, удалось добыть лишь одного оленя. Что делать? Неужели возвращаться?

Отряд собрался на совет, чтобы решить, как поступить дальше. Мнения разделились. Кое-кто настаивал на немедленном возвращении. Бегичев запротестовал.

— Как мы сможем смотреть в глаза Толлю, если он еще жив и узнает, что мы вернулись с пути, испугавшись трудно-

стей, — доказывал он. — Мы должны итти до конца, иначе не следовало бы вовсе браться за поиски...

Бегичев предложил отобрать 80 самых лучших собак, взять шлюпку, запас провизии и итти прямо на Новую Сибирь, а остальных людей отправить обратно на материк. Его поддержали Железняков и Джергели.

Долго продолжался спор, но к окончательному решению так и не пришли.

— Что же делать? Где выход из создавшегося положения?

С этими мыслями раздосадованный Бегичев взял винтовку, бинокль, надел для маскировки белую парку[1] одного из каюров и, несмотря на пургу, отправился в глубь острова попытать счастья. Ему повезло: на дальних высотках он набрел на стадо диких оленей. Искусно подкравшись к ним, Бегичев убил пять крупных быков.

Криками «ура» встретил отряд сообщение Бегичева об удачной охоте. Быстро запрягли собак, привезли туши к палатке и закатили пиршество.

Этот случай еще больше поднял авторитет Бегичева в глазах его спутников и привел к тому, что с этого дня он стал фактическим главой экспедиции. Его неистощимая энергия, природная сметка, умение найти выход из всякого затруднительного положения и впоследствии неоднократно выручали экспедицию из беды.

На следующий день, распростившись с двумя якутами, возвращавшимися на материк, экспедиция направилась через пролив Этерикан на Малый Ляховский остров.

Сытые собаки дружно тащили нарты по гладкому льду пролива. Следующая ночевка была уже на Малом Ляховском острове. Здесь тоже удалось пополнить запасы мяса парой убитых оленей. Но самым удачным для путешественников оказался день 22 мая: во время дневки на северо-западной части острова они добыли 11 оленей. Это увеличило груз почти на полтонны, но зато теперь мяса должно было хватить, по крайней мере, на переход до острова Котельного.

Несмотря на тяжелый путь по торосистым льдам пролива Санникова, 28 мая экспедиция без особых происшествий достигла Котельного и здесь, в Михайловом стане, в восьми километрах к западу от мыса Медвежьего, остановилась весновать. Отсюда предстояло двигаться в море на вельботе.

* *
*

Наступала весна. Началось таяние. В ожидании вскрытия моря все занялись охотой, но дикие олени уже успели откоче-

[1] Парка — куртка из оленьих шкур, мехом наружу.

вать на север, и охотникам удалось добыть всего лишь четыре туши. Приходилось удовлетворяться охотой на гусей и уток. Но сколько ни ловили они дичи, ее все же нехватало на прокорм всех собак.

Бегичев решил съездить в Нерпичью губу, к месту прошлогодней зимовки «Зари», и пока еще не сошел в тундре снег, привезти оттуда сушеную треску из оставленного в прошлом году склада. Не теряя времени, Бегичев в сопровождении Оленина, Чихачева, Егора Атовая и Иннокентия отправился на пяти нартах на север. Путешествие было нелегкое. Вскрылись тундровые речки, и группе Бегичева пришлось изрядно помучиться. Только 9 июня они добрались до намеченного места. Каково же было их разочарование, когда обнаружилось, что склад провизии растащили медведи. Опять встала задача: чем кормить собак? К счастью, удалось убить несколько оленей. Забрав со склада жалкие остатки провизии — около 4 пудов ржаных сухарей и три пуда сахарного песку — партия отправилась в обратный путь, полный новых невзгод.

22 июня путешественников захватил сильный дождь. Как ни дорого было время, волей-неволей пришлось остановиться в голомо у Чукочьей речки, чтобы обсохнуть и согреться. В довершение бед кончился корм, и собаки начали «приставать».

Утром Бегичев был разбужен криком Чихачева, увидевшего, что вдоль речки идут олени, которых он сначала принял за медведей. Олени искали место для перехода через быстрину. Схватив винтовки, Бегичев и Чихачев поползли к берегу и, когда олени подошли на выстрел, уложили четырех животных. Снова на некоторое время собаки были обеспечены кормом.

28 июня группа вернулась в Михайлов стан, застав всех оставшихся там в унынии. Положение путешественников становилось незавидным. Для прокорма прожорливой оравы псов ежедневно требовалось около десяти пудов корма, а охота почти ничего не давала. Тогда на общем совете решили, что Оленин с ямщиками отправится вместе со всей сворой летовать в центр острова и там отравит часть собак, оставив лишь самых лучших. Его группа должна будет усиленно заняться охотой, чтобы подкормить псов, и к моменту возвращения моряков из похода запастись мясом на обратный путь.

Одновременно группе Оленина надлежало обследовать юго-восточную часть острова Котельного и Землю Бунге с целью поисков следов Толля.

3 июля Оленин уехал на север. В Михайловом стане осталось семь человек из основной партии.

«Мы занялись ремонтом вельбота, поделали к нему полозья, под полозья привинтили железные шины, словом, поставили вельбот на ход, — пишет Бегичев. — Занимались охотой на гусей для собак, а то у нас сухарей всего 4 пуда, да часть сахара, который я привез из склада, потому что пришлось поделиться с якутами. Масла совсем нет. Мы с Железняковым все время ходили на охоту. Питаться приходилось одним мясом, да и того не вволю. Я как-то увидел в маленькой речке рыбу. Связал сеть, поставил ее. Наловили семь пудов кунджи, крупной и очень вкусной. Убили одного медведя и на медвежьем жиру стали жарить ржаные оладьи из муки, оставленной в избе еще Воллосовичем. Это нас очень поддержало».

С нетерпением ждал Бегичев и его товарищи вскрытия моря. Поморы, оказавшиеся весьма полезными и деятельными людьми, много слышавшие от Бегичева и Железнякова о Толле, также горели желанием скорее пуститься в плавание. Всем казалось очевидным, что если кто-нибудь из группы Толля находится на одном из Ляховских островов, они несомненно напали бы на его след. Следовательно, он со своими спутниками либо остался на острове Беннета, либо перешел на остров Новая Сибирь. Там была группа Бруснева, и не встретиться с нею Толль не мог. Но пока это оставалось только предположением.

Между тем лето вступало в свои права. Забереги, появившиеся 10 июля, с каждым днем увеличивались. 19 июля при крепком северо-восточном ветре началась подвижка льда, образовались большие трещины. С каждым днем забереги расширялись. Начиналось вскрытие моря.

«Мы стали готовиться, — пишет Бегичев. — Погрузили провизию в вельбот. Взяли три пуда сухарей (один пуд оставили на обратный путь) и весь запас овсянки — один пуд, 20 фунтов мясного шоколада (пеммикана) и 10 фунтов сушеной зелени. Остальной запас продовольствия состоял из нескольких банок сгущенного бульона, под названием, кажется, либихский экстракт [1]. Каждая банка была весом всего в четверть фунта [2], а надпись — порция на двести человек. 29 июля все было погружено. Для Оленина оставили в избе письмо, в котором указывалось, чтобы он, если мы к 8 ноября не придем, нас не ждал и выезжал совсем на материк. Спустили вельбот на море и заберегами пошли вдоль берега на восток».

За мысом Медвежьим сплошной лед, прижатый к берегу,

[1] Либихский экстракт — мясной порошок, приготовлявшийся по особому рецепту химика Юстуса Либиха. Содержит различные специи и многие важные для питания организма вещества.

[2] Повидимому, Бегичев ошибся, надо четверть пуда.

преградил путь мореходам. Пришлось возвратиться в избу. Через три дня сильным западным штормом лед разредило. Хотя местами стояли еще большие ледяные поля, моряки решили не терять больше времени и снова, спустив вельбот, отправились в плавание вдоль отмелого юго-восточного берега острова Котельного.

Погода стояла отвратительная. Порывистый ветер нагнал тучи, повалил снег, промочивший всех насквозь. Малые глубины не позволяли подойти к берегу, чтобы обсушиться, поэтому моряки взяли курс прямо на мыс Карга. Здесь им удалось выйти на сушу, разбить палатку и сварить по горсточке овсянки. Пока варилась каша, Бегичеву посчастливилось подстрелить четырех уток, которые тут же и были съедены без остатка.

Плохое питание изнуряло людей. Пришлось сократить и без того мизерные порции овсянки и сухарей. Либихский экстракт никак не мог заглушить голода моряков, измученных тяжелой непрерывной работой на веслах. А работать приходилось много. Мели Земли Бунге, мимо которых шел вельбот, не подпускали к берегу. Поневоле приходилось держаться мористее, лишь изредка делая остановки на льдинах.

Вельбот шел открытым морем, огибая южную оконечность Фаддеевского острова. К вечеру встретилась широкая полоса раздробленного льда. Туманом заволокло горизонт. Сильно уставшие, насквозь промерзшие от сыпавшего весь день снега, моряки пристали на ночевку к большой стамухе. Вельбот вытащили на льдину, поставили палатку. Железняков сварил на примусе овсянку и бульон из либихского экстракта. Молча съели по горстке овсянки, а от бульона, несмотря на голод, отказались.

«Команда мне говорит, — описывает Бегичев события этого похода, — что они совсем голодные, и если дальше так будет, то они не смогут работать».

Продолжать плавание без запаса продовольствия было бессмысленно. Следовало что-то предпринимать.

«Утром встали, — день был пасмурный, но без тумана, сварили мясного шоколаду, выпили по кружке и съели по одному сухарю. Потом спустили вельбот, пошли под парусами и на веслах. Через шесть часов на горизонте показался берег. Направились прямо на него. Не доходя саженей двести до берега, вельбот стал на мель. Мы с Железняковым пошли на охоту...»

Расчеты Бегичева оказались верными. Тут же, невдалеке от стоянки, охотники убили двух крупных быков. Запылал костер. В пудовой банке из-под сухарей наварили жирного мяса и все наелись вволю. Как следует

отдохнув, отряд поплыл дальше вдоль берега острова Фаддеевского.

Вот уже месяц продолжается их плавание, и каждый день все время моряки жадно вглядывались в берега в надежде увидеть какой-нибудь предмет, может, дымок, указывающий на пребывание здесь группы Толля.

Два года назад они также жадно осматривали морские просторы в надежде увидеть «Землю Санникова». Сейчас они ищут человека, заставившего поверить в существование этой земли. Где он? Неужели погиб? Нет! Этого быть не может, — сразу же отгоняли моряки невеселые мысли. Толль, Зеберг, каюры, — испытанные полярники, их не сломить. Они должны быть где-то здесь.

Но попрежнему с левого борта открывалась все та же унылая панорама высокого берега, круто обрывающегося к морю, с обнажениями ископаемого льда. Кое-где тускло-желтая полоса льда закрывалась обвалами наносов, широкими языками спускавшимися к воде. Многочисленные байджарахи[1] прорывали изнутри плоскую тундру, чтобы, вырвавшись на земную поверхность, с годами раствориться, слиться с нею под действием воды, тепла и ветра.

Сколько раз ошибались моряки, принимая какой-нибудь одинокий байджарах за палатку, а бревно плавника, выжатое льдом на берег, за знак. Бегичев круто поворачивал румпель руля, гребцы налегали на весла, и вельбот устремлялся к берегу. Но проплыв 4—5 кабельтовых, спасатели убеждались в своей ошибке.

И снова проплывала с левого борта однообразная картина унылого берега.

К вечеру 7 августа открылся мыс Песцовый. Взяли курс на него, предполагая там сделать привал. Вдруг на вершине мыса показался дымок.

— Дым! Смотрите, дым! — радостно закричали все.

Это не был мираж. Тонкий дымок ровной струей подымался на несколько футов вверх и затем легкой пеленой растекался по тундре.

Моряки гребли так, что крепкие весла гнулись, как тростинки. Неужели Толль здесь? Они, значит, живы. Скорей!

Все ближе и ближе мыс, и, наконец, моряки увидели конус якутского чума, возвышающийся на прибрежной высоте. Это была стоянка партии Толстова.

Услышав лай собак, почуявших лодку, Толстов с тремя своими спутниками-якутами выскочил из чума. Забыв наки-

---

[1] Байджарахи — принятое в науке якутское название конусообразных глинистых бугров высотою 4—6 м и редко более 2 м в диаметре. Они образуются вследствие таивания ископаемого льда.

нуть одежду, они в одних рубахах побежали к приплеску. Ни Толля, ни Зеберга на берегу не было.

Толстов с Брусневым, выехав в марте из Казачьего, довольно быстро добрались до Михайлова стана и здесь расстались. Бруснев с несколькими промышленниками-якутами отправился по льду на остров Новая Сибирь, а партия Толстова взяла курс на остров Котельный. Они объехали его почти весь, но никаких признаков группы Толля не нашли. В начале лета они перекочевали на Фаддеевский остров, продолжая поиски, и тоже безрезультатно.

Теперь спасателям предстояло плыть на Новую Сибирь и уже там, у Бруснева, решать дальнейший план поисков. Моряки договорились с Толстовым, что он будет ожидать их возвращения на мысе Песцовом и одновременно продолжать осмотр восточного берега острова.

8 августа экспедиция отправилась дальше.

Следующая остановка была у мыса Благовещенского — восточной оконечности Фаддеевского острова. Утром 9 августа моряки, воспользовавшись штилевой погодой, взяли курс поперек Благовещенского пролива на северную оконечность Новой Сибири — к мысу Высокий.

Первую половину пути погода им благоприятствовала. Стоял штиль, было тепло. Но с полудня подул встречный ветер. С каждым часом он все больше свежел, нагоняя широкую волну. Грести приходилось с неимоверными усилиями. Потребовалось несколько часов, чтобы добраться до одиноко торчавшей в проливе стамухи и, вытащив вельбот, заночевать.

Следующие сутки оказались еще более трудными. Ветер усилился. Высокие валы с огромной силой бросали вельбот, окатывали гребцов ледяной водой. Малейшая неосторожность, и волны могли опрокинуть шлюпку. Почти сутки шла борьба горстки моряков со стихией, и лишь к утру, под самым берегом Новой Сибири, ветер утих. Измученные, насквозь промокшие, мореплаватели вышли на берег верстах в двух южнее мыса Высокого.

Не успели они скипятить чай, как на берегу появился белый медведь, бегом направлявшийся к палатке. Его встретили выстрелами, и через час команда с аппетитом уничтожала увесистые бифштексы, приготовленные Железняковым.

Утром стали готовиться к поездке на южную часть острова: отыскивать Бруснева. Бегичев должен был остаться здесь, чтобы подняться на мыс Высокий и оттуда осмотреть море в сторону острова Беннета.

С вершины мыса Бегичеву открылся обширный вид на Благовещенский пролив и океан, совершенно свободные от льда. Лишь кое-где у берегов белели небольшие скопления мелкораздробленного льда.

На обратном пути к палатке Бегичеву удалось подстрелить двух крупных оленей. Это было как нельзя кстати. Запасы оленины, взятой у Толстова, подходили к концу, и их следовало пополнить. Теперь двух туш могло хватить надолго.

Ничего нового о судьбе группы Толля Бруснев не узнал. Значит, загадка крылась на острове Беннета.

Услышав, что в море нет льда, спутники Бегичева отказались было итти в плавание.

— На Беннета итти нельзя, — доказывали они. — Переход очень большой и в открытом океане вельбот может захлестнуть волной, а раз нет льда — мы не сможем даже переждать шторм на льдинах.

На этой почве возник новый спор. Бегичев горячо запротестовал:

— Почему же открытым морем не итти? По-моему, если в море окажется лед, то итти будет несравненно труднее, и мы тогда уже наверняка до Беннета не доберемся. Открытым же океаном, при хорошей погоде и попутном ветре, мы сможем пройти эти восемьдесят миль за двое суток. А по льду, да если еще придется перетаскивать вельбот, даже при хороших условиях, мы и за десяток дней вряд ли доберемся.

Доводы Бегичева оказались убедительны. Моряки согласились с ним и стали грузиться в вельбот.

* *
* /

12 августа начался поход на остров Беннета. Был полный штиль. «Море стояло в тумане, гладкое, как стекло, — пишет Бегичев. — Мы без отрыва гребли 12 часов и хотели отдохнуть на первой попавшейся льдине, но, к сожалению, ни одной льдины нам не встретилось. Все время туман, ничего вокруг не видно...»

Вскоре подул южный ветер, нагоняя волну. Видимость улучшилась. Заметив большую одинокую льдину, моряки подплыли к ней. Вытащили вельбот на лед, поставили палатку и, плотно закусив запасенным мясом, легли спать.

«Льдина была толстая, надежная. Ветер подул очень сильный, и льдину довольно быстро погнало на север, — нам по пути; получалось, что мы едем на казенный счет. Все легли спать в палатке и сразу же уснули, как убитые, но мне почему-то не спалось очень долго. Только что стал засыпать, как большая волна ударила о льдину и окатила всю палатку. Я выскочил и увидел, что нашу льдину переломило пополам, как раз под самым вельботом. Вторую половину льдины уносило, и вельбот покатился в воду. Я стал всех будить, а сам держу вельбот, стараясь изо всех сил не дать

ему соскользнуть с льдины. Все быстро выскочили и вытащили вельбот подальше на лед. Теперь наша льдина стала маленькой, площадью саженей в семьдесят, но достаточно еще толстой. Ветер усилился. Временами волны захлестывали далеко на льдину. Решили все же переждать погоду. Палатку и вельбот перетащили на середину, привязали вельбот к палатке. Я взял конец к себе в руки, чтобы проснуться, если льдину еще раз переломит и вельбот станет уносить. Все устроились и опять легли спать».

Плавание «на казенный счет» понравилось. Лучшего нельзя было и желать. Пока моряки отдыхали, льдину дрейфовало в нужном направлении. Но взятая на следующий день обсервация показала, что их стало относить к западу от острова Беннета. Пришлось, не теряя времени, спускать вельбот на воду. Предварительно плотно закусили холодным мясом и горячим шоколадом. Поставив парус, пошли на северо-восток.

Через 16 часов плавания в тумане Железняков заметил справа по курсу темную линию.

— Земля! — обрадованно закричал он.

Все стали жадно вглядываться. Вскоре туман рассеялся. Выглянуло солнце, и перед мореплавателями открылась панорама острова со сверкающими в лучах солнца ледниками.

Близость цели всех обрадовала. Несмотря на то, что попутный ветер хорошо подгонял вельбот, моряки сели на весла. Скорей, скорей бы добраться до острова! Но только через шесть часов, миновав кромку редкого торосистого льда, обрамлявшего прибрежные скалы, вельбот смог пристать к узкому приплеску.

* *
*

Цель трудного плавания достигнута! Наконец-то они на острове Беннета!

Под берегом Железняков, стоявший на баке, зацепил багром валявшийся у уреза воды блестящий предмет, который оказался крышкой алюминиевого котелка. Такие котелки были у Толля. В эту же минуту Бегичев увидел на берегу сложенный из камней знак с воткнутым в него бревном.

Моряки подбежали к знаку. Неподалеку от него лежали облезлая медвежья шкура, обугленный плавник, оленьи кости, обломок рукоятки ножа, пустые гильзы. Это несомненно были следы группы Толля; никто, кроме Толля, не мог быть в этой части острова. Неужели они увидят Толля живым и невредимым?

Хотелось сейчас же отправиться на поиски. Но последние часы плавания окончательно измучили людей. Надо было

отдохнуть, хотя бы несколько часов, чтобы восстановить силы. Вытянув вельбот на берег, все легли спать.

Яркое солнце, крики множества птиц, гнездившихся на скалах, разбудили моряков. Наскоро позавтракав, Бегичев с двумя спутниками направился в сторону мыса Эммы, на котором Толль должен был оставить письмо. По склону ледника поднялись на вершину острова.

«Прошли верст пять, — пишет Бегичев, — стали спускаться по камням вниз. Кое-как спустились. Я вышел на низкий берег моря и увидел воткнутое весло байдарки. Побежал к нему, взял его. Тут лежала бутылка из-под шампанского с какими-то бумагами внутри... Стали читать письмо.

В нем было написано, что изба стоит на восточной стороне острова Беннета. Здесь же была приложена карта острова, окружность которого равнялась 50 верстам».

В бутылке лежало три записки. В первой сообщалось:

> «21 июля благополучно доплыли на байдарках. Отправимся сегодня по восточному берегу к северу. Одна партия из нас постарается к 7 августа быть на этом месте.
>
> Толль.
>
> 25 июля 1902 года, о. Беннета, мыс Эмма».

На втором листе с надписью: «Для ищущих нас» и дважды датированном 26 августа и 1 сентября 1902 года (ст. стиля) был нарисован план острова с указанием места остановки партии и предполагаемого места постройки дома. На третьей записке имелся схематический набросок острова и сообщение:

> «23/X 1902, четверг. Нам оказалось более удобным выстроить дом на месте, означенном здесь на этом листке. Там находятся документы.
>
> Зеберг».

Поисковой группе пришлось возвращаться обратно к палатке, чтобы оттуда отправиться на восточную окраину острова к месту, указанному в записке Зеберга. Итти по гладкому покатому леднику, покрытому фирновым льдом, было очень трудно и рискованно. Один неверный шаг, и человек мог свалиться с обрыва. Бегичев предложил спуститься к морю по небольшой промоине. Так и сделали, но вскоре пришлось остановиться: путь по берегу преградили скалы. Тогда порешили итти прямо по льду к обрывистому безымянному мысу, вдающемуся в море.

* *
*

С вершины полуострова Чернышева взорам путешественников открылся вид на бухту Павла Кеппена. Осмотрев в

бинокль берега бухты, они заметили на противоположной стороне неширокой долины поварню. Прибавили шаг. Но чем ближе подходили моряки к поварне, тем больше росло у них чувство тревоги: никаких признаков жизни возле избушки не было. Перебравшись через ручей, они бегом бросились вперед. Вот и изба. Маленькая, сложенная из бревен плавника, она стояла полузанесенная плотным снегом.

Бегичев с силой толкнул примерзшую дверь, перешагнул порог и отшатнулся:

— Они умерли!

В темноте большие груды снега, набившегося по углам избушки, были похожи на оледенелые трупы. Бегичев зажег огонь. На нарах валялась берданка без затвора, медвежья шкура, обрывки одежды, обувь, ремень от геологического молотка. На полке лежал анемометр Фуса, коробочка с раковинами, жестянка с патронами к охотничьему ружью и еще кой-какая мелочь.

«Посредине избы лежала куча камней, — описывает Бегичев это посещение. — Я их стал разгребать. Среди камней лежал ящик из-под секстана. Мы его открыли. Там лежали документы — письмо Толля, адресованное президенту Академии Наук.

Мы стали читать толлевское письмо. Он писал, что в 1902 году на собаках обогнул острова Котельный и Фаддеевский, пришел 1 июля ст. ст. к Благовещенскому мысу (правильно: мысу Высокому. — *Н. Б.*) Новой Сибири. Отсюда взял направление прямо на Беннета. Пройдя 18 верст по льду на собаках, встретил открытое море. Убив своих собак, группа двигалась дальше на байдарках. По пути сели на льдину, и их понесло ветром на остров Беннета. Через несколько дней в хорошую погоду астроном Зеберг определил место, где они находятся. Оказалось, что они находятся в 20 верстах от Беннета. Тогда покинули льдину и на байдарках пришли 20 июля к Беннета, где и занялись исследованием острова. Окружность острова составляла только 52 версты. Высота ледниковой горы — он назвал ее пиком Де Лонга — 200 футов. Начальник сообщал еще кое-какие научные сведения. Писал, что на острове было голов тридцать диких оленей. Из них они нескольких убили на мясо, а из шкур сшили себе теплую одежду. На острове гнездится много птиц кайр, водятся белые медведи, и изредка моржи. 26 октября ст. ст. покинули остров и пошли на юг на Новую Сибирь. Провизии у них было на 14 дней. Все здоровы. Тем заканчивалось его письмо» [1].

---

[1] В письме Толля, опубликованном в книге В. Ю. Визе «Моря Советской Арктики». Издательство Главсевморпути, М.—Л., 1948, стр. 273—274.

Сразу стало ясно: Толль и все его спутники погибли при возвращении с острова Беннета.

Почему эти опытные полярники решились на такой опасный шаг? Почему они не дождались весны, а рискнули полярной ночью пускаться в обратный путь по дрейфующему льду? — недоумевали моряки, потрясенные своим печальным открытием.

«Если бы они вернулись в конце августа, то могли бы добраться до Новой Сибири. Там для них была устроена изба и имелся запас провизии. Но что? что побудило их итти в это время года? — спрашивает себя Бегичев. — В такое время — это означало верную гибель». — И тут же решает: «Повидимому, их заставил выйти в такое темное время голод».

Может быть когда-нибудь Арктика еще поведает людям о последних часах отважных исследователей, и будет установлена причина, толкнувшая их на столь безрассудный поступок, но до сих пор, вот уж более четырех десятков лет, это все еще остается тайной. Толль, а вместе с ним и его мужественные спутники поплатились жизнью в поисках легендарной «Земли Санникова» — этой «синей птицы» отважного исследователя.

Забрав найденные документы, круг Пистора и коробку с раковинами, опечаленные моряки направились обратно к своему лагерю. По пути они обнаружили еще следы группы Толля: пару песцовых ловушек и два ящика с геологическими образцами. Тут же лежали обломки мамонтовой кости. Бегичев с Инковым попытались было взять коллекции с собой, но ящики оказались слишком тяжелыми, и их пришлось оставить на месте.

Пока моряки отсутствовали, чуть не погиб их вельбот. Лишь благодаря находчивости Железнякова все обошлось благополучно.

Под полозьями вытащенного на крутой берег вельбота подтаял снег. Набирая скорость, тяжелая шлюпка стала скользить под уклон прямо на прибрежную льдину. Еще секунда, и вельбот с хода врезался бы в нее, к счастью, расто-

---

указывается, что группа 31.VI/13.VII (?) взяла курс на остров Беринга. Плавание на байдарках они начали в 3 милях от берега, а не в 18 верстах, как сообщает Бегичев, и высадилась группа на острове Беннета не 20, а 21 июля ст. ст. Кроме сведений, упоминаемых в пересказе Бегичева, Толль сообщал о геологическом строении острова и о своих наблюдениях над перелетом птиц. В частности, он видел орла, летевшего с юга на север, а также сокола и гусей, пролетавших в обратном направлении. «Вследствие туманов, — пишет Толль, — земли, откуда прилетели эти птицы, также не видно было, как и во время прошлой навигации — «Земли Санникова».

Одна из записок Толля найденная на о. Беннета.

ропный Железняков, схватив мачту, бросился наперерез и успел подложить ее под полозья. Вельбот остановился всего в нескольких метрах от льдины.

Измученные походом, Бегичев и Иков легли отдохнуть. Железняков с товарищами пошли осматривать северный берег острова до поварни Толля. Ничего нового не обнаружили. Все еще теплившаяся где-то вглубине слабая надежда на то, что кто-нибудь из группы Толля остался в живых и находится на острове, отпала.

Эти грустные и трудные часы, проведенные на острове Беннета, сыграли в жизни Бегичева решающую роль. Наблюдая на прошлых зимовках самоотверженный труд ученых, он относился к нему со свойственным простым людям уважением. Такое добросовестное отношение к порученной работе было для него естественным. Но сейчас Бегичев увидел работу исследователя в другом свете.

Во имя чего погиб Толль? Во имя чего он рисковал своей жизнью? Разве только для того, чтобы избежать насмешек и неизбежных издевательств, которые ожидали его в Петербурге?

Если и Зеберга могли ожидать эти насмешки, то что же толкнуло якутов Горохова и Протодьяконова разделить судьбу ученых?

Бегичев вспомнил слова, когда-то сказанные Толлем, о счастье исследователя. И в нем особенно ярко вспыхнуло желание познать это счастье, посвятить всего себя, как и Толль, открытиям новых земель. Это было результатом всех его прежних, до конца еще не осознанных, стремлений. Действительно, в годы плаваний «Герцога», в годы зимовок «Зари» он был лишь исполнителем чужой воли. В этом же походе ему, Бегичеву, принадлежала ведущая роль. Этот поход придал ему ту твердую уверенность в своих силах, которая ведет человека на подвиг.

«Но что могу сделать я, простой, никому неизвестный матрос? Кто даст мне средства на организацию экспедиций? — задавал себе вопрос Бегичев. — «Никто. Значит, нужно полагаться только на себя, на свои силы и волю».

Утром 17 августа моряки сложили из камней знак, в который вложили доску с вырезанной на ней надписью о своем пребывании на острове, и, подняв парус, пустились в обратное плавание.

В навигацию 1913 года остров Беннета посетила русская гидрографическая экспедиция на «Таймыре» и «Вайгаче».

Члены экспедиции побывали у разрушенного к тому времени зимовья Толля и доставили с острова все найденные их предшественниками коллекции. На вершине высокого

обрывистого полуострова Эммелины Толль русские моряки воздвигли большой крест и прибили к нему медную доску с высеченной на ней надписью:

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ в 1962 году:
Начальника экспедиции барона
Эдуарда Толля,
астронома
Фридриха Зеберг,
проводников:
Василия Горохова
и
Николая Протодьяконова.
ГИДР. ЭКСП. СЕВ ЛЕД. ОКЕАНА
5 сентября 1913 г.

* *
*

Плавание до Новой Сибири обошлось без приключений. 19 августа экспедиция достигла мыса Высокого. Задержись моряки хоть ненадолго в море, им пришлось бы туго; через несколько часов начался сильный шторм, Благовещенский пролив забило льдом. Ничего не оставалось делать, как вытащить вельбот на берег и пережидать погоду. Ожидание было вознаграждено удачной охотой. Железняков убил сразу пять оленей.

Через сутки шторм стал ослабевать. Моряки спустили вельбот и поплыли вдоль западного берега Новой Сибири к стану Бруснева. Но только они вышли в море, как снова поднялся шторм. Пришлось спустить парус и идти на веслах против волны, захлестывавшей вельбот. Утром 22 августа измученные люди увидели стан Бруснева.

Отдохнув несколько суток и переждав непогоду, моряки взяли курс на остров Фаддеевский. На мысе Песцовом к ним присоединился Толстов. Пережив по пути немало невзгод, 18 сентября экспедиция благополучно достигла своей исходной точки — Михайлова стана, пробыв в плавании ровно два месяца.

Здесь ее уже ожидала группа Оленина. Джергели, принимавший очень деятельное участие в поисках Толля, изъездил за лето северное побережье Котельного вдоль и поперек, но ничего нового не нашел.

Узнав теперь о гибели «кума-барона», старый эвенк затосковал, как может тосковать человек, потерявший лучшего друга.

Экспедиция снова разделилась. Оленин с каюрами переехал в стан Егорова — другую промысловую избу, верстах в двадцати от Михайлова стана.

Начинался осенний ход диких оленей. Стада животных устремились к южной оконечности острова, чтобы с замерзанием проливов перейти на материк. Пользуясь этим, все усиленно занялись охотой. Азартные охотники — Бегичев и Железняков — ежедневно добывали по 5—6 голов. Кроме оленей, к стану повадились наведываться белые медведи. Один из таких визитов чуть не кончился для Бегичева плачевно.

Как-то утром Бегичев заметил трех медведей, двигавшихся по припаю. Быстро собрав собак, Бегичев, Алупкин и Дорофеев погнались за медведями. Собаки, учуяв зверя, понесли изо всей мочи. Обернувшись назад, Бегичев увидел, как под нартами гнется молодой лед.

Смекнув, что в случае остановки лед моментально подломится, Бегичев гикнул на собак, и нарта по инерции проскочила на узкую полосу твердого льда. Но тут случилась новая беда: собаки продолжали мчаться прямо к дымившейся темной полынье. Воткнув торило между копылами, Бегичев навалился на него всем телом; в конце концов ему удалось затормозить стремительный бег упряжки. Воспользовавшись этим, поморы соскочили с нарт и удержали бешенно рвавшихся собак. И как раз во-время: медведи были всего в ста шагах. Бегичев уже вскинул винтовку, чтобы начать стрельбу, когда лед проломился. Не бросая винтовки, Бегичев пытался выбраться из проруби, но края ее обламывались, не выдерживая его тяжести. Эти несколько минут, пока он вползал на прогибающийся лед, раскинув руки и опираясь на винтовку, чтобы увеличить площадь опоры, Бегичеву запомнились на многие годы.

Пришлось оставить охоту и скорее возвращаться в избу. Но на следующий день Железнякову все-таки удалось уложить всю медвежью тропу, когда она снова появилась вблизи зимовья.

Широко прославила Бегичева среди устьянских промышленников поимка им живого дикого оленя. Случилось это так. Возвращаясь с охоты, Бегичев присел на бугорке перекурить. Вдруг позади раздался скрип снега. Никифор Алексеевич обернулся и увидел бегущего к нему оленя. Стрелять он не решился: у него было лишь два патрона, оставленные на случай встречи с медведями. Олень подбежал вплотную и стал жадно лизать лежавшую рядом шапку. Бегичев

Поход Н. А. Бегичева на поиски Э. Толля и его спутников в 1903 — 1904 годах.

1. Санный маршрут. 2. Плавание на вельботе. 3. Пешеходный маршрут.

быстро лег и схватил его за переднюю ногу. Животное взвилось на дыбы, отбиваясь свободной ногой, но Бегичев ловко повалил его и связал ремнем.

Потом, дойдя до стана Оленина, Бегичев взял упряжку и привез пленника.

Пораженные якуты долго качали головами от изумления, решив, что боцману помогла нечистая сила. Джергели рассказал древнюю эвенкийскую легенду о том, как один большой шаман околдовал дикого оленя и поймал его живьем. Теперь лавры этого легендарного шамана достались Бегичеву.

* *
*

Ноябрь был на исходе. Наступала темная пора. Дикие олени исчезли. По этой примете якуты определили, что проливы уже замерзли, и стали торопить с отъездом.

29 ноября экспедиция, разделившись на две партии, направилась на юг. Несмотря на сильные морозы, доходившие до 45 градусов, путь до материка обошелся без приключений. 7 декабря первая партия, в составе которой находился Бегичев, достигла Чай-поварни — зимовья, расположенного восточнее мыса Святой Нос, на материке. До Аджергайдаха, где для экспедиции были заготовлены упряжные олени и имелся запас провизии, оставалось верст пятьдесят. Но тут опять начались невзгоды. Кончилось мясо, люди голодали. Не было корма для собак. В Эбеляхской губе экспедицию захватила пурга. В темноте упряжки потеряли друг друга. Бегичев, ехавший с Толстовым на одной нарте, догадался намочить керосином паклю и, надев ее на торило, зажег. Свет факела помог остальным найти их. После нескольких часов блуждания в кромешной тьме путники наткнулись на берег. Стан Аджергайдах находился где-то поблизости, но где именно — никто не знал. Лишь на пятые сутки Толстов, ездивший на поиски, разыскал, наконец, стан и привел оттуда оленей.

18 декабря первая партия пришла в Казачье. Через несколько дней сюда же прибыл Оленин с каюрами, а за ними и группа Бруснева, благополучно перебравшаяся с Новой Сибири. Таким образом, все отряды спасательной экспедиции возвратились без потерь.

Накануне отъезда экспедиции из Якутска телеграф принес весть о вероломном нападении японцев на Порт-Артур. Бегичев без раздумья решил ехать на берега Тихого океана, чтобы сражаться за честь и достоинство русского флота.

«В конце февраля в Иркутске я распрощался с товарищами, уезжавшими в Петербург, — пишет Бегичев. — 20 марта (ст. ст.) приехали в Порт-Артур и остановились в гостинице Никобадзе».

Мысль посвятить себя исследованию новых земель пришлось временно оставить. Военный моряк Никифор Алексеевич Бегичев встал в ряды героических защитников Порт-Артура

Глава пятая

В ПОРТ-АРТУРЕ

В первый же день приезда в Порт-Артур Бегичев встретил Цвигмана. Тот искренно обрадовался своему бравому выученику, крепко обнял его и трижды поцеловал. Цвигман предложил итти к нему на эскадренный миноносец «Бойкий», которым он теперь командовал. Но как ни хотел Бегичев снова служить под начальством уважаемого им офицера, все же пришлось отказаться: он уже подал рапорт начальству и теперь ожидал назначения.

От Цвигмана Бегичев узнал, что его приятель — боцман «Герцога Эдинбургского» — Копкин в Порт-Артуре и служит на броненосце «Ретвизан». Попрощавшись с офицером, Бегичев направился на броненосец.

«Ретвизан» стоял у стенки Восточного бассейна, исправляя пробоину, полученную от японской мины в памятную ночь на 9 февраля.

«На «Ретвизане», — описывает Бегичев эту встречу, — кроме Копкина нашлось еще много знакомых, с которыми я плавал раньше. Они меня не пустили на берег и оставили ночевать на судне... В каюту пришли проведать знакомые мне минный офицер «Ретвизана» лейтенант Развозов и старший офицер броненосца. Они просили рассказать о нашем путешествии на вельботе по Ледовитому океану. Мой рассказ их очень заинтересовал. В свою очередь и они рассказали мне о положении нашего флота и о японцах».

Им было о чем поведать Бегичеву. Как и все порт-артурские моряки, команда «Ретвизана» была воодушевлена приездом и решительными действиями вновь назначенного командующего флотом вице-адмирала С. О. Макарова. Этот выдающийся флотоводец за короткий срок пребывания в

Порт-Артуре сумел поднять дух эскадры, сильно упавший после неудач первых дней войны. Теперь флаг командующего флотом развевался на быстроходном крейсере «Аскольд». Крейсер стоял против входа в гавань, и моряки поняли, что Макаров не собирается отсиживаться под прикрытием береговых батарей, а полон решимости защищать крепости и наносить противнику удары.

Это вскоре поняли и японцы. Когда 22 марта эскадра адмирала Того снова появилась перед Порт-Артуром, ей навстречу вышла наша эскадра, готовая принять бой. Японцы были поражены этим и уклонились от открытого боя. Отойдя за массив Ляотешань, они, как и раньше, открыли перекидную стрельбу по городу, крепости и внутреннему рейду. Но им стали отвечать стоявшие в Восточном бассейне внутреннего рейда «Ретвизан» и «Победа». Огонь русских кораблей корректировался с наблюдательного пункта, устроенного вблизи Ляотешаньского маяка; он нанес серьезные повреждения броненосцу «Фуджи», и японцы быстро ушли.

Полной неудачей закончилась и вторичная попытка японцев заградить выход из Порт-артурской гавани брандерами. Четыре японских парохода-заградителя были потоплены русскими у входа в гавань, но совсем не там, где рассчитывали японцы.

Обо всем этом услышал теперь Бегичев от своих друзей.

* *
*

Через несколько дней Бегичев получил назначение на эскадренный миноносец «Бесшумный». Это был быстроходный, недавно спущенный на воду корабль с тремя минными аппаратами, одним 75-миллиметровым и пятью 47-миллиметровыми орудиями. Экипаж миноносца состоял из 60 человек.

Командир «Бесшумного» лейтенант Андрей Максимович Максимов, знавший Бегичева по Кронштадту, радушно встретил его. Минный офицер Тырков, мичман Воробьев, инженер-механик Михайлов и другие офицеры оказались храбрыми и умелыми моряками. Бегичев быстро познакомился со своими сожителями по унтер-офицерской каюте: старшим минным унтер-офицером Митусовым, машинным кондуктором Бобриковым, машинным унтер-офицером Лапотниковым, кочегарным унтер-офицером Патрушевым и баталером Соседовым.

Служба была хлопотной. Каждую ночь Макаров выходил на внешний рейд на каком-нибудь из крейсеров в сопровождении нескольких миноносцев и минных катеров для охраны прохода в гавань. «Бесшумный» обычно принимал участие в этих ночных дежурствах. Понятно, что боцману и команде

приходилось всю ночь бодрствовать. А дневные часы были заполнены учениями и работой.

После неудачи с брандерами, главные силы японского флота не показывались уже у Порт-Артура, хотя их миноносцы и минные транспортеры продолжали по ночам ставить мины на внешнем рейде. Затишье продолжалось недолго.

12 апреля Бегичеву пришлось принять первое боевое крещение. Вот как описывает он события этих дней:

«Вечером 11 апреля[1] командир позвал меня в каюту и сказал, что мы в 9 часов вечера пойдем в море к Бобровым островам. С нами пойдут оба отряда миноносцев. В штабе были получены сведения от китайцев, что у Бобровых островов стоят японские транспорты с войском. Выход миноносцев должен пройти секретно, поэтому, чтобы не привлекать внимания шпионов, которых немало было в Порт-Артуре, командир приказал закрепить шлюпки и якоря лишь с наступлением темноты.

В 9 часов вечера вышли в море без огней. Ночь была очень темная, шел дождь. Без огней в кильватерной колонне при такой погоде итти было нельзя: миноносцы могли наскочить друг на друга или отбиться от отряда. Поэтому начальник отряда передал всем: зажечь за кормой огни. Зажгли боевые фонари и пошли полным ходом. В полночь пришли к месту назначения, начали шнырять во все стороны, но ничего не нашли. Второй отряд миноносцев потерялся. Мы его искали и, не найдя, вернулись обратно. Стало светать. Увидели четыре японских миноносца, повернули к ним. Они стали от нас уходить. Мы полным ходом погнались за ними, но вдруг заметили еще четыре японских легких крейсера, шедших полным ходом с намерением отрезать нам путь к Порт-Артуру. Мы оставили погоню и повернули в гавань.

Из гавани вышел наш крейсер «Баян», открыл огонь по японским кораблям и задержал их. Мы воспользовались этим моментом и успели проскочить в Порт-Артур. «Баян» тоже вернулся, ему одному против четырех судов было не под силу драться, но все-таки он спас 5 матросов с миноносца второго отряда, который ночью отстал от своих и наскочил на японскую эскадру. Японцы его заметили и открыли огонь. Хорошо не помню, какой это был миноносец, но кажется «Стерегущий».

Бегичев ошибся. Это был не «Стерегущий», а «Страшный», погибший в поединке с превосходящими силами японцев. «Страшный» в темноте отстал от отряда и, встретив несколько японских миноносцев принял их за свои. Всю ночь «Страшный»

[1] Бегичевым дата указана не точно. Это было 12 апреля.

ходил вместе с японцами. Когда стало светать, на «Страшном» подняли позывные. Японцы ответили залпом. Тогда миноносец, дав полный ход, завязал неравный бой — один против четверых. Он отбивался до тех пор, пока один из вражеских снарядов не попал в заряженный минный аппарат «Страшного». От взорвавшейся мины корабль начал быстро тонуть. Оставшиеся в живых люди, здоровые и раненые, бросились в воду.

Крейсер «Баян», посланный Макаровым на выручку «Страшному», подошел, когда миноносец уже погрузился в воду. Несмотря на сосредоточенный огонь японских крейсеров и миноносцев, с «Баяна» были спущены шлюпки для спасения команды «Страшного». Но спасти удалось только пятерых матросов.

«Нам был подан сигнал с Золотой горы — в гавань не входить, — продолжает Бегичев описывать события памятного дня 13 апреля. — Через некоторое время стала выходить из гавани наша эскадра. По выходе ее на рейд с флагманского корабля был дан сигнал: миноносцам всем следовать за эскадрой. Броненосцы выстроились в кильватерную колонну и пошли в море. Японские крейсеры дали ход наутек. На горизонте показалась вся японская боевая эскадра. Стали сближаться. Подойдя на 80 кабельтовых (16 верст), линейные корабли с обеих сторон открыли огонь, но у японцев было больше судов. Наша эскадра повернула к Порт-Артуру...»

Около 9 часов 30 минут утра «Петропавловск», на котором держал свой флаг Макаров, подошел к внешнему рейду. Милях в 5—6 от берега с броненосца был передан приказ флагмана флоту перестроиться в строй фронта. Едва начались эволюции судов, как вдруг над «Петропавловском» взвился большой столб черного дыма, и один за другим послышались глухие звуки взрывов. Дым и пламя охватили корабль. Броненосец запылал и зарылся носом. Корма поднялась над водой, и оба винта обнажились. «Петропавловск» стал быстро погружаться в воду.

«Наш командир дал полный ход к месту взрыва «Петропавловска», — продолжает Бегичев, — и мы быстро спустили шлюпки. Стали подбирать команду, тонущих... Наш командир крикнул: «Спасайте кого будет возможно». Вся команда бросилась вытаскивать из воды погибающих. Подобрали всех. Шлюпки подошли к борту, передали людей... Нами был спасен князь Кирилл. Он приказал итти командиру в гавань. Мы пришли, стали к стенке. Князь сейчас же уехал с миноносца и в тот же день покинул Порт-Артур.

С «Петропавловска» нами было спасено, кажется, 50 человек, в том числе несколько офицеров и командир броненосца Яковлев».

«Петропавловск» скрылся под водой через две минуты и несколько секунд с момента первого взрыва. Миноносцам удалось спасти всего 7 офицеров и 73 матроса. Остальные погибли, в том число и Макаров.

* *
*

Гибель Макарова произвела на защитников Порт-Артура угнетающее впечатление. На него, выходца из народа, солдаты, матросы и лучшая часть офицерства смотрели с какой-то особой верой, надеясь, что под его энергичным и решительным руководством флот окажет серьезную поддержку обороне Порт-Артура. Теперь эти надежды рухнули.

Чувство горечи и тревоги честного русского матроса сквозит в записках Бегичева.

«Петропавловск» погиб, — вспоминает Бегичев. — «Победа» тоже попала на мину, хотя повреждение небольшое. С гибелью «Петропавловска» у нас флот стал совершенно бессилен. Остались только «Цесаревич» и «Ретвизан», а японцы все время хозяйничают по всему морю. Как-то ночью, в середине апреля, несколько японских транспортов подошло, чтобы загородить проход. Но это им не удалось — их не допустили до прохода и потопили, а один из транспортов выбросился на берег [1]. Да и напрасная с их стороны трата: наша эскадра долго не сможет выйти в море. Только наши миноносцы кое-когда выходили ночью, но бесполезно.

Днем японские суда заходили в залив и через Ляотешань, из орудий крупного калибра стреляли по городу. Наши суда тоже отвечали перекидным огнем, но большого вреда никому не делали. Только бесполезно тратили снаряды...»

Японцы, начав высадку десантных войск на Ляодунском полуострове, усилили блокаду Порт-Артура с моря. Днем перед крепостью обычно крейсировали их броненосцы или крейсеры, а ночью — миноносцы под прикрытием крейсеров.

В середине мая японцы в течение трех суток потеряли несколько боевых кораблей. События 14—20 мая вошли в историю как черные дни японского флота.

14 мая в бухте Керр погиб от русской мины японский крейсер «Миако». В ночь на 15 мая другой крейсер — «Кассуга»—в тумане столкнулся с крейсером 1-го ранга «Иошино»,

[1] Бегичев упоминает о третьей попытке японцев заградить вход в гавань. В ночь с 2 на 3 мая (нов. ст.) восемь японских транспортов под конвоем миноносцев подошли ко входу в гавань, но были замечены русскими и все затоплены.

ударив его в корму с левого борта. Получив большую течь, «Иошино» быстро затонул. Из всей команды было спасено только 90 человек. «Кассуга» тоже получил настолько сильные повреждения, что японцам пришлось отбуксировать его в док.

На минах, расставленных русским минным заградителем «Амур», взорвался сначала броненосец «Яшима», а затем и подошедший ему на помощь, один из лучших кораблей японского флота, эскадренный броненосец «Хатцузе». Последний моментально затонул. Через несколько часов утонул в открытом море и «Яшима».

Почти одновременный взрыв двух броненосцев вызвал у японцев сильное смятение. Решив, что причина взрывов — русские подводные лодки, они долго вели беспорядочную стрельбу около места взрыва судов.

Это был весьма удачный момент для активных действий нашего флота, но бездарный адмирал Витгефт, возглавивший порт-артурскую эскадру после гибели Макарова, упустил его. Только спустя два часа после первого взрыва из гавани направились 12 миноносцев для атаки японских судов. Позже вышли еще 4 миноносца и еще через полтора часа — крейсер «Новик». Пока продолжалась эта канитель, японцы опомнились. Подошли остальные суда их эскадры, и наши миноносцы были отогнаны, причем часть их чуть было не оказалась отрезанной крейсерами противника.

Бегичев, участвовавший в этой операции, с недоумением спрашивает: «Цель этого выхода наших миноносцев до сего времени не могу понять. Зачем было посылать среди бела дня 12 миноносцев против целой японской эскадры? Какой вред мы могли принести днем таким сильным судам? Другое дело, если бы это было ночью, тогда нам можно было близко подойти и выпустить мины, но днем неприятель не допустит и расстреляет своей артиллерией. Миноносцы не смогут даже ответить: орудия на них небольшого калибра, не столь дальнобойны. Словом, крейсерам не причинят существенного вреда...»

В тот же день, когда погибли «Яшима» и «Хатцузе», сел на камни японский посыльный корабль «Тацута». На следующий день японская канонерка «Акаги», наскочив на свою же канонерку «Осима», потопила ее. А 20 мая был потоплен огнем русских батарей миноносец «Акацуки».

Значительные потери японцев во флоте почти уравнивали морские силы воюющих, и, кто знает, будь руководство сухопутными и морскими силами в Порт-Артуре сосредоточено в руках умных и энергичных военачальников типа Макарова, а не продажного генерала Стесселя и ему подобных, возможно по-иному бы сложился исход войны.

* *
*

Как ни чужды были русскому народу цели этой войны, русские моряки и пехотинцы, возмущенные вероломством японцев, были полны решимости проучить коварного врага. На суше и на море они совершали чудеса отваги, геройства, защищая Порт-Артур, честь прославленного в веках русского оружия и боевого флага.

Вместе с остальными мужественными защитниками крепости, скромно и просто вершил свой воинский подвиг Никифор Бегичев. Жизнь на боевом корабле, многосложные обязанности боцмана эскадренного миноносца, наконец, воинский долг, требовали от Никифора Бегичева непрестанной настороженности, решительности, самопожертвования. Когда кораблю угрожала опасность, Бегичев знал свое место — он был там.

Именно так и случилось 21 мая во время аварии «Бесшумного», о которой Бегичев упоминает в своих записках.

Миноносец вышел из гавани для проверки компасов. Бегичев стоял на носу — у орудия, разговаривая с мичманом Греве, как вдруг послышался тревожный возглас. Обернувшись, Бегичев увидел кочегара Воробьева, показывавшего на большой шар, черневший у борта миноносца. В тот же миг сильный взрыв потряс корабль. Мичмана сбило с ног. Бегичев бросился на корму, откуда послышался взрыв, и моментально спустился в отсеки посмотреть повреждения. Течи не было. Снова выскочив на палубу, боцман увидел, как несколько человек из команды, сбросив рубахи, готовились прыгать за борт. Сигнал его дудки «по местам!», подкрепленный крутой боцманской бранью, образумил людей. Паника быстро прекратилась.

По приказу командира Бегичев снова побежал осматривать судно. Повреждение оказалось в середине правого борта. Вода заливала третью кочегарку, работа правой машины прекратилась. Через несколько минут Бегичев с матросами завел под пробоину пластырь. Течь уменьшилась, но вода продолжала прибывать. Теперь, стоя по пояс в воде, боцман с другими моряками заделывал пробоину изнутри. Тем временем миноносец, дав ход левой машиной, вернулся в гавань.

«Пришли в Артур, — заканчивает Бегичев описание этого эпизода. — Стали у дока к стенке. К нам собралось много начальства. Расспрашивали, как было дело. Адмирал похвалил меня за быструю подводку пластыря. После этого мы вошли в док на починку. Оказалось, у нас был погнут правый гребной вал, лопнули правый кронштейн и несколько

листов подводной части. Повреждения, в сущности, можно было бы за неделю исправить, но док был один, в него то и дело заходили миноносцы починяться и красить подводную часть, поэтому мы простояли в доке очень долго.

За это дело я получил георгиевский крест четвертой степени...»

* *
*

28 июня закончился ремонт «Бесшумного», и миноносец, пополнив команду, снова принял участие в действиях эскадры. Но корабли большей частью отстаивались в гавани, лишь изредка выходя в море.

На сухопутном участке наступила передышка. После взятия Цзиньчжоуских позиций японцы в течение месяца не предпринимали атак. Бои возобновились 25 июня, когда японцы развернули наступление на правом фланге русских. Ценою огромных потерь им удалось занять господствующую высоту — гору Куинсан, после чего снова наступило затишье. Получив подкрепление, противник 26 июля перешел в наступление, непрерывно атакуя русские позиции. Атаки японцев продолжались и на следующий день. Чтобы поддержать огнем судовой артиллерии действия пехоты, оказывавшей врагу ожесточенное сопротивление, Витгефт выслал в бухту Тахэ отряд канонерок и миноносцев под прикрытием крейсеров и броненосца «Ретвизан». В числе судов находился и миноносец «Бесшумный».

«Нам было приказано открыть огонь по берегу, — описывает Бегичев поход в бухту Тахэ. — Тут же открыли огонь со всех миноносцев и двух канонерок шрапнелью и гранатами. По ком стреляли, хотя дело было днем, мы не видели. Потом я увидел в бинокль японский редут, и мы направили на него огонь. Но тут из-за острова Кеп вышли японские суда и прогнали нас из Тахэ обратно в Артур».

В действительности стрельба русских кораблей была более успешной; под ее воздействием японские горные батареи оставили занятые ими выгодные позиции. Пехота противника стала отходить к подошвам гор. Еще немного, и японцы были бы отброшены, но русским помешала японская эскадра.

Контр-адмирал Лощинский, командовавший отрядом, не рискнул вступить в бой с превосходящими силами противника и повернул обратно. Почти у самого входа в гавань крейсер «Баян» натолкнулся на мину и получил пробоину. Выход из строя такого сильного корабля, как «Баян», был весьма ощутителен для порт-артурской эскадры.

Днем 27 июля русские успешно отбили многочисленные атаки противника, но ночью японцам удалось занять на правом фланге одну из высот. Тогда предатель Фок, под предлогом

Миноносец „Бесшумный" в Порт-Артурской гавани.

того, что японцы смогут прорвать нашу оборону, приказал очистить позицию и отойти на Волчьи горы [1].

Это была последняя естественная преграда из ряда сопок, дугой огибающих Порт-Артур. Хотя эти позиции имели некоторые недостатки, русские воины были готовы защищать их любой ценой и начали спешно укрепляться. Ранним утром 30 июля японцы, после сильного артиллерийского обстрела внезапно перешли в атаку. Несмотря на ожесточенное сопротивление, центр русских укреплений был прорван, а левый фланг сбит. Наши войска оставили Волчьи горы и отступили на линию фортов крепости.

Период полевой войны закончился, началось тесное обложение крепости Порт-Артура.

«Заняв Волчьи горы, японцы установили там батарею и стали стрелять по Артуру. Снаряды рвались, где попало. Сначала их боялись, но потом привыкли и перестали обращать на них внимание», — рассказывает Бегичев о событиях 7 августа, дня, когда японцы впервые направили огонь своих осадных батарей на город и укрепления.

«С наших судов удачными выстрелами сбили японскую батарею, и она на некоторое время замолчала», — продолжает Бегичев свои воспоминания.

Но в последующие дни, с занятием японцами горных массивов Дагушань и Сяогушань, обстрел города и внутреннего рейда усилился. Несколько снарядов попало в броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и в крейсер «Баян».

Стало очевидным, что, оставаясь в гавани, эскадра обречена на верную гибель. Необходимость прорыва во Владивосток настолько назрела, и массы были так проникнуты этим сознанием, что упорство командования, до сего времени не решившегося на этот шаг, стало вызывать справедливые подозрения у защитников Порт-Артура. Все это заставило Витгефта дать, наконец, приказ выйти эскадре в море и пробиваться во Владивосток.

«Стали приготавливаться к выходу в море. Катера и некоторые морские суда заранее были посланы вытралить проход для эскадры. Со мной пришли прощаться знакомые...» — вспоминает Бегичев о последних часах жизни в Порт-Артуре.

* *
*

Наступил решительный момент. На рассвете 10 августа (28 июля) эскадра начала вытягиваться на внешний рейд и в ожидании, пока все корабли выйдут из гавани, располагалась под защитой береговых батарей.

[1] В трехдневных боях за овладение передовой горной позицией японцы потеряли до 12 000 тысяч убитыми и ранеными.

В 8 часов 50 минут утра на «Цесаревиче», на котором держал свой флаг Витгефт, взвился долгожданный сигнал: «Флот извещается, что государь император повелел итти во Владивосток».

— Наконец-то! Давно бы так! Во Владивосток! Отступления нет! — радостно говорили моряки, предпочитавшие сложить свои головы в открытом бою, нежели быть мишенью для японских орудий в запертой гавани. — Пробьемся или умрем, но своих кораблей не сдадим!

В 9 часов утра эскадра при ясной погоде направилась в море. Впереди шел крейсер «Новик» в сопровождении восьми миноносцев, по четыре с каждого борта. «Бесшумный» под брейд-вымпелом начальника 2-го отряда миноносцев лейтенанта Максимова шел головным с левой стороны от крейсера. Сзади, в кильватерной колонне следовали броненосцы: «Цесаревич», «Ретвизан», «Победа», «Пересвет», «Севастополь», «Полтава». За броненосцами шли крейсеры «Аскольд», «Паллада», «Диана» и госпитальное судно «Монголия» под флагом Красного креста.

На флагманском корабле взвился новый сигнал: «Следовать во Владивосток». Эскадра, набирая ход, направилась мимо Ляотешаня на юго-восток.

Вот как описывает Бегичев события этого дня:

«В 10 часов вышли в открытое море. Поднят был сигнал: «Команде обедать». Только что отобедали, увидели с левой стороны на горизонте японскую эскадру, идущую наперерез нашего курса.

Японская эскадра состояла из шести линейных кораблей. С правой стороны показались на горизонте японские крейсеры. Линейные корабли открыли огонь с дальнего расстояния, и наши суда стали отвечать на выстрелы. Японцы перерезали наш курс и пошли быстрым ходом вперед».

Японские крейсеры и миноносцы появились справа от русской эскадры около 10 часов утра, а в $11^1/_2$ часов с востока показались главные силы Того — четыре броненосца и два броненосных крейсера, шедшие на русских. В 12 часов 20 минут обе стороны открыли огонь. Японским миноносцам удалось выбросить на пути русской эскадры две группы плавучих мин, обход которых расстроил ее порядок и затруднил стрельбу. Около 2 часов 20 минут противники, маневрируя для занятия лучшей позиции, разошлись, и бой прекратился. Обе стороны не получили больших повреждений. Русская эскадра прошла за линию японских судов и, увеличив ход до 14 узлов, взяла курс на выход из Желтого моря, имея броненосцы в правой, а крейсеры в левой колонне.

«Приблизительно часам к трем эскадры стали сближаться и почти одновременно открыли сильный огонь. Долго шла

стрельба из крупной артиллерии, но стреляли с обеих сторон неважно... Мы в это время стояли вблизи адмиральского корабля и вдруг увидели, как он сильно накренился и стал описывать круг. Остальные наши суда потеряли строй».

Это произошло в 5 часов 45 минут вечера, когда японцы, сблизившись с нашей эскадрой, сосредоточили весь свой огонь на «Цесаревиче». От попадания японского снаряда в боевую рубку были повреждены рулевой привод и приборы управления. Броненосец, потеряв управление, покатился влево. Шедшие сзади корабли, приняв поворот за маневр, повернули было за ним, но видя, что броненосец не управляется, вновь легли на прежний курс. Тогда же одним из первых снарядов был убит Витгефт.

«В этот момент японцы перенесли весь огонь на адмиральское судно, но «Ретвизан» быстро повернул прямо к японцам и дал полный ход вперед. Сблизившись с японцами, он открыл сильный огонь по ним и этим самым защитил «Цесаревича».

«Ретвизан», подойдя к противнику на расстояние 15 кабельтовых и приняв на себя огонь японских судов, дал возможность русской эскадре перестроиться.

«Наш командир Максимов тоже дал полный ход вперед, желая воспользоваться случаем и попытаться выбросить мину в какой-нибудь японский корабль, но от дыма и взрывов снарядов ничего не было видно. «Ретвизан» вернулся обратно благополучно. «Цесаревич» успел за это время выправиться.

Уже стало быстро темнеть. Японские суда повернули и пошли по направлению к Корейскому проливу. На горизонте показалось много японских миноносцев и крейсеров. Наша эскадра стояла вразброд. С адмиральского корабля никаких сигналов с приказаниями эскадре что делать не было. (После смерти Витгефта на «Цесаревиче» подняли сигнал: «Адмирал передает начальство», но из-за дыма его приняли не все корабли. Не был также замечен и сигнал преемника Витгефта, контр-адмирала Ухтомского: «Следовать в кильватере», поднятый на поручнях мостика «Пересвета», потерявшего свои мачты). Тут наши корабли «Аскольд» и за ним «Новик», отделившись от эскадры, пошли прямо на японские крейсеры. Те открыли сильный артиллерийский огонь, но крейсеры проскочили между ними в море. Наш командир тоже пошел вслед за крейсерами, но мы их вскоре потеряли.

Стало совсем темно. К нам подошли еще два наших миноносца — «Бесстрашный» и «Беспощадный». Стали переговариваться. Наш Максимов сказал, что он идет во Владивосток. Миноносцы разошлись. Мы дали полный ход в направлении Корейского пролива».

Позже, уже ночью, «Бесшумный» и «Бурный» снова потеряли остальные миноносцы, а затем и друг друга. Перед рассветом «Бурный», сбившись в тумане с курса, налетел на берег Шантунга и затонул. «Бесшумный» остаток ночи продолжал путь в одиночку.

«Ночью увидели впереди два японских опознавательных огня. Но мы им не ответили. Командир с мостика приказал приготовиться выпустить мину. Я побежал к минеру передавать приказание, но было уже поздно: японцы прошли быстрым ходом мимо нас в двадцати шагах, видно, не заметив нас.

Стали подходить к Корейскому проливу. Начало светать. Увидели японскую эскадру, которая преградила нам путь. Мы повернули прямо в открытое море и дали самый полный ход. От японской эскадры отделились два крейсера «Ниссин» и «Кассуга» и направились наперерез нашего курса, но мы их опередили... «Кассуга» отстал, а «Ниссин», не оставляя погони, открыл огонь. Погоня длилась почти шесть часов. Вскоре на горизонте показался дым какого-то судна. Мы продолжали итти полным ходом, делая верст по 50 в час, и «Ниссин» стал постепенно отставать, а может быть, увидев впереди дым, решил, что это наши корабли, быстро повернул обратно... И как раз во-время: у нас в левой машине расплавились золотники, ход под одной машиной уменьшился до 12 узлов. Командир призвал меня и минного унтер-офицера и приказал заложить патроны в минное отделение, а провода провести на мостик, чтобы в случае надобности взорвать миноносец. Всей команде было приказано надеть спасательные пояса.

Впереди обрисовался корпус большого судна. Мы стали подходить ближе, принимая его за японский военный корабль, но это оказалось коммерческое английское судно. Мы прошли мимо него и направились прямо в Цындао, куда прибыли вечером и стали у стенки. Тут же за нами пришел крейсер «Новик», быстро погрузил уголь, принял от нас машинное масло и ночью ушел во Владивосток через Лаперузов пролив. Мы хотели тоже итти, но одна машина у нас была испорчена, поэтому пришлось оставаться до утра. Ночью пришел броненосец «Цесаревич» и с ним четыре миноносца: «Бесстрашный», «Беспощадный», «Грозовой» и «Бойкий». За сутки мы не успели исправить свою машину, поэтому германские власти[1] приказали всем разоружиться. У нас сняли орудийные замки и главные части машины.

[1] Китайский порт Цындао в бухте Киао-Чао был захвачен Германией в 1897 году. Это было одним из актов германской империалистической политики на Тихом океане. Позже Германия силой вынудила Китай сдать ей Киао-Чао в аренду на 99 лет.

Теперь мы остались в нейтральном порту дожидаться окончания войны.

«Цесаревича» мало повредило в бою, только верхняя палуба была изрешечена снарядами. Адмирала Витгефта, бывшего на нем, и еще человек десять, не более, команды убило. Об остальных судах эскадры говорили, что они вернулись в Порт-Артур».

Из 18 боевых кораблей в Порт-Артур возвратились пять броненосцев: «Ретвизан», «Победа», «Пересвет», «Севастополь», «Полтава», один крейсер «Паллада» и три миноносца. Также вернулось госпитальное судно «Монголия».

Вскоре интернированные моряки узнали из газет подробности другого боя, разыгравшегося 14 августа в Корейском проливе. Это был бой крейсеров владивостокской эскадры «России», «Громобоя» и «Рюрика», посланных навстречу порт-артурцам, с эскадрой адмирала Камимура. После многочасового сражения «Россия» и «Громобой» прорвались обратно во Владивосток, увлекая за собой с места боя четыре наиболее сильных крейсера противника. «Рюрик», имевший большие повреждения, был затоплен русской командой.

Таким образом, русский тихоокеанский флот из-за бездарности царских военачальников, не сумевших объединить усилия обеих эскадр в нужную минуту, снова упустил имевшуюся возможность нанести флоту японцев ощутительный удар. Тихоокеанский флот, бывший в начале войны не менее сильным, чем японский, фактически перестал существовать. А спустя несколько месяцев, царской военной машине были нанесены новые непоправимые удары: пал Порт-Артур, кончила свое существование у острова Цусимы 2-я Тихоокеанская эскадра Рожественского.

Отсталая царская Россия была бита.

«Бесшумный» пробыл в Цындао до окончания войны. Командир миноносца Максимов был назначен на «Цесаревич». Он звал с собой Бегичева, но Никифор Алексеевич, сдружившийся со своими боевыми товарищами, не захотел покинуть родной корабль и остался на «Бесшумном».

Глава шестая

«УЛАХАН-АНЦЫФЕР»

«...Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению, — писал после падения Порт-Артура В. И. Ленин. — Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма. Война далеко еще не кончена, но всякий шаг в ее продолжении расширяет необъятное брожение и возмущение в русском народе, приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу...» [1].

Стачка бакинских рабочих в декабре 1904 года, организованная товарищем Сталиным, явилась предгрозовой молнией, предвещавшей начало великой революционной бури, всколыхнувшей Россию.

Вести с далекой родины долетали и до Цындао. С жадностью ловили их матросы «Бесшумного». По вечерам на баке только и говорили о событиях в России. На кораблях читали нелегальную литературу, пели революционные песни. Активность моряков возросла еще больше после того, как в Сайгоне были арестованы английскими властями несколько революционно настроенных матросов с «Цесаревича».

«Бесшумный» возвратился во Владивосток в начале ноября 1905 года, как раз в те дни, когда волна революционного движения, прокатившаяся по всей России, всколыхнула далекое Приморье. 12 ноября две тысячи матросов флотского экипажа, узнав о манифесте 17 октября, потребовали от коменданта крепости генерал-лейтенанта Казбек отменить распоряжение, запрещающее военнослужащим посещать

---

[1] В. И. Ленин. Соч. т. 8, стр. 37—38, изд. 4-е.

митинги и собрания. Отказ коменданта вызвал возмущение. К требованию моряков присоединились солдаты владивостокского гарнизона. И хотя движение, не имея твердого политического руководства, вскоре затихло, оно все же заставило военное командование пойти на уступки [1]. Моряки и солдаты получили разрешение посещать митинги и собрания. В это же время началась отправка запасных на родину.

Большинство моряков «Бесшумного», в том числе и Бегичев, подлежало увольнению. Командир миноносца лейтенант Балк советовал боцману остаться на сверхсрочную службу, но Бегичев категорически отказался. Его больше прельщало предложение одной торговой фирмы взять в аренду шхуну для каботажного плавания по Охотскому морю. «Я предложил кое-кому из своей старой команды плавать со мной. Некоторые согласились, но просились сперва съездить в Россию повидаться с родными, а потом уже приехать».

На прощание командир миноносца подарил боцману серебряный портсигар и золотые часы с надписью: «За труды во время войны».

Во владивостокском экипаже собралось около тысячи портартурцев. Они стремились в Россию, но местные власти, ссылаясь на забастовку железнодорожников, задерживали отправку. Среди моряков начался ропот. Они решили послать делегата к коменданту крепости. Выбор собрания пал на Бегичева. Надев новую форму, медали и георгиевский крест, Бегичев пошел к Казбеку.

Боцман встретил генерала у подъезда его дома.

Напуганный событиями, Казбек — махровый монархист, карьерист и палач — счел нужным надеть маску добродушного и заботливого начальника. Он пригласил Бегичева в кабинет и с легкой иронией спросил:

— Чем обязан твоему посещению, служба?

Боцман с достоинством передал генералу требование моряков.

---

[1] В начале декабря революционное движение вспыхнуло с новой силой, приняв более организованные формы. Солдаты и матросы владивостокского гарнизона вынесли постановление о присоединении к восставшему народу, заявив, что армия и флот будут стоять на страже народа до созыва Учредительного собрания. При этом выставили ряд политических требований: отмена военно-полевых судов и смертной казни, прекращение использования солдат для полицейской службы, немедленная амнистия политическим заключенным, упразднение казачьих войск, введение всеобщего обучения и народных университетов. Тогда же был избран «исполнительный комитет нижних чинов». Но он, так же как и Союз союзов, не смог осуществить революционного руководства движением, придерживаясь политики соглашения с полицией. Военное командование Владивостока, разгрузив город от революционно настроенных войск и кораблей, перешло в наступление, арестовав руководство исполнительного комитета и Союза союзов. Организованная 10 января 1906 года демонстрация протеста была расстреляна войсками.

— Вот ведь какие вы нетерпеливые. Я хоть сегодня отправил бы вас, да не на чем. Сам знаешь, железнодорожники бастуют и не дают паровозов.

И генерал, разводя руками, стал жаловаться на «бунтовщиков железнодорожников», якобы задерживающих отъезд запасных. Потом, подведя боцмана к окну, показал на большой пароход Добровольного флота, стоявший в гавани, и сказал:

— Передай своим матросам, что через неделю я всех отправляю на этом пароходе. Даю тебе слово.

Сообщение Бегичева было встречено в казарме взрывом негодования.

— К чорту Казбека! Он нам не начальство! Давай адмирала! Греве давай! Он портартурец, поймет нас, — кричали одни.

— Жди, как же! Хрен редьки не слаще: одним миром мазаны, что Греве, что Казбек. Надо договориться с железнодорожниками. Это враки, что они не дают паровозов. Запасных и возвращающихся из плена они везут в первую очередь, — возражали другие.

Командир экипажа, также напуганный недавними событиями, вызвал Греве. Но и адмиральские посулы остались бы пустым обещанием, если бы на помощь не пришли сами железнодорожники. Они подали состав своим товарищам — солдатам и морякам.

* *
*

Медленно двигался поезд по необъятным пространствам Сибири. Подолгу останавливался он на забитых эшелонами станциях и полустанках. «Дорогой много было скандалов и задержек, — пишет Бегичев, — но все-таки мы благополучно приехали в Сызрань, где находился разборный пункт. Отсюда я уехал в Петербург через Москву».

Пролетарская Москва была в трауре. Здесь всего лишь два дня назад царизм подавил революционное восстание. Еще пылала, залитая кровью рабочих, Красная Пресня. «Всюду по улицам патрулировали вооруженные солдаты, горели костры», — вспоминает Бегичев эти скорбные дни.

Не задерживаясь в Москве, он на следующий день уехал в Петербург.

Жалование, полученное в Академии Наук за последнюю экспедицию, и деньги, оставшиеся от военной службы, составили довольно крупную для того времени сумму — несколько сот рублей. Бегичев задумался: что делать дальше, как устраивать свою жизнь? Наступил январь 1906 года. Всюду,

где он ни бывал — на улицах, в экипаже, в флотских кабачках, — шли разговоры о событиях на Пресне, о революции, забастовках, волнениях, охвативших всю Россию. С ненавистью и проклятиями говорили о царе. Теперь матросы чуть ли не в открытую поносили Николая, дерзили офицерам. Инструкторы и фельдфебели присмирели, заискивали перед рядовыми.

Газеты, захлебываясь, писали о предстоящих выборах в законодательную думу, которая, по их уверениям, наведет порядок. Появились новые слова — «большевики», «меньшевики», «кадеты», «эсдеки», «курия». Бегичеву хотелось разобраться во всем этом. Надо было разыскать друзей-моряков с «Герцога», они бы ему помогли. Но никого в Петербурге не нашлось. Многие погибли на фортах Порт-Артура и в проливе Цусимы, уцелевшие отчислились в запас, разъехались по домам.

Через несколько дней, накупив для родных подарков, Бегичев уехал в Царев.

Везде на станциях патрулировали казаки, ходили усиленные наряды полиции и жандармов. По пути до Царицына несколько раз проверяли документы. Но стоило только полиции уйти, как в вагоне снова разгорались споры о республике, о выборах в Думу, о царе.

Приезд Никифора Алексеевича и на этот раз отпраздновали на-славу.

«Опять от гостей дверь не запиралась. Все расспрашивали Никифора Алексеевича про войну, революцию, интересовались, скоро ли будет свобода, — рассказывает об этом приезде Бегичева в Царев его племянник С. Н. Бегичев. — Денег, какие привез с собой, дядя не жалел. Собирался поставить моему отцу дом. Ездили в Пришиб на лесной склад, к купцу Реброву. Купили лес, привезли в Царев. Сделали новые ворота, а вот дома-то сложить не удалось: нехватило денег, дядя все пораздавал.

По первой воде Никифор Алексеевич с матерью Евгенией Степановной поехали в Астрахань к младшему брату Алексею, работавшему там на промыслах. Немного погостили в Астрахани — вернулись, и тут Никифор Алексеевич стал собираться. Не сиделось ему дома, да и занятия по душе не мог себе найти. Бывало ляжет на берегу, задумается. Спросишь у него: «Дядя Никиша, ты чего задумался?» — «Скучно жить у вас, племяш», — ответит. — «Делать мне тут нечего. Надо уезжать». Как ни уговаривала его мать — все надеялась, что останется он, женится, — не смогла уговорить. Тут как раз пришла телеграмма с вызовом. Распрощался он со всеми и уехал.

Это было в конце мая 1906 года».

* *
*

Вызов пришел от Балка, снова приглашавшего Никифора Алексеевича служить на Дальний Восток. Теперь Бегичев уже не раздумывал: тягостна была служба во флоте, но она больше устраивала его, нежели жизнь в скучном Цареве.

По дороге во Владивосток он заехал проведать своего старого друга Толстова, жившего близ Ржева. За время их разлуки Толстов успел еще раз побывать на Севере с Хатангской экспедицией геолога И. П. Толмачева и теперь собирался ехать в Туруханский край по заданию Этнографического музея Академии Наук.

В пути Толстов много рассказывал своему другу о Хатанге, Котуе, Анабаре — местах, посещенных экспедицией, и настойчиво советовал ему попытать счастья в тех краях.

С новой силой вспыхнуло в Бегичеве давнишнее желание, зародившееся еще на «Заре». Может там, на диком Таймыре, он найдет себе занятие по душе, осуществит заветную мечту: итти по нехоженым путям, познавать неизведанное.

Бегичев решил проводить Толстова до Дудинки, чтобы там принять окончательное решение: ехать ли ему к Балку или остаться в Туруханском крае.

4 июля друзья добрались до села Дудинского. «В те времена, — подробно записывает Бегичев в своем дневнике, — Дудинка была маленьким селом, состоящим всего из 10 домов. Живут в нем более торговцы, которые осенью по снегу едут на оленях с товарами в тундру, на северо-восток до Хатанги (до которой от Дудинки 800 верст), и ведут там меновую торговлю с инородцами — якутами, тунгусами, долганами и самоедами. Преимущественно завозят товары: чай кирпичный, табак листовой, сухари, муку, порох, свинец и прочий товар, а вывозят весной из тундры пушнину, главным образом, песца...

Дудинка стоит за Полярным кругом, севернее Туруханска 600 верст. Сюда приходят пароходы из Красноярска: три парохода акционерного общества и четыре парохода казенного пароходства путей сообщения. Они делают два рейса в навигацию, привозят сюда товары и дальше идут вниз по Енисею, развозят на пески неводчиков и возвращаются обратно.

С этими пароходами торговцы села Дудинки едут в город и везут с собой пушнину — песцов — и мамонтовую кость для продажи в город. Там живут до августа месяца и последним рейсом возвращаются.

Пароходы идут к устью Енисея, грузят там рыбу, забирают неводчиков и в сентябре месяце возвращаются обратно. С этого времени дудинские жители расстаются с пароходами на 9 месяцев».

Дудинка понравилась Бегичеву. У него завелись друзья среди окрестных промышленников и рыбаков. Они тоже советовали остаться. И Никифор Алексеевич остался.

* *
*

В те времена пространства Таймырского полуострова от низовий Енисея до Хатангской губы и далее на восток были совсем пустынны. В тундре, простирающейся к северу от границы леса до берегов Ледовитого океана, на водоразделе Енисея и Пясины, в бассейнах рек Пясины, Таймыры и дальше к востоку — по рекам Боганиде и Новой — кочевали лишь нганасаны. Тогда это было одно из самых отсталых северных племен, резко отличавшееся от соседних народностей языком, нравами, одеждой. Нганасаны занимались оленеводством. Олень являлся для них не только транспортным животным, он давал все необходимое для жизни — пищу, жилье, одежду, обувь.

Нганасаны делились на управы — Авамскую, Вадеевскую и Долганскую, во главе которых стоял князь.

Авамские нганасаны зимой кочевали в районе притока реки Хеты — Авама и становищ Волочанка и Летовье. Район Вадеевской управы захватывал реки Пайтурма, Рассоха, Боганида. Здесь проходила южная линия пастников — ловушек для песца, которые нганасаны высматривали 2—3 раза в месяц. С середины апреля население этих управ начинало откочевывать к северу и северо-востоку на летние кочевья. Авамцы откочевывали в район притоков Пясины — Дудыпты и Тореи, откуда «легкими чумами», без семей и имущества, с оленными стадами выходили частью в низовья Пясины, частью к низовьям Таймыры. Места летних кочевий других народностей этой части Туруханского края захватывали верховья Пясины, Норильский Камень и дальше на востоке «Затундру».

Так называлась полоса лесотундры, ограниченная с севера Большой тундрой и с юга «Камнем» — водоразделом рек Хеты и Хантайки. Население ее составляли якуты, саха (долгане), тунгусы, также делившиеся на управы, возглавлявшиеся князем, и крестьяне Затундринского общества, управлявшегося старшиной. Их основным занятием являлось оленеводство, песцовый промысел, охота на диких оленей и рыбная ловля. Эти народности были менее подвижны, нежели нганасаны. С наступлением зимы становища кочевников

располагались цепочкой вдоль границы леса от Енисея до Хатанги, где по зимнему тракту местное население отбывало гужевую и гоньбовую повинность.

* *
*

Как только установился санный путь и открылись станки, Бегичев поехал в тундру. У саха, кочевавших близ становища Медвежий Яр, он купил на занятые у Толстова деньги балок [1], четверку оленей, несколько пастников и стал промышлять песцов.

Привыкнув видеть в каждом «нютче» (русском) прежде всего торговца или чиновника, кочевники вначале косо смотрели на пришельца, но вскоре их отношение к Бегичеву изменилось. Житель Севера не может себе представить человека, не умеющего охотиться. Чем лучше охотник, тем большим почетом он пользовался. Бегичев сразу проявил себя как опытный и удачливый охотник. Он умел не хуже любого нганасана ловить маутом [2] оленей, незаметно подползать с «долдо» [3] к диким оленям и без промаха стрелять в них. Он знал, как и где ставить силки на куропаток и зайцев-ушканов, знал, как и когда нужно расставлять пущальни-сети.

Упромыслив дикого, Бегичев, следуя неписанным законам тундры, делился мясом со всеми. Каждый гость, в любое время суток приехавший к нему в балок, встречал теплый прием и радушное угощение. Кроме того, этот русский хорошо владел якутским языком, он рассказывал много интересного о других краях и народах. Никифор Алексеевич, или как его окрестили новые друзья «Улахан-Анцыфер» — большой Никифор — вскоре стал среди оленеводов своим человеком.

Интересна и привольна жизнь тундрового охотника, но все же чувство беспокойства, какой-то неудовлетворенности не покидало Бегичева. Его друзья-оленеводы кочевали на определенных местах, хотя и простиравшихся на сотни километров. Но дальше, туда на север, к побережью Таймыра или Таймырскому озеру — самому большому озеру Арктики — редко кто из них добирался.

Старики-нганасаны, бывавшие там, рассказывали, что на берегу этого озера высятся чудесные холмы, покрытые цветами невиданной красоты, каких нигде больше нет на Севере.

[1] Балок, или нартяной чум — рамочный домик на санях, покрытый шкурами оленя — нюком — и сверху брезентом, с железной печкой внутри.

[2] Маут — тонкая, очень прочная веревка, сплетенная из оленьей замши.

[3] Долдо — досчатый щиток, прикрепленный к лыжеобразным полозьям, оклеенным снизу оленьими камусами, длиной около полутора метров, высотой 30—40 см. В середине щитка имеется прорезь для ружья. Для маскировки щиток обтягивается белой материей.

Дальше, за озером, говорили они, идут высокие горы Быррангa, за которыми никто еще не бывал.

Снова, в который раз, приходили Бегичеву на ум слова Толля о счастье первооткрывателя. Попытать это счастье? Пробраться туда за хребет Быррангa, где не ступала еще нога исследователя? Быть может он так бы и поступил, если б не рассказ старого Захара Бетту об острове Сизое.

Этот остров — «земля дьявола», — повествовал Бетту, — расположен против устья Хатангской губы. На нем живут дикие шаманы, которые никого из людей туда не пускают. Если какой из смельчаков и доберется до этой заклятой земли, то живым ему оттуда не вернуться.

Рассказ старого охотника зажег Бегичева. Земля дьявола! Ее нет на карте, но она существует. В тех местах плавали моряки Великой Северной экспедиции, вблизи проходила «Вега» Норденшельда, совсем недавно на Юрунг-Тумусе был Тюлмачев. Почему же они не видели ее и не слышали о ней? — думал Бегичев. Может быть это лишь выдумка досужих стариков?

Бегичев снова и снова расспрашивал Бетту, заставлял его клясться в том, что он сам видел эту землю.

Бетту обиделся:

—Слушай, Анцыфер, слово Бетту тверже ваших книг и печатей. Спроси у других, кто бывал на Тус-Тахе [1], если не веришь мне. Наши люди иногда ездят на Тус-Тах за солью и с ее вершины видят остров Сизой.

— Я пойду туда, оганёр! [2].

— Не ходи, Анцыфер, не ходи. Есть в тундре говорка-сказка, знают ее старики. Храбрый и сильный был промышленник Сизой. Поехал на ту землю, думал, там кырса — песец непуган, пастников не знает, большая будет удача. А нет. Закружили, завеяли Сизоя шайтаны, напустили волков. Волки разогнали стадо. И остался Сизой один. Умер Сизой, храбрый охотник... [3]

— Я все-таки пойду, оганёр, на землю Сизоя, — ответил Бегичев, твердо решив разгадать тайну этого острова.

---

[1] Тус-тах — Соляная сопка на полуострове Юрунг-Тумус.

[2] Оганёр — старик.

[3] В одном из документов Великой Северной экспедиции, а именно, в решении консилиума, приложенном к рапорту Харитона Лаптева в Адмиралтейств-коллегию (ГАФКЭ, фонды Адм.-коллегии, д. № 108, л. 264), упоминается имя Василия Сазоновского, промышлявшего в те времена в Хатангской губе («...о чем подлинно объявляет здешний промышленник енисейской житель Василей Созоновской и ево работники...»).

Не этот ли самый Сазоновский или кто-нибудь из его родичей и дал острову свое имя, превратившееся на диалекте хатангских саха в «Сизой»? Это тем более вероятно, что Василий Сазоновский, как свидетельствует упомянутый документ, охотился «по берегам около моря и губы Хатонской». — *Н. Б.*

Легкая санка. На втором плане — балки.

* *
*

Весной 1907 года Никифор Алексеевич по последнему пути возвратился в Дудинку и с первым речным караваном уехал в Красноярск. Выгодно продав добытую за сезон сотню песцов, он на вырученные деньги закупил охотничьих припасов, продуктов, чаю и много другого. Он твердо задумал поехать на остров Сизоя. Осенью 1907 года, возвратившись в Дудинку, Бегичев стал снаряжаться в поход.

Бегичев понимал, что пускаться в такое путешествие одному нельзя. Надо было подыскать себе хороших спутников, способных перенести трудности затеваемого им предприятия. Из жителей тундры никто ехать не соглашался, слишком силен был суеверный страх. Наконец, нашелся один русский промышленник — туринский мещанин Николай Николаевич Семенов.

В январе 1908 года Бегичев с Семеновым выехали на Хатангу. Здесь к ним в компанию вошел Диомид Уксусников. Этот высокий, полный собственного достоинства красивый саха был отличным охотником. Диомид, воспитывавшийся в хатангской миссионерской школе и поэтому довольно хорошо говоривший по-русски, оказался весьма полезным человеком для экспедиции. Он помог Бегичеву купить добрых оленей, прочные нарты, достал почти новую ветку — тополевую лодку. Он же дал несколько полезных советов относительно маршрута.

В конце марта Бегичев с товарищами приехал к устью Анабары и остановился в чуме у кочевавшего здесь якута Анисима Поротова.

Дав оленям несколько дней отдохнуть, экспедиция стала вместе с якутами аргишить [1] к северу на побережье. 14 апреля аргиш остановился километрах в двадцати от побережья. Здесь простояли еще несколько дней. По исчислению населения тундры шел «месяц вымени важенок» — пора весенней охоты на диких оленей, направляющихся на летний период из полосы леса к морю. Бегичев с якутами проводил все время на охоте. Мясо и шкуры убитых охотниками животных по обычаям тундры делились между всеми вместе кочующими семьями. «Дикие олени у инородцев, — записывает Никифор Алексеевич, — считаются самым первым кушаньем. Они (инородцы) сами плохие охотники, да и ружья у них плохие. Стрелять надо на близкое расстояние, а дикие олени очень осторожные, и редко когда удается их убить.

[1] Аргишить — ездить на оленях, кочевать. Аргиш — пересад. Различаются: малый аргиш — 10—20 км и большой аргиш — свыше 25 км. Аргишем также называется оленный караван.

Мне же много помогла охота. За мной вплоть до моря шли несколько чумов якутов из-за мяса и оленьих шкур».

30 апреля Бегичев приехал на Паксу — высокий, обрывистый, вдающийся в море мыс, расположенный на восточном берегу бухты Нордвик.

Стоял ясный солнечный день. На горизонте, за широким покрытым льдом проливом, Бегичев увидел в бинокль смутные очертания таинственного острова.

«Со мной имелась буссоль, я взял направление и поехал легкой санкой [1] на оленях к острову. Через 12 часов езды я доехал до южной оконечности острова, тут же осмотрел, есть ли на нем корм для оленей. Олений мох был, и я, пробывши здесь с час времени, вернулся обратно на материк».

* *
*

15 мая Бегичев, Уксусников и Семенов, распрощавшись с якутами, продолжавшими отговаривать их от поездки, отправились на Сизой.

Никифор Алексеевич и Диомид управляли двумя передними легкими санками, к каждой из которых было привязано по четверке быков, запряженных в грузовые нарты. Семенов ехал на грузовой нарте, ведомой упряжкой Диомида.

Переезд по заторошенному льдом проливу занял 18 часов. Достигнув южной оконечности острова, путешественники установили палатку и легли отдыхать. Оленей пустили пастись, предварительно привязав к ним куски плавника, чтобы животные далеко не разбрелись.

Приехав на остров, Бегичев задался целью обойти его весь теперь же, не дожидаясь зимы. Его тянуло поскорее узнать, как велик этот остров, далеко ли он простирается на север. Собираясь в поход, Бегичев предусмотрительно захватил с собой буссоль, шагомер и прочие инструменты, необходимые для проведения глазомерной съемки, так как знал, что без карты его открытие ничего не будет значить.

И вот, соорудив на месте первого привала из плавника и земли временное голомо, сложив в него часть груза, 21 мая все трое направились вдоль берега острова в западном направлении со съемкой. Пока Диомид вел аргиш, Семенов шел пешком по берегу с шагомером, а Бегичев с помощью буссоли наносил на бумагу очертания побережья. Умение обращаться с этим инструментом, приобретенное в годы прежних зимовок, теперь пригодилось. Этот самобытный исследо-

[1] Легкая санка — небольшие сани, весом 10—15 кг, на высоких копыльях с широко расставленными во избежание опрокидывания полозьями. В них обычно запрягается 3—4 оленя. Ездить легкой санкой, значит, ехать налегке.

ватель, понимая ответственность перед наукой, старался вести съемку со всей присущей ему добросовестностью и старанием.

В первый день пути прошли 20 верст. Разбив палатку, улеглись спать, забыв о предупреждении Бетту остерегаться злых шайтанов. Оказывается, легенда имела все же некоторое основание, Бегичев с товарищами чуть было не уподобились своему легендарному предшественнику, охотнику Сизою.

«22 мая утром, — рассказывает Бегичев в своих записках, — проснувшись, я открыл двери палатки и стал смотреть, где пасутся наши олени, но их не было видно.

Стал смотреть я в другую сторону и увидел шагах в пятистах от палатки волка. Я взял винтовку, выстрелил в него, но не попал. Волк убежал в глубь острова. Товарищи мои проснулись. Я быстро оделся, вышел из палатки, увидел другого волка, бегущего прямо на палатку. Я выстрелил в него: волк пробежал недалеко и упал. Пошли искать оленей и вскоре напали на их след. Оказывается волки угнали наших оленей на материк. Мы вернулись в палатку и вдвоем с Диомидом пошли в море по следам оленей. Через 6 часов мы их настигли в море, в густом торосе. Олени были все целы, волки ни одного не тронули. По всей вероятности, волки боялись привязанных к шеям оленей палок. Мы пригнали оленей обратно, радуясь, что отделались счастливо».

Наученные горьким опытом, путешественники в дальнейшем не оставляли животных без надзора.

Весна в том году выдалась ранняя. Уже на второй день после приезда Бегичева на остров прилетели вестники тепла — первые гуси.

«Снег на равнинах и высоких местах уже растаял... Появилось много черновины. Всюду очень много гусей, которых я насчитал до пяти пород. Уток, гаги, куликов я тоже насчитал несколько пород», — добросовестно записывает Бегичев обо всех явлениях природы.

25 мая путники достигли западной оконечности острова, вдающейся в Хатангский залив. В нескольких верстах от нее в море виднелся какой-то другой остров, который Бегичев в честь своего спутника Семенова назвал островом Святого Николая [1].

«28 мая я поехал на оленях на остров Святого Николая. Он оказался небольшой; северная часть его высокая с глинистым обрывом, а юго-восточная сторона песчаная. В окружности остров не более 30 верст. Я вернулся обратно».

На следующий день экспедиция двинулась дальше. Весна была в разгаре. Маленькие ручьи и речки наполнились

[1] На современных картах этот остров носит название Малый Бегичев.

водой. На морском льду появилась талая вода, итти становилось все трудней. Но исследователи продолжали путь вдоль западного берега, теперь повернувшего прямо на север. На третий день пути от мыса, с которого Бегичев заметил остров Николая, экспедиция остановилась на дневку. Неугомонному Бегичеву не сиделось в палатке. С винтовкой за плечами он пошел дальше на север.

«Я прошел пешком по острову 15 верст к северу, — пишет он, — идя все время вдоль обрывистого каменистого берега. Местами были видны пласты угля. Дошел до северной оконечности острова. Отсюда берег поворачивал на восток. С северного мыса я увидел в море направлением на норд очень скалистый остров. Я его запеленговал и вернулся обратно в палатку».

1 июня экспедиция обогнула северный мыс и повернула к востоку. В 24 верстах от мыса остановились, чтобы дать отдых уставшим оленям.

«Здесь дневали 5 суток. Я и Диомид ездили на оленях по льду в море на виденный мной скалистый остров. Путь был очень трудный, местами густой торос. Сверх льда образовалась вода, порой чуть не заливавшая санки. Мы ехали до острова 8 часов. Проехав приблизительно 25 верст морем, дошли до острова, который я назвал островом «Броненосец». Но этот остров был раньше известен и нанесен на картах. Он называется остров Преображения. Мы вышли на него, пустили своих оленей пастись, а сами пошли по острову. Он оказался маленький, всего 4 версты в длину и версты две ширины. Вся северо-восточная часть острова обрывистая, каменная скала, высотою 150 метров [1]. На обрыве скалистого берега гнездуют чайки и кайры. Первых несколько пород, последних две породы. До того много гнездится, что можно подумать, что они собрались со всего Ледовитого океана. У меня Диомид испугался и сказал, надо ехать скорее обратно, а то они нас заклюют. Мы обошли вокруг острова. Я взял в скалах несколько образцов камней, стал их разбивать. В них оказалось много окаменелых раковин. Я взял несколько камней и вернулся обратно в палатку».

После Великой Северной экспедиции Бегичев первым посетил остров Преображения. Спустя пять лет, в 1913 году, на остров высаживалась береговая партия гидрографической экспедиции ледоколов «Таймыр» и «Вайгач».

8 июня Бегичев с товарищами снова двинулся в путь вдоль берега, повернувшего к югу. Пока все шло как нельзя лучше. Погода стояла хорошая, ежедневные переходы со съемкой занимали не больше 4—5 часов в сутки.

[1] Бегичев ошибается: высота острова не превышает ста метров.

Остальное время, пока паслись олени, путешественники охотились на дичь. 11 июня случились неприятности.

В этот день, как обычно, Бегичев ехал на легкой санке по береговому припаю, Семенов шел с шагомером вдоль берега, а Диомид где-то позади верхом на «учаке»[1] гнал оленей. Неожиданно с моря потянул густой туман. Он заволок окрестности плотной пеленой. Чтобы не потерять отставших товарищей. Бегичев вернулся назад. Разбив палатку, он стал поджидать своих спутников. Вскоре пришел Семенов. Но Диомида не было. Прождав несколько часов, Бегичев пошел разыскивать его. К счастью, туман стал редеть. После долгих поисков Никифору Алексеевичу удалось увидеть в бинокль Диомида с оленями. Подогнав стадо к палатке, усталые люди улеглись спать, предварительно плотно закусив оладьями и яичницей, испеченными Семеновым.

Пробуждение было невеселым. За ночь половина оленей исчезла. Их или распугали волки, или увели с собой дикие олени. Трехдневные поиски оказались бесплодными. Расстроенные постигшей их неудачей, путешественники отправились дальше с оставшимися 12 оленями.

Истекал месяц пребывания на острове. Поход, в сущности, стал всех утомлять. Бегичев и его спутники прошли по берегу более полутораста верст, а исходной точки еще не достигли.

В противоположность западному, сравнительно низменному берегу, восточный берег острова был более возвышенный, обрывистый, изрезанный множеством речек, ручьев, расщелин. Талая вода, заполнявшая эти водоемы, сильно затрудняла движение. То и дело приходилось обходить топкие места.

Наконец, 17 июня, на 33-й день пути Бегичев разглядел в бинокль, прямо по курсу, приметные очертания высокого мыса — юго-восточную окраину острова. В нескольких километрах к западу от этого мыса должен был находиться исходный пункт, откуда экспедиция начала свое движение вокруг острова.

Близость цели приободрила путешественников. Сознание честно выполненного долга заставляло забыть все перенесенные тяготы. Главным было то, что пелена тайны с этой «земли дьявола» сорвана.

Открытие, сделанное вечером того же дня, окончательно развенчало былую таинственность. На небольшой сопочке, почти у края берега, были обнаружены развалины старинного зимовья.

«Неизвестно кем и когда была построена эта изба, но видно, что очень давно и не инородцами, а русскими, —

[1] Учак — верховой олень, обученный ходить под седлом.

описывает Бегичев это открытие. — Я нашел в избе пять топоров, наподобие алебард, и шахматные фигуры, сделанные из мамонтовой кости»...

— А мы думали, что будем первыми на этом острове, — с некоторой даже досадой в голосе сказал Бегичев. — Оказывается до нас здесь жили люди, а не только шайтаны... [1].

У развалин старинного зимовья экспедиции пришлось стоять около недели, пока продолжалось таяние снежного покрова в тундре.

27 июня, отправив Семенова и Диомида с оленями напрямик к исходному пункту, Бегичев пошел пешком вдоль берега, продолжая съемку. Через несколько часов он достиг самой южной оконечности острова, именуемой теперь мысом Медвежьим. С вершины мыса хорошо был виден материковый берег, характерный выступ мыса Пакса. Дальше, к юго-западу, в туманной дымке вырисовывалась Соляная сопка Юрунг-Тумуса.

Запеленговав эти приметные точки, Бегичев побрел дальше. Своих товарищей он нашел в 16 верстах от южного мыса.

* *
*

Маршрут вокруг острова, равнявшийся, по подсчетам Бегичева, 285 верстам, был завершен [2]. Основной своей цели экспедиция достигла, но Бегичев не успокоился на этом. Продолжая поиски пропавших оленей, он настойчиво и упорно обследовал остров, записывая в своем дневнике все замеченное.

«Стоим у большой речки в 7 верстах от южного мыса. Тут в ста саженях от берега находится пласт хорошего каменного угля. Я ходил в глубь острова, и повсюду есть каменный уголь. Местами в обрывах попадаются угольные пласты более сажени. Нашел несколько клыков мамонтовой кости и много других костей допотопных животных, как носорога, мускусного быка, и лошадиные черепа. Мы здесь простояли восемь дней и пошли опять на запад искать своих

---

[1] Обнаруженные в 1940 и 1941 гг. на острове Фаддея и в заливе Симса (Восточное побережье Таймырского полуострова) археологические находки (монеты, одежды, утварь и т. п.) служат неоспоримым доказательством не только того, что эти места посещались русскими еще в двадцатых годах XVII столетия, но и того, что в те времена русским был уже известен морской путь вокруг мыса Челюскина.

В донесениях участников Великой Северной экспедиции также есть указания на то, что эти места были населены. Повидимому, изба, обнаруженная Бегичевым, и являлась жильем одного из русских «промышленных людей» тех времен, может быть, того же Василия Сазоновского, о котором говорилось выше.

[2] Подсчеты Бегичева явно неверны. Протяжение береговой линии острова равно 97 милям, т. е. около 180 км, или 192 верстам.

оленей. Пройдя один переход, нашли их всех целыми и невредимыми. Простояли на этом месте три дня и пошли в горы, в глубь острова. На стоянках топили свою железную печку углем, да уголь и в костре горел хорошо. Повсюду, где мы ни останавливались, видны обнаженные пласты угля. Видно, весь остров в угольных залежах...»

Рассматривая результаты своей съемки, Бегичев заметил, что остров Николая (Малый Бегичев), посещенный им в прошлом месяце, был запеленгован неправильно. Чтобы исправить ошибку и убедиться в точности его местонахождения, 22 июля Бегичев рискнул снова переправиться на этот остров.

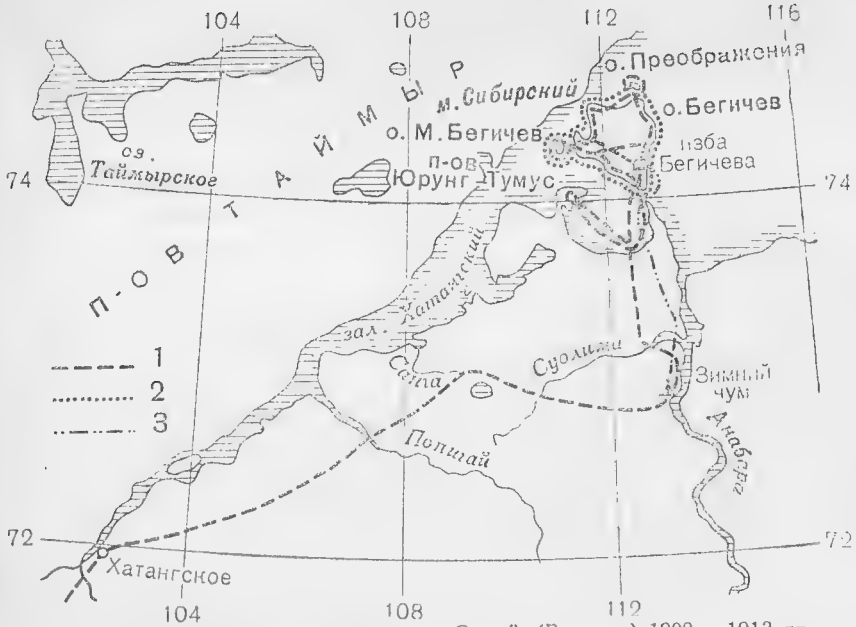
В середине пролива его захватил сильный ветер. Почти целые сутки пришлось выгребать ему на своем утлом челноке против разгулявшейся волны, пока он не добрался до берега. Уточнив свою съемку, Никифор Алексеевич воспользовался попутным ветром и поплыл назад через пролив.

«Товарищи, — вспоминает он, — уже не рассчитывали на мое возвращение, предполагая, что я погиб в морских волнах».

У развалин избы экспедиция расположилась лагерем надолго. Семенов и Диомид занялись охотой. Бегичев продолжал свои экскурсии по острову, собирая геологические образцы и растения. В береговом обрыве близ лагеря он нашел множество окаменелых раковин. Зная, какое значение придавали Тюлль и Воллосович таким находкам, Бегичев прилежно стал их собирать.

Во время одной из своих экскурсий он столкнулся с тремя медведями. «Я пошел к ним, они легли, — описывает Бегичев эту встречу. — Подошел шагов на 200. Выстрелил. Одному попал в лапу. Другой медведь бросился ко мне, а раненый и третий зверь убежали в тундру. Убив первого, я погнался за остальными. Нагнав их, выстрелил в голову раненому. Он протянул лапы. Третий же медведь встал на задние лапы. Я выстрелил ему в лоб, и он тут же упал мертвый. Но в это время лежавший медведь, которого я счел убитым, вскочил и бросился на меня и так быстро, что я не успел вложить в ружье патрон. Еще мгновение и мне бы не сдобровать, но каким-то чудом я успел отпрыгнуть в сторону. Медведь промчался мимо меня, и когда повернулся, я выстрелил ему в упор в лоб и уложил на месте».

В начале августа на пляже южной окраины острова появились моржи. Охотиться на них на месте лежки не составляло труда: непуганный зверь подпускал охотников вплотную, но разделка туш оказалась настолько утомительной, что Бегичев в дальнейшем отказался от охоты. «Я разочаровался охотой на моржей, — пишет он, — для чего я убил таких громадных животных? Все равно брать мы их



Путешествия Н. А. Бегичева на о. Сизой (Бегичев) 1908 — 1913 гг.
1. Санный маршрут. *2.* Поездки на шлюпке.
3. Пешеходный маршрут.

не можем, приходится бросать, а из-за одних клыков нет расчета бить такого крупного зверя».

Разделка туш заняла у охотников два дня. «Очень трудно было поднять шкуры моржей на высокий берег. Каждая шкура, почти с вершок толщиной и длиной 14—15 футов, весила по 10—12 пудов. Мы еле вывезли их на оленях на высокий берег и здесь разостлали на земле, так как на вешала поднять нехватило силы.

Моржи не обращали внимания на людей. «Обычно на полном приливе они выходили на берег и преспокойно спали на песке до следующего прилива. Мы убили всего 12 моржей, и я потом запретил их бить. Их было так много, что можно бы убить до тысячи штук. Все берега были устланы зверями. Льда в море совершенно не было, поэтому они выходили на берег.

Моржи — животные очень смирные, когда разоспятся, — ходишь между ними, а они не пошевельнутся. Если которые и проснутся, то поползут в воду, а не тронешь их — вылезают обратно на берег».

С середины августа путешественники приступили к строительству избы из плавника. Зимовать на острове они не

собирались, но, так как неизвестно было, когда встанет пролив, следовало все же подумать о жилье. За десять дней зимовье было готово. Обеспечив себя жильем, путешественники направились в глубь острова на охоту. Там все лето держался дикий олень, и надо было сделать запас мяса на зиму.

Во время этой поездки в центр острова Бегичев сделал открытие, вызвавшее впоследствии большой интерес в ученом мире. Бегичевым были обнаружены выходы нефтеносных пород.

«Я как-то зашел далеко в горы, — пишет он, — и увидел на высокой сопке из отверстия в земле течет какая-то черная жидкость. Я стал мерить, глубокое ли отверстие, но палка ушла на полтора аршина и там уткнулась во что-то твердое, наверное, в камень. Я вытащил палку обратно. Она оказалась вся черная от жидкости. Я сразу подумал, что это нефть, и стал ее поджигать спичкой. Она трещит, но не горит. Я так и оставил; жидкость эту мне не во что было взять. Но я так думаю, что это была нефть».

* *
*

В конце сентября охотники перебрались в избушку и стали свозить сюда собранные трофеи. Их оказалось немало: десятка два туш дикого оленя, около 40 пудов мамонтовой кости, несколько лошадиных черепов и, как говорится у Бегичева, «черепов прочих животных допотопного мира». Сюда же свезли несколько пудов геологических образцов и растений, собранных Бегичевым.

3 октября установился снежный покров, начались морозы. В ожидании замерзания пролива охотники поставили на окрестных сопках несколько пастников. Промысел песца оказался удачным. Зверь охотно шел в ловушки. За месяц охотники добыли полсотни песцов, но низкого качества, так как зверь еще полностью не «созрел». За это же время трофеи пополнились полдюжиной шкур белых медведей, убитых Бегичевым.

Наступала полярная ночь. Все было готово к переезду на материк, грузы распределены и упакованы на нартах. 7 ноября Бегичев направился к мысу Медвежьему на ледовую разведку.

От берега острова простирался припай шириной до пяти верст, но посредине пролива все еще была чистая вода. Пришлось ждать еще несколько дней.

«17 ноября, при восходе луны, я пошел осмотреть пролив при самом полном приливе. При восходе луны приливы бывают маленькие, и пролив замерз. 18 ноября мы на оленях

со всем грузом выехали на материк. Прошли середину пролива, встретили непроходимый торос. Бились в нем 12 часов и уже стали выходить из торосов, как приливным течением начало взламывать лед. Тогда я выбрал высокий торос, весь груз и нарты сложили на него, а оленей отпрягли и сами на трех санках налегке, взяв с собой только теплую одежду, быстро поехали на материк. Пустые олени бежали за нами.

Мы доехали до залива Нордвик и как раз во-время: весь пролив взломало. Такая обида: все, что было нами найдено на острове за лето, пришлось бросить на том торосе. Теперь надежды мало, чтобы все это уцелело. Через 12 часов езды на оленях мы наконец доехали до материкового берега в глубине залива Нордвик. Здесь разложили большой костер из плавника, сварили мясо и чай, которому мы отдали честь, потому что были не евши 24 часа. Олени тоже, как вышли на материк, так и ткнулись и стали есть мох.

Жаль было все бросать на льду, но ничего не поделаешь. Запоздай мы на один час, могло бы и нас самих унести со льдом в море...»

Верстах в 50 от Нордвика Бегичев нагнал откочевывающего к югу своего приятеля якута Анисима Поротова. Старый охотник долго не верил своим глазам, увидев Бегичева и его товарищей, вернувшихся с «заклятого острова» живыми и невредимыми.

Вместе с Анисимом группа Бегичева направилась к Анабаре на зимние стойбища анабарских якутов.

«В ноябре, — пишет Бегичев, — они все уже жили в балаганах близ реки Анабары, где в это время ловят сетями рыбу. Сюда же приехали из Булуна купцы с товарами для торговли со здешними якутами».

После многомесячного поста путешественники «разговелись» хлебом, купленным у торговцев. «Мы набросились на хлеб, как на какую-нибудь роскошь», — вспоминает Никифор Алексеевич.

Слух о выходе Бегичева на остров Сизой еще весной дошел до Воллосовича, работавшего в том году на Хараулахском хребте, и он отправил своему старому другу с одним из купцов посылку с 15 бутылками вина. Эта приятная неожиданность чрезвычайно обрадовала Никифора Алексеевича.

«Услышав от торгующих якутов обо мне, Воллосович послал мне посылку, за которую мы очень благодарили его. Он сам знает, что в этих странах для каждого очень дорого и полезно. Я и сейчас говорю ему — большое спасибо, что не забыл о старой дружбе, завязавшейся еще на нашей совместной зимовке на острове Котельном...»

Цель, поставленная Бегичевым, была достигнута. Новый остров, не значившийся на картах, в меру умения его первооткрывателя, заснят, легенда о его недоступности развеяна. Бегичев понимал, что это открытие имело научный интерес. Но для него, предпринявшего поездку на собственные средства, открытие никаких материальных выгод не приносило. Надежда выручить хотя бы часть израсходованных денег продажей добытых на острове пушнины и мамонтовой кости — рухнула. Вместе с тем, Бегичев понимал, что если организовать на острове промысел пушнины, то все деньги можно вернуть с лихвой. Но для этого надо было залезать в новые долги.

Отправив Семенова в Дудинку, Бегичев с Уксусниковым еще раз поехали на побережье разыскивать брошенную кладь, но после четырехдневных поисков они вернулись ни с чем. Да и как найти ее, когда, по словам Бегичева, «пролив совершенно взломало, и лед носится, как сумасшедший, взад и вперед». Бегичеву ничего не оставалось делать, как возвратиться в Дудинку.

Оставив Дюмида с оленями на Анабаре, чтобы он весной смог возобновить поиски, Бегичев выехал в Хатангское.

* *
*

В январе нового, 1909 года в селенье Хатангское пришла весть о выезде из Дудинки какой-то научной экспедиции. Бегичев решил дождаться ее приезда.

«2 февраля, — вспоминает Бегичев, — приехал один участник этой экспедиции. Я его увидел и стал с ним разговаривать, но он совершенно не мог объяснить, что это за экспедиция. Он был не русский, а персидский татарин. Через несколько времени приехали еще 17 человек. Их главный начальник попросил меня к себе.

Я пошел к нему. Он сидел в доме хатангского дьякона, Одет он был в форму полицейского пристава, и на груди его было прицеплено два ордена Станислава и Анны».

Это был анархист Дронов, один из главарей группы восставших ссыльных, скрывавшихся от преследования карательного отряда. Сам того не подозревая, Бегичев стал центральным персонажем финала трагедии, вошедшей в историю царской ссылки под именем «Туруханского дела».

Этому предшествовали следующие события.

В августе 1908 года группа политических ссыльных, доведенная до отчаяния бесправным и голодным существованием, совершила в деревне Селиванихе, близ Туруханска, экспроприацию магазина английской пушной фирмы

«Рошет». Было арестовано несколько человек. Остальные участники налета задумали бежать из Туруханского края.

Во главе этой группы стоял анархист Дронов, бывший армавирский учитель, «человек решительный и неглупый, со складкой разинского народолюбия», как охарактеризовал его один из участников «Туруханского дела» [1].

Группа, скрывавшаяся в окрестностях села Осинова, деятельно готовилась к побегу, запасалась оружием, аммуницией и провиантом.

В ночь на 7 декабря 1908 года дроновцы, подпоив конвой, сопровождавший в Енисейскую тюрьму ранее арестованных Левина и Кадинера, напали на него и, перебив часть стражников, освободили арестованных.

Захватив лошадей, одежду, продовольствие, отряд Дронова из 8 человек, не решившись пробиваться силой сквозь казачьи кордоны к Енисейску, двинулся на север. По пути анархисты запасались оружием и деньгами.

По пути к Туруханску отряд Дронова увеличился до 18 человек.

20 декабря дроновцы напали на Туруханск. После ожесточенного боя, длившегося с семи утра до часа дня, они овладели городом.

От Туруханска группа Дронова двигалась огромным обозом на 50 подводах, под видом военной экспедиции, якобы, направлявшейся для исследования Таймырского полуострова. Все участники этой «экспедиции» были одеты в военную форму.

Дроновцы реквизировали встречавшиеся на пути казенные и купеческие склады продовольствия и раздавали содержимое их населению. Значительные суммы денег они передали оставшимся на своих местах ссыльным для организации побегов.

15 января дроновцы после короткой перестрелки заняли Дудинку. Здесь надо было выбирать дальнейшее направление. Вдогонку за ними шла военная команда 31-го сибирского стрелкового полка под начальством поручика Нагурного. На западе, в Обдорске, беглецов ожидали извещенные о побеге жандармы. Оставался путь или на север к побережью пустынного Карского моря, где дроновцы наивно предполагали захватить какое-нибудь судно, или, как думали некоторые из них, через Авамо-Хатангскую тундру вдоль северного побережья Сибири — в Америку. В Хатангском дроновцы надеялись встретиться с Бегичевым, о полярном опыте которого много слышали.

[1] «Туруханское дело». Енисейская ссылка. Сборник енисейского землячества. Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1934, стр. 69.

«Нужно было, — пишет в своих воспоминаниях один из участников Туруханского дела Д. Ермаковский, — во что бы то ни стало отыскать Бегичева. К нему из Туруханска мы имели письмо от товарищей по ссылке. Бегичев много лет охотился на берегу Ледовитого океана и по тундре на белых медведей, моржей и т. д.

Он... хорошо знал местность и должен был дать добрый совет, куда нам ехать дальше. Так как ссылка давала о нем самые лестные отзывы, мы считали возможным ему довериться» [1].

Дудинский исправник Пуссе, пощаженный Дроновым, указал им маршрут в селение Хатангское через Гольчиху, умышленно увеличив путь на добрую тысячу верст, в надежде, что «прелести» тундры удержат их в своих цепких руках до приезда погони.

Через несколько дней после отъезда анархистов из Дудинки туда приехал отряд Нагурного. Усталые, полуобмороженные солдаты и офицер решили было отказаться от погони, но Пуссе уговорил их ехать дальше, рассказав о своем предательстве.

Встретившись с Бегичевым, Дронов не стал скрывать от него своих намерений.

«Он мне объяснил, — вспоминает Бегичев, — что они бежавшие ссыльные из Туруханского края и хотят пробраться куда-нибудь дальше. Я спросил их, как они думают насчет погони. Они мне сказали, что погони не может быть никакой. Посланные из Красноярска солдаты до Хатанги зимним путем за дальностью расстояния не могут приехать, летом же здесь совершенно нет пути. Тогда я спросил, куда же вы направляете свой путь? Они мне сказали, что приехали к тебе и ты нам укажешь дорогу, куда нам итти».

Долго толковали беглецы с Бегичевым, с надеждой рассматривали географическую карту, искали выхода и, ко всеобщему ужасу, так и не находили.

После ухода Бегичева открылись горячие дебаты, в результате которых было решено захватить у окрестных кочевников максимально большое количество оленей и заставить несколько якутов-оленеводов вести их вдоль побережья океана до Берингова пролива.

На следующий день Дронов передал Бегичеву решение группы. Никифор Алексеевич сказал:

— До Америки вам не добраться. Итти по почтовому тракту через Попигай и Анабару на Булун невозможно: там, наверно, вас будут ожидать солдаты. Путь вдоль побережья

[1] Д. Ермаковский. «Туруханский бунт». «Молодая Гвардия», 1930. М., стр. 87.

также невозможен, не везде есть оленные корма. Кроме того, откуда вы знаете, что если доберетесь до Америки, американцы не выдадут вас русскому правительству?

Бегичев предложил другой, трудный, но возможный вариант спасения. Он советовал анархистам итти по забытой Вилюйской тропе. В далеком прошлом этим путем обычно направлялись ленские купцы со своими товарами в район низовьев Анабары и Оленека. Тропа проходила по ненаселенной лесистой местности от верховьев Анабары и Оленека через горный хребет к верховьям левых притоков Вилюя. Выйдя к Вилюю, а оттуда на Лену, беглецы могли легко замешаться в толпе золотоискателей и, достав любые паспорта, пробраться в Россию.

Как ни разумно было это предложение, дроновцы отказались, испугавшись трудностей неизведанного зимнего пути через дикую тайгу. Им больше понравился второй вариант, предложенный Бегичевым: ждать весны в Хатангском, построить лодки и, после вскрытия рек, итти вверх по Котую до верховьев Майеро, оттуда через водораздел к истокам Вилюя на Лену. Но этот вариант, как предупреждал Бегичев, мог быть приемлем лишь в том случае, если беглецы уверены, что за ними нет погони. Дроновцы не верили, вернее, не хотели верить в возможность погони, поэтому второе предложение Бегичева было принято. Анархисты остались в Хатангском ожидать вскрытия рек. [1].

Развязка наступила внезапно. Через два дня отряд Нагурного, сопровождаемый предателем Пуссе, внезапно напал на беглецов. После ожесточенного боя часть дроновцев была убита, а часть пленена.

Это было под вечер 5 февраля 1909 года.

Царское правительство впоследствии жестоко расправилось с повстанцами. Из взятых в плен в селении Хатангском двенадцати дроновцев четверо были расстреляны Нагурным в тундре. Остальные закованы по-двое в кандалы и обмороженные, зверски избиваемые стражниками, были доставлены в Красноярскую тюрьму.

Суд приговорил всех оставшихся в живых восемь человек к смертной казни через повешение, но через две недели по ходатайству, возбужденному защитой, смертная казнь четверым, в том числе и Ермаковскому, была заменена бессрочной каторгой.

В своих записях Бегичев сожалеет о трагической судьбе дроновцев, не дрогнувших перед пулей и петлей, но отступивших перед непонятной им природой Севера:

[1] Д. Ермаковский в своей книге утверждает, что ими все же было принято решение итти к Берингову проливу, и для этой цели в тундру были посланы люди собирать оленей.

«Я очень о них сожалел. Некоторые ребята были хорошие, со мной они обходились очень вежливо. Если бы из них был хотя бы один знающий человек, то они ушли бы и добрались благополучно до Бодайбо, а там бы и скрылись. Но для этого надо людям ни перед чем не останавливаться. Они побоялись пуститься в путь через леса, где ни один человек никогда не проходил, а пройти было возможно»...

* *
*

Наступил март. Бегичев готовился к отъезду в Дудинку. В это время в Хатангское приехал Уксусников. Добросовестный Диомид, несмотря на свирепствовавшие в феврале пурги, предпринял во льдах Нордвикского пролива поиски оставленной ими клади. После многократных поездок ему удалось найти на высоком торосе, притиснувшемся к южному мысу острова Бегичева, груз экспедиции и переправить его на Анабару. Он привез с собой все коллекции, шкуры и пушнину. Мамонтовую кость пришлось оставить у анабарских якутов.

Не теряя времени, Бегичев взял в долг у своих хатангских друзей — саха — несколько нарт и, нагрузив их трофеями, поспешил в Дудинку. Отсюда на лошадях по Енисейскому тракту он со своим грузом добрался до Енисейска. Выручив от продажи песцов и медвежьих шкур довольно крупную сумму, Бегичев со своими коллекциями поехал в Петербург.

«21 мая я приехал в Петербург, где представил свою карту острова начальнику Морского гидрографического управления генералу Вилькицкому [1]. Он очень заинтересовался этим и спросил меня, поеду ли я еще на Север. Я ответил ему утвердительно. Вилькицкий рассказал мне, что военно-морская гидрография выстроила два судна «Вайгач» и «Таймыр». «Таймыр» был уже спущен со стапелей Невского завода в Неву. Потом я участвовал при спуске «Вайгача», был приглашен на обед. Эти суда предназначены для плавания у побережья Сибири, куда они пройдут из Владивостока... Потом я был в Академии Наук, где меня академик Феодосий Николаевич Чернышев пригласил притти в Геологический комитет. Я был и у него. Он меня подробно расспрашивал об острове, на котором я был и откуда привез часть коллекций и обещал, если я поеду еще на Север, то Академия Наук окажет мне содействие. Действительно, Академия Наук мне выдала бланк о содействии властей, ружье и винтовку-

[1] А. И. Вилькицкий — см. прим. на стр. 37.

берданку военного образца. Гидрография дала некоторые инструменты».

В июле все дела в Петербурге были закончены. Никифору Алексеевичу хотелось съездить на родину в Царев — повидать мать, братьев, но надо было возвращаться в Дудинку, выплатить причитавшийся пай Семенову и Уксусникову, рассчитаться с долгами и готовиться к новой поездке на остров.

В Красноярске Бегичев встретил знакомого промышленника, приехавшего с низовьев Енисея, который рассказал, что в 50 верстах восточнее Гольчихи в береговом обвале найден целиком мамонт со шкурой и мясом. Бегичев сначала усомнился в этом и поверил лишь после того, как собеседник показал ему кусок кожи, вырезанной из лапы мамонта. Бегичев немедленно дал телеграмму в Геологический комитет академику Чернышеву об этой находке. Вскоре пришел ответ: Комитет просил Бегичева поехать в Гольчиху обследовать труп и сообщить подробности его залегания.

«В конце сентября я приехал в Гольчиху. Пароход вернулся обратно, а я остался у того человека, который нашел мамонта. 14 октября поехал на оленях смотреть мамонта. Здесь оказалась лишь одна только задняя нога со шкурой и мясом, а остальное было разбросано и унесено водой. Было еще несколько костей в ручье, но они никуда не годились, скелета невозможно было бы составить. Я возвратился в Гольчиху и через несколько времени поехал на юго-восток к границе леса, на Авам. Перерезал тундру и через 52 дня приехал на Авам. Отсюда известил Чернышева, что мамонт весь разбросан и растаскан, так что для науки ничего не может быть хорошего. Таких можно в тундре найти сколько угодно. Но прошло два года, кажется кто-то из Археологического музея приезжал, делали раскопки, и стоила эта история около 15 тысяч рублей, а увидели только одну ногу».

Глава седьмая

ПОЛЯРНАЯ ТРАГЕДИЯ

Зиму 1909—1910 года Бегичев провел на Аваме. Продолжая заниматься промыслом песца, он не оставлял мысли о новой поездке на «свой» остров.

«В середине февраля из Дудинки ко мне приехали товарищи, — Семенов и долганин Диомид Уксусников... Стали опять собираться на остров. Ко мне приехал приказчик одной торгующей здесь фирмы и стал проситься, чтобы мы взяли его с собой на остров. Я ему объяснил, что в таких местах он не бывал и ему покажется очень трудно. Но он очень просился, и я его взял. Фамилия его была Гаркин Ефим. В середине марта я отправил Семенова, Гаркина и Диомида с провизией на Анабару, а сам остался высматривать свои ловушки. Еще стал проситься со мной один молодой парень, дудинский житель Георгий Кузнецов, которого я тоже взял с собой, и мы с ним выехали на Анабару».

В первых числах апреля 1910 года группа в полном составе собралась на Анабаре и вместе с якутами стала аргишить на побережье.

В нескольких километрах от кута Нордвикского залива аргиш остановился. Отсюда в ясную погоду хорошо была видна Соляная сопка, возвышавшаяся над полуостровом Юрунг-Тумус. Бегичев еще в прошлом году собирался съездить на сопку убедиться, правда ли, как говорили якуты, что там есть залежи соли. Тогда же Бегичев спросил Анисима Поротова, почему они платят купцам по полтиннику за ковш соли, а не берут соль на сопке. Старый охотник объяснил, что соль там твердая, как камень, и поэтому в пищу не годится. Перед отъездом в Хатангское любознательный Бегичев попросил Анисима при случае привезти оттуда кусок

соли. Старик добросовестно исполнил просьбу и привез Бегичеву соляную глыбу.

В один из пуржливых дней Никифор Алексеевич занялся опытами. Взяв у хозяев огромный чугунный котел, в котором обычно варили мясо, Бегичев положил в него несколько кусков каменной соли и, поставив на огонь, стал помешивать. Все стойбище собралось в чум смотреть, как «шаманит» «Улахан-Анцыфер» над камнем. К всеобщему удивлению камень растаял. Процедив рапу через платок, Бегичев выпарил ее, и якуты увидели, как на дне котла остался слой чистой, блестящей соли.

— Ой, мастер, да мастер, — удивленно покачивали головами якуты, пробуя белоснежную соль.

С тех пор кочевники не покупали соль у купцов, а, наученные Бегичевым, выпаривали ее сами.

Вскоре Бегичев съездил на сопку сам и привез оттуда несколько пудов соли, которой пользовался впоследствии для засолки рыбы.

* *
*

5 мая группа без особенных приключений перебралась на остров. На этот раз вместо ветки [1]. Бегичев захватил с собой из селенья Хатангского в разобранном виде лодку, которую сразу же по приезде на остров стал собирать. Остальные промышленники занялись постройкой новой избы на юго-восточной стороне острова. В начале июня с этими первоочередными работами было покончено. Переждав пока сойдет снег и вскроются реки, Бегичев оставил Семенова в избе, а сам с остальными предпринял поездку по острову.

«Пройдя 40 верст вдоль берега, — описывает Бегичев это летнее странствование, — повернули поперек острова на юго-запад. Дров с собой взяли только на лучинки. Все время пользовались для приготовления еды углем, которого по всему острову очень много. Он хорошо горит в железной печке, так что топлива у нас было сколько хочешь. На стоянках ходили по острову, искали мамонтовую кость; хорошие клыки брали, а плохую кость бросали. Попадалось много лошадиных черепов и черепа мускусных быков. Был найден рог носорога. Поперек острова мы сделали 4 переезда и вышли на юго-западную часть острова.

В центре острова есть невысокие горы, на них почти на всех — уголь. Есть такие сопки, в которых от верху и до самого низу крупный песок, а раскопаешь песок, там сплошной уголь.

---

[1] Ветка — легкая лодка-однодеревка.

Мы стали у берега в середине июля месяца. Хатангский залив и залив Нордвик были чисты от льда. Отсюда мы направились на восток к избе, где у нас остался Семенов.

18 августа стали у речки Дюмида. Внезапно начался густой снег, ударила пурга. Снег выпал глубокий, но на другой день весь растаял. Мы пошли дальше. По пути видели много диких оленей и линных гусей, но нам охотиться на них было некогда, били их только тогда, когда останавливались на ночевку. Птицы и оленей по всему острову много, за лето можно себя обеспечить. 7 августа пришли к избе. Семенов, остававшийся здесь один, говорит, хорошо проводил время за охотой...»

Во время этих походов охотники нашли останки мамонта. Сам Бегичев об этом не упоминает, но в дневнике Гаркина имеется запись за 15 августа 1910 года:

«Ходили делать раскопки найденного Бегичевым мамонта. Работали целый день. Оказалось, что мамонт разбросан частями. Нашли много костей, как то: ребра, лопатки, часть челюстей. Нашли также часть кожи, брюшину и мясо. Находившийся в брюшине корм, а также мясо сохранились свежими. Бегичев, шутя, говорил: «Это мясо можно варить». Но мы этого не сделали» [1].

Через несколько дней Бегичев с Гаркиным отправились на лодке на северную часть острова. За месяц они объехали его вокруг, побывали на острове Преображения, собирали в береговых обвалах образцы горных пород и окаменелости. О том, что Бегичев не прекращал сбор геологических образцов, свидетельствует Гаркин: «Ходили искать окаменелости, — записано у него 4 сентября, — набрали несколько экземпляров».

За время их отсутствия Кузнецов, Уксусников и Семенов изготовили около сотни пастей.

Пролив был чист от льда. Бегичев решил попытаться переправить на материк часть трофеев. Нагрузив лодку мамонтовой костью и моржовыми шкурами, Никифор Алексеевич с Кузнецовым отправились через пролив на мыс Нордвик. Но сильное отливное течение захватило их в середине залива и вынесло лодку в море. Лишь через несколько часов им удалось добраться до острова.

* *
*

Быстро пролетела теплая пора, приближалась зима. Все чаще и чаще стали встречаться на южном берегу дикие олени,

---

[1] Оригинал дневника Гаркина хранится в Красноярском краеведческом музее. В сокращенном виде он опубликован В. Ю. Визе, см. «Три года на острове Бегичева» Советская Арктика № 4, 1940.

Даты по новому стилю.

готовящиеся к переходу на материк. Чтобы не упустить благоприятное время, Бегичев с товарищами усиленно занялся заготовкой мяса. Промысел был удачен. «Мяса диких оленей запасли много, — пишет Бегичев. — Из оленьего жира наделали свечей для освещения в полярную ночь».

Настроение у новоселов было бодрое. Зима их не страшила. Изба вышла на-славу, теплая, сухая. На берегу стоял сложенный в костры плавник, чтобы потом зимой не выкапывать его из-под снега. В амбаре лежало десятка два оленьих туш.

Обилие в тундре мыши-пеструшки сулило хороший, как говорят на севере, урожай песца. Чтобы привлечь зверя к ловушкам, охотники заблаговременно разбросали по берегу приваду — куски моржового мяса. Ожидания Бегичева оправдались; с первых дней после насторожки пастников и установки капканов песец стал попадаться в ловушки.

— Ну, теперь, компания, только не ленись, ходи, да ходи высматривать пасти, — приговаривал Бегичев. — Глядишь, в этот год дела поправим.

Нежданная беда разрушила радужные мечты охотников: в начале октября волки напали на стадо и разогнали всех оленей. Многодневные поиски ничего не дали. Положение осложнилось. Отсутствие транспорта ограничивало возможности охоты и промысла.

Как ни заманчивы были перспективы песцового промысла, но Бегичев, чувствуя ответственность за судьбу товарищей, решил не рисковать и предложил всем возвратиться пешком на материк. Но Семенов и Гаркин запротестовали. Они заявили Бегичеву, что останутся на острове. Им, всю жизнь работавшим по найму у купцов и мечтавшим стать самостоятельными хозяевами, не хотелось бросать здешнего промысла, сулившего быстрое обогащение.

Видя, что их не переубедишь, Бегичев решил итти с Кузнецовым и Диомидом, пообещав остающимся охотникам доставить на мыс Нордвик продукты, а весной приехать самому на остров.

Первая попытка пересечь пролив по льду не удалась: пришлось возвратиться, так как пролив еще не замерз.

«Я выждал время под исход луны, — записывает Бегичев, — когда приливы бывают малые и на несколько времени пролив останавливается. 28 декабря мы вышли пешком. Не доходя мыса Нордвик, встретили нагроможденные валы льда. Первый вал прошли, за ним второй и третий. Пока перелезали через эти торосы, сильно вспотели, но наконец, добрались к мысу Нордвик. Я направился через залив. Пройдя 70 верст, остановились, напились чаю, отдохнули и снова пошли тундрой на юг. Все время было холодно, мороз доходил

до 50°, но мы все время шли и шли, согреваясь при ходьбе. 31 декабря прошли речку Суолиму и ночью наткнулись на якутский табун оленей. Мы были все сильно уставшие, к тому же еще сильный мороз и темная пора, так что мы насилу нашли якутский балаган, где нас встретили якуты. Когда мы разделись, то у нас фуфайки были насквозь промерзшие, но все-таки все обошлось благополучно. По моему подсчету, по шагомеру, мы прошли за трое с половиной суток 250 верст... Все якуты очень удивлялись, что мы за люди, раз в самую темную пору и при больших холодах смогли пройти пешком такое большое расстояние».

У анабарских купцов Бегичев купил для Гаркина и Семенова сухарей, сахару и еще кое-каких продуктов и отправил их с Диомидом к условленному месту на мыс Нордвик, а сам с Кузнецовым уехал в Дудинское.

Здесь он пробыл недолго. Судьба оставшихся на острове товарищей беспокоила Никифора Алексеевича. Закупив провизию, боеприпасы, он вернулся обратно на Анабару.

Наученный горьким опытом, на этот раз Бегичев решил использовать для разъездов по острову уже не оленей, а собак, благо при наличии там моржовых лежек вопрос с собачьим кормом не представлял затруднений. Зато перегон собак до острова обошелся Бегичеву недешево. Повторялась знакомая история: чтобы прокормить псов, приходилось покупать на убой оленей.

В двадцатых числах апреля 1911 года Никифор Алексеевич приехал в чум старого приятеля Поротова. Клади набралось изрядное количество. Чтобы перебросить хотя бы часть ее на остров, Бегичев уговорил Анисима и других якутов съездить с ним через пролив.

27 апреля группа Бегичева пришла на остров, где ее радостно встретили Семенов и Гаркин.

* *
*

Тревожной была для них прошедшая зима.

Оставшись на острове одни, Семенов и Гаркин не проявляли энергии ни в высмотре пастников, ни в охоте на дикого оленя. Правда, они продолжали изредка осматривать ближайшие пасти, но далеко отлучаться от дома остерегались. Этому отчасти мешали частые пурги, но, как можно судить по дневнику Гаркина, главной причиной была их собственная бездеятельность. Тоска — бич тех полярных зимовок, где нет четкого распорядка дня, чередования труда и отдыха, нет ясной цели этого труда — охватила зимовщиков.

«От нечего делать переписал стихотворение Апухтина «Сумасшедший», — записано 24 января 1911 года. —

«Вырезывал из мамонтовой кости» — пишет он на следующий день.

«Занимались по домашней части. Я все возился с мамонтовой костью, — записал Гаркин 9 февраля. — Юго-западный ветер дует уже шестой день. А мы сидим, как в тюрьме, и выйти совсем нельзя. Долго ли будем сидеть в избе и что мы высидим?..»

На следующий день пурга утихла. Но и теперь зимовщики вместо того, чтобы откопать собранный осенью на берегу плавник, стали рубить на дрова старинную избу.

В середине февраля Гаркин и Семенов рискнули совершить поход на мыс Нордвик. Там они взяли продукты, оставленные Диомидом, и на третий день благополучно возвратились на остров.

Теперь настроение поднялось: в рационе появились сухари, чай и сахар, можно было спокойно пережидать пурги в избе, лишь изредка совершая обходы пастей. Казалось, с наступлением светлой поры зимовщики энергичней займутся охотой и пополнят свои запасы свежим мясом, но этого не случилось. Даже когда во время пурги к избе подошли два медведя, убить они смогли лишь одного. Другой медведь ушел. Неудачной была и охота на диких оленей, переходивших через пролив на остров.

«С первого выстрела, — уныло отмечает Гаркин в своем дневнике 2 апреля, — стадо разбежалось в разные стороны»...

После этих неудач у промышленников окончательно опустились руки. Гаркин все чаще и чаще жаловался на усталость и болезненное состояние. Наступил апрель — срок приезда на остров Бегичева. И все бóльшая и бóльшая печаль сквозит в записках Гаркина.

«*9 апреля.* Никуда не ходили, — у нас болели ноги от прошлых моционов...

21 апреля. Собирались на охоту в тундру, но помешала пурга. Мясо у нас есть, а хлеба совсем нет. Нет ни сухарей, ни муки. Вот уже второй месяц живем на одном мясе.

22 апреля. Вся радость теперь исчезла. Ни чума у нас нет близко, ни русского жильца. Обещались к нам приехать гости с материка, и мы радовались, словно дети. Ждали, ждали — пережда́ли. И вот мы ходим с поникшей головой, словно что-то потеряли. Итак, вся наша радость превратилась в печаль.

24 апреля. Читать больше нечего. Книжки все перечитали не по одному разу, а уже по нескольку раз. Все дни дует пурга, когда ей будет конец? Уже надоела, до зла-горя надоела. А деваться некуда, куда пойдешь, кому скажешь?

26 апреля. Пурга нисколько не стихает, хоть «Лазаря»

пой. Ветер все с одной стороны — норд — да и баста. И мы сидим да сидим в избе, а высидим — не знаю чего».

И, наконец, долгожданная радость:

«*27 апреля.* Приехали с материка люди — Никифор Алексеевич Бегичев».

* *
*

О пребывании на острове в этом, 1911-м году Бегичев упоминает лишь вскользь: «Теперь у нас есть собаки, которых я привез с собой. Все лето мы делали пастники, изготовляли на зиму мясо и ловили рыбу — омуля, которой здесь очень много...» Но за этими скупыми фразами скрывается большой напряженный труд. Неутомимый Никифор Алексеевич сумел подбодрить компаньонов, заразить их своей энергией. Он не давал им бездельничать, для каждого находил занятие, торопил их. Полярное лето так коротко, надо успеть наготовить побольше пастей, запастись мясом, рыбой, иначе промысел песца сорвется. А это значило залезать в новые долги, итти в кабалу к скупщикам пушнины...

Расчеты на хороший промысел песца не оправдались. За два месяца, прошедших со времени насторожки пастей, промышленникам удалось взять всего 200 песцов. Бегичев все чаще стал поговаривать о возвращении. Но Семенов и Гаркин возражали, настаивая на продолжении промысла. Сравнительно благополучная жизнь последних месяцев заслонила грустные переживания прошлой зимы. Теперь им все былое рисовалось в более розовых тонах. Так не хотелось упускать этот единственный случай «выйти в люди».

— Авось, как-нибудь перезимуем. Глядишь, к весне пойдет еще песец, — убеждали они Бегичева.

Никифор Алексеевич, здраво оценивая положение, не хотел действовать на-авось. Возникшие на этой почве разногласия с каждым днем обострялись. Назревала ссора.

1 января 1912 года Гаркин, ездивший на собаках высматривать дальние пастники, вернулся пешком. Пока он спал в голомо, плохо привязанные собаки погнались за песцом и убежали в тундру. Бегичев, выведенный из себя этой оплошностью Гаркина, набросился на него с руганью, обвиняя в лени и нерадивости. За Гаркина вступился Семенов. Все трое, наговорив друг другу много тяжелых слов, наконец угомонились. Но чувство взаимной досады осталось.

Следующий день прошел в поисках псов. «Мы с Бегичевым пошли искать упущенных мною собак, — записал Гаркин, — обошли верст 50, но не видели ни одной...»

Потеря собак еще больше осложнила положение. Из тридцати ездовых собак осталось всего семь. Теперь охотники

не имели возможности высматривать дальние ловушки. К тому же январь выдался пурженым, добычи зверя совсем не стало. Снова в гаркинском дневнике сквозит тревога:

«17 января 1912 г. Дует и дует пурга, зги не видно.

18 января. Добыча плохая, песцы не ловятся.

22 января. Стоял ужасный туман.

23 января. Ветер тихий. Песцы не ловятся.

24 января. Переехали к речке Диомида, в голомо. Пусто кругом, добычи нет.

26 января. Нечем кормить собак, вот до чего плохая охота.

2 февраля. Готовились к отъезду...»

Снова Бегичев уговаривает своих компаньонов возвратиться на материк, доказывая бессмысленность и опасность дальнейшего пребывания на острове, но упрямый Семенов категорически отказался, твердо решив остаться еще на год. Слабохарактерный Гаркин, находившийся под влиянием Семенова, также решил остаться с ним.

— Давайте говорить начистоту, — доказывал им Бегичев. — Вы оба промышленники неважные. За все время никто из вас ни разу не убил оленя. Как же вы запасетесь мясом?

— Тебе о нас беспокоиться нечего. Собрался уезжать — уезжай. Небось, надо будет — не хуже тебя добудем оленя, а на худой конец запасем на зиму побольше рыбы и гусей, — возражал упрямый Семенов.

— Как хотите, дело ваше. Силой вас отсюда увезти я не могу, но на меня уж не надейтесь: возможно я совсем уеду в Россию и больше сюда не вернусь. Тогда вам придется выбираться с острова самим.

— Не маленькие, выберемся. Ефим Алексеевич через пролив дорогу знает, — упорствовал Семенов.

— Ну, смотрите. Но только я привез вас сюда, на мне и ответственность лежит. А вдруг, неровен час, что случится, тогда скажут, что бросил я вас одних на необитаемом острове.

Но Семенов и Гаркин продолжали упорствовать. Порешили на том, что Гаркин проводит Никифора Алексеевича до анабарских становищ, купит там продовольствие и вернется на остров. На всякий случай они все же дали Бегичеву письмо, в котором подтверждали свое добровольное решение остаться зимовать.

2 февраля Бегичев и Гаркин вышли на материк с четверкой последних собак, запряженных в маленькие нарты. На острове остался один Семенов.

У якутских купцов, торговавших на Анабаре, Бегичев купил чаю, сахару, муки, сухарей. Часть провизии, сколько

могли увезти собаки, он отправил с Гаркиным, остальную часть Анисим обязался в мае доставить на мыс Нордвик, куда за ней приедет кто-нибудь из промышленников.

* *
*

В конце мая Бегичев был уже в Цареве.

Что же делать дальше? — задумывался он. Оставаться в этом сонном, пропыленном Цареве? Нет, становиться на «мертвый якорь» еще рано. И, несмотря на уговоры матери, Бегичев снова едет в Астрахань, Нижний-Новгород, Москву, Петербург в надежде найти себе занятие по душе. Но ничто не привлекает его.

«В России мне не понравилось жить, особенно, в больших городах, — пишет он. — Хотя у меня были деньги, но я их не жалел. Я не находил в них жизни. Часть истратил, а остальные роздал знакомым, которые в них нуждались. В Петербурге остаться на службе не хотел... Я решил вернуться опять на старое место к берегам Ледовитого океана, где чувствовал себя ни от кого независимым и совершенно свободным гражданином».

Никифор Бегичев снова уходит на Север.

* *
*

В конце сентября 1912 года Бегичев приехал в Красноярск с твердым намерением навсегда остаться в Туруханском крае. Управляющий пушной фирмой Равилиона англичанин Пикок, прослышав о затруднительном материальном положении Бегичева, не преминул залучить его к себе. Он предложил Бегичеву любой кредит, без каких бы то ни было векселей и долговых обязательств. Ловкий делец и проныра, Пикок, умевший выжимать копейку у туруханских промышленников, делал это отнюдь не из каких-либо симпатий к Бегичеву. Он понимал, что деньги, данные такому опытному и удачливому охотнику, принесут немалый процент. Несомненно, что впоследствии Бегичев сочтет своим долгом сдавать пушнину именно ему. Об этом Пикок намекнул в разговоре с Бегичевым. Как ни опасна была денежная зависимость от хитрого англичанина, но другого выхода у Никифора Алексеевича не оставалось.

Он взял у Пикока небольшую сумму, достаточную лишь для оплаты проезда в Дудинку.

Время было позднее. Уже все пароходы вернулись с низовьев Енисея. Последним рейсом парохода Бегичев доехал до Енисейска. Здесь, купив лодку и нагрузив на нее свой багаж, поплыл вниз по течению.

«От Ворогова я плыл со льдом. У Подкаменной Тунгуски лодку вытащил на льдину и плыл на ней до Верхне-Имбатского, где выбрался на берег. Отсюда поехал на лошадях. Но берегом Енисея ехать было невозможно, и я остановился в деревне Марковой ожидать, когда станет Енисей. Наконец Енисей стал, и я поехал дальше в Туруханск, а в ноябре приехал в Дудинку».

До марта 1913 года Бегичев прожил на Аваме, промышляя песцов на своих пастниках. Несмотря на ссору с Семеновым и Гаркиным, беспокойство за их судьбу не оставляло его. От жителей тундры он узнал, что летом с острова на Нордвик никто за продовольствием не приезжал. Это еще больше встревожило Никифора Алексеевича, и он выехал на Анабару.

30 марта Бегичев добрался до острова. Зимовье стояло занесенное до верху снегом.

«Я зашел в избу, но в ней было очень темно. Окна были забиты снегом. Я наткнулся на койку, где лежало что-то твердое. Я вышел и принес свечу, зажег ее. Открыл одеяло, там лежал мертвый Гаркин. Семенова не было. На столе лежал дневник. Изба была вся задымленная, пол изрублен, наверно, на топливо. Я стал искать Семенова, но нигде не нашел. Гаркина завернул в одеяло и похоронил в погребе».

Гибель товарищей удручила Бегичева. Забрав дневник, он поспешил возвратиться на материк. Записи Гаркина раскрыли тайну их смерти.

* *
*

С 2 февраля по 5 июня 1912 года дневник Гаркина не сохранился, поэтому осталось неизвестным, почему промышленники не предприняли весной условленной поездки на Нордвик за продуктами. Можно предполагать, что их испугали трудности перехода через льды пролива, и они решили ожидать вскрытия, в надежде добраться до Нордвика на лодке.

Дальнейшие записи в дневнике Гаркина позволили проследить за всеми перипетиями трагедии, разыгравшейся на «заклятом» острове Сизой.

Лето выдалось наредкость холодным. В середине июля снова завернула стужа.

«Сегодня настоящая зима, — записал Гаркин 12 июля, — снег так и валит хлопьями, уже закрывает землю, и тундра вся поседела. На море появились забереги. Дикий олень на острове есть; большой переход с материка был...»

С охотой промышленникам не повезло. Ни одного оленя им не удалось убить. «Пошли мы с Николаем Николаевичем охотиться на лайду около речки Песцовой, — сообщает Гаркин 22 июля. — Увидели на одном озере массу гусей». Но

и здесь их ждала неудача. «Заметив нас, — грустно продолжает Гаркин, — они пустились бежать через хребет».

Не оправдывались надежды и на поездку на материк. Лед не давал возможности спустить лодку на воду.

«*28 июля.* Лед сгрудило к избе, на лодке нельзя подъехать», — повествует дневник. И дальше: «*29 июля.* Пошел сильный дождь и не прекращался до глубокой ночи. Лед пододвинуло ближе к избе. Нас загородило льдами кругом, мы теперь как в ледяной крепости»...

Через несколько дней море стало очищаться. Охотники решили, по примеру прошлых лет, попробовать запустить невод, но ничего из этого не вышло. И чем больше уходит дней короткого арктического лета, тем больше жаловался Гаркин на холода.

«Вся тундра от мороза стала белой, — гласит запись от 7 августа. — На берегу было много гусей, они уже начали оперяться».

Пролив попрежнему полон льда. Путь на материк закрыт. В гаркинских записях снова появляются тревожные нотки.

«Что ожидает нас впереди — мы не знаем. Время идет, у нас запасы для зимы не прибывают, а сокращаются».

16 августа мороз взялся по-настоящему. «Снег покрыл землю... Наступает полярная зима...»

Что же делать? За все время им удалось убить лишь 17 гусей и одного оленя. Два раза пробовали неводить. Поймали всего 27 омулей: помешал лед.

В середине сентября начался ход оленя на материк. Гаркину и Семенову посчастливилось убить двух быков. Но надолго ли могло хватить этого мяса? Хлеб и сухари кончились. Единственным питанием служило мясо.

В начале ноября скрылось солнце. Грустно проводили зимовщики последние его лучи. Увидят ли они его вновь? Надо что-то предпринимать, чтобы избежать беды. Но что?

8 ноября промышленники поехали настораживать пасти в северной части острова, надеясь по пути упромыслить дикого, но все напрасно: ничего добыть им не удалось. Так и вернулись ни с чем.

«Мне хотелось уже дня два-три тому назад уйти отсюда, т. е. с острова на материк, но все не удается, — заносит Гаркин в свой дневник 19 ноября. — Пролив все еще ходит, хотя, по моим наблюдениям, он уже два раза стоял. Жизнь для людей здесь невозможная. Я человек уже привыкший к северу. Родился в России, прожил 9 лет в Восточной Сибири, 3 года в Дудинке и здесь на острове я живу третью зиму. Но никогда я не чувствовал себя таким слабым,

как на острове Сизой. Вот приходит темная пора, и у меня начинает болеть под челюстями и зубы».

28 ноября голод заставил охотников приняться за песцовое мясо. «Трудно привыкнуть к нему, — пишет Гаркин. — Пошел бы на материк, да самая темная пора. Придется прожить несколько месяцев на песцовом мясе. А дикий олень просто смеется над нами. Сильный скрип снега под ногами выдает нас, и мы лишены всякой возможности приблизиться к оленям на винтовочный выстрел...»

Что же делать? Снова, в какой уж раз, задавал этот вопрос Гаркин. «Провизии у нас не хватит и на месяц, следовательно, не протянем за темную пору...»

25 декабря съели последний кусочек сахара. А за стеной угрюмо шумело не скованное льдами море. Как-то им показалось, что в проливе не слышно прибоя. Неужели он замерз? — затеплилась надежда у горемык. Но разразилась новая беда: у Семенова цынгой свело ноги.

Наступил новый, 1913-й год. Какой уж день пурга держала охотников взаперти в избе! Холодно. Дрова все вышли. Сожжены в печи скамьи и табуретки.

«*8 января.* У нас голод, вышла вся провизия. Мой товарищ стал очень слаб, вести его на материк я не смогу. Итти одному?» — вопрошает Гаркин, но тут же чувство товарищества заставляет отбросить эту заманчивую мысль, и он продолжает: «Это невозможно, потому что тогда он должен остаться без провизии...»

Уже и у Гаркина нехватало сил совершать высмотр дальних пастников. В ближайшие ловушки песец упорно не шел. Рушились надежды и на песцовое мясо. 2 февраля Гаркин сварил на двоих последнюю песцовую голову...

На следующий день Семенов умер.

Собравшись с силами побрел осиротевший Гаркин сквозь мороз и пургу на высмотр, но пасти оставались пустыми. Мучительный голод раздирал внутренности.

«Ел оленью кожу. Вечером заколол собаку «Сегана», — лаконично записал Гаркин 6 февраля. Но и «Сегана» хватило ненадолго. Через несколько дней пришлось опять приняться за оленью шкуру.

Гаркин пытался бороться. 17 февраля, как чуть приутихла свирепствовавшая все время пурга, ему удалось выйти из избы. «Все было забито снегом, — продолжает он свое грустное повествование. — Все-таки съездил по дрова и привез нарточку. Ел оленьи камусы [1] и моржовый ремень, на который привязывали собак. Жду людей с материка, но никто не едет. Всеми забытый Гаркин...»

[1] Камусы — шкура с ног оленя.

С каждым днем силы и надежды на благополучный исход покидали его.

«28 февраля. Не знаю, что буду делать, я едва мог встать. Удастся ли мне съездить по дрова или нет — не знаю. Надежды на жизнь оставили меня.

1 марта. С избы снял для топлива обкладные жерди. Ехать по дрова мне очень трудно. Но все-таки необходимо итти в балаган, может быть в пасти попал песец, все-таки поддержка сил. Завтра намерен итти, если будет хорошая погода. Иначе я должен погибнуть. Оленьих кож у меня нехватит...»

А еще через день:

«3 марта. Никуда не выходил, мне очень тяжело. Я съел только два сухих камуса».

Прошли еще мучительные сутки.

«4 марта. Съел только один сухой камус. Жгу в избе полы, выхода нет. Силы оставили меня. Все надежды потеряны, если не приедут люди, хотя бы вы, милый Никифор Алексеевич...»

Но помощи все нет. И Гаркин, открыв новую страницу своего дневника, делает последние записи:

«5 марта. Та же пурга от зюйд-веста. Я еще более ослаб.

6 марта. Пурга от зюйд-веста. У меня полны сени снега, чистить нет силы. Просто замирает сердце от этого ужасающего меня голода. Боже, пошли людей с материка! Тела на мне не осталось совсем. Руки мои не рубят дрова, я так сильно изнемог. Ведь только подумать — уже сорок один день переношу этот ужасный голод. Страдания мои дошли до пределов.

7 марта. Сижу в избе. Бушевала сильная пурга. У меня дымом выело глаза. Я ничего не вижу.

16 марта. Как только встал с постели, записываю, что ноги и руки мои чуть двигаются. Топор едва могу поднять. На случай несчастья адрес: г. Ачинск, Енисейской губ., Н. Назаровской волости, дер. Барабановка.

19 марта. Едва мог подняться с постели. Печку вчера почти не топил, а сегодня тоже силы нет. Ноги мои на постели не согрелись. Я ожидаю конца существования»...

И тут, вспомнив об умершем товарище, ослабевшей рукой Гаркин дописал последние строки:

«...Николай Николаевич помер в проливе между балаганом и речкой Диомида. Около него стоит ружье и на нем часы. В речке Диомида 30 штук песцов лежит...»

На этих словах оборвалась скорбная летопись Ефима Алексеевича Гаркина.

Всего лишь на несколько дней опоздал Никифор Алексеевич.

Отчего они погибли?—задавал себе вопрос Бегичев. «Провизии у них было: хлеба разного 20 пудов, сахару 5 пудов, еще разных сластей 1 пуд. Чаю, табаку, спичек было достаточно. Оружие у них имелось хорошее: две винтовки и две двухстволки центрального боя. Были сети и маленький невод, хорошая лодка, на которой они могли выехать на материк... Но они очень надеялись на свой промысел и самое хорошее время не промышляли. А когда стали промышлять, то было уже поздно, и за это поплатились своей жизнью»...

Очевидно, охотники забыли уроки прошлой зимы и, понадеявшись на доставку продовольствия с материка, не экономили свои запасы. Это была ошибка, которую повторил через несколько лет и сам Бегичев...

Узнав о местонахождении тела Семенова, Никифор Алексеевич еще раз съездил на остров. Он отыскал труп, привез его в избушку и здесь похоронил.

Отсалютовав выстрелами из винтовки останкам товарищей, Бегичев вернулся на материк, навсегда распростившись с островом.

* *
*

Существует мнение, что остров, открытый Бегичевым, был впервые усмотрен еще Великой Северной экспедицией в сороковых годах XVIII столетия. На одной из карт, составленной экспедицией, в том месте, где в действительности находится пролив, отделяющий остров от полуострова Юрунг-Тумус, берег нанесен пунктиром с надписью: «Надлежит изведать».

Экспедиция И. П. Толмачева в 1905 году уточнила очертание береговой линии в устье Хатангской губы. Северный конец полуострова Юрунг-Тумус передвинулся на 40 минут к югу. Острова же, обычно заметного в ясную погоду с материка, исследователи не увидели: экспедиция Толмачева прошла по материку весьма поспешно.

В 1911 году в районе Хатангской губы побывали суда гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана — «Таймыр» и «Вайгач». «Они увидели, — отмечает Бегичев в своих записках, — какую-то таинственную землю, и один лейтенант — участник экспедиции, — описывая в журнале «Нива» свое плавание, спрашивает: не эта ли таинственная Земля Бегичева?»

В 1914 году «Таймыр» и «Вайгач» снова работали в море Лаптевых. «Вайгач» подходил к мысу Нордвик. Пройдя затем вдоль восточных берегов острова, экспедиция нанесла его на карту.

За год до этого на моторном судне «Омуль» вверх по Енисею проплывал Фритиоф Нансен. Во время остановки в селенье Дудинском он встретился с Бегичевым. Нансен так описал это знакомство:

«Когда мы в сумерках собрались вернуться на пароход, к нам подошел на берегу какой-то человек. Оказалось, что он участвовал в экспедиции барона Толля, а также в позднейшей экспедиции на остров Беннета, где искали погибших. Звали его Никифор Алексеевич Бегичев; здесь он дожидался зимы, чтобы отправиться на Хатангу и Анабару. Жил он охотничьим промыслом и много раз пробирался на восток, к устьям названных двух рек. Там ему посчастливилось открыть новый остров на 74° с. ш. и 118° в. д. По его словам, новый остров расположен в 3′ к югу от острова Преображенского, который посетил в свое время Норденшельд. Площадь новооткрытого острова равнялась почти 10 000 кв. верст, причем на протяжении 2000 кв. верст тянулись, по мнению Бегичева, залежи угля. Для меня осталось все-таки загадкой — где собственно находится этот остров? На указанной широте и долготе его во всяком случае быть не может, так как там открытое море, по которому мы прошли с «Фрамом» 15 сентября 1893 года. Указанная долгота, должно быть, взята по старым русским картам и неверна. Кроме того, остров Преображенский, по вычислениям Норденшельда, лежит приблизительно на 74°45′ с. ш. и 113° в. д. Таким образом, если новый остров расположен на 3′ южнее, то, очевидно, речь идет о полуострове, северо-восточная оконечность которого названа на карте Норденшельда мысом Преображенским; на этом мысе находится так называемая «Высокая гора», а к югу — широкий залив Нордвик. Бегичев открыл, следовательно, только пролив, прорезывающий полуостров от этого залива до Хатангской бухты, что не удивительно, так как это побережье никогда не было подробно нанесено на карту. Удивительно же то, что он нашел там место для острова площадью в 10 000 кв. верст. Таким образом, длина острова равнялась почти градусу! Да и 2000 кв. верст угольных залежей — тоже не безделица; этот масштаб соответствовал бы квадрату в 45 верст в длину и в ширину. Остается предположить, что в цифровые данные Бегичева вкралось несколько лишних нулей.

Он оставил на острове в прошлом году двух людей, и у него, по его словам, имелась бумага за их собственноручной подписью, свидетельствовавшая о том, что они остались там по доброй воле. Вернувшись на остров нынешней весной, он однако нашел их обоих мертвыми.

Добрался он туда с запада на оленях. За один месяц добычей его стали восемнадцать белых медведей; кроме

того, он видел на берегу моржей. Я спросил его, часто ли он пользовался ядом и капканами для ловли медведей и лисиц, но оказалось, что он бил их исключительно из ружья, и уверял, что настрелял за прошлую зиму пушнины на 10 000 рублей...

Он был рослый и крепкий молодец с виду, по крайней мере в сумерках, когда рассказывал обо всех этих чудесах. Гладко выбритое, выразительное лицо его слегка напоминало Амундсена, когда тот сбрил себе бороду...» [1]

Бегичев в своих записках упоминает об этих словах Нансена:

«Фритьоф Нансен в своей книге «В страну будущего» писал об этом острове. Он говорит, что я несколько нулей прибавил к его площади и сомневается, откуда там может быть такая масса угля. Я с Нансеном виделся в 1913 году [2]. Он через переводчика Лорис-Меликова разговаривал со мной и, наверно, тот передал неточно. Я ему говорил об острове, что приблизительно остроз имеет площадь около 10 тысяч квадратных верст и по всему острову залежи каменного угля. Промер мой был неточен. Я говорил, что обошел вокруг острова и поперек. Расстояние определял по шагомеру и не думаю, что на много ошибся. А впрочем, кто этим интересуется, то пусть едет туда и проверит»...

Площадь открытого Бегичевым острова равна всего лишь 2 500 квадратным верстам. Но подозревать Бегичева в умышленном преувеличении нет оснований: сделанные им съемка и карта не могли быть точными.

Несомненно, что благодаря настойчивости Бегичева было стерто еще одно белое пятно на карте нашей Родины, а собранные им коллекции и гербарии способствовали расширению знаний об этом неисследованном районе. Вот почему русская наука, благодарная своему соотечественнику, присвоила острову имя Никифора Бегичева.

---

[1] Ф. Нансен. «В страну будущего». Пгр., 1915, стр. 156—157.

[2] В записях Бегичева ошибочно написано «в 1914 году».

Глава восьмая

НА ПОМОЩЬ ЗАТЕРТЫМ ЛЬДАМИ

Прошло полтора года. Никифор Алексеевич женился и теперь окончательно обосновался на Таймыре. Его жена — Анисья Георгиевна, урожденная Турбина, из деревни Нижняя Пашенная — была подстать своему мужу, такая же энергичная, подвижная и трудолюбивая. Супруги переехали в Авамскую тундру, и здесь, на станке Медвежий Яр, Бегичев снова занялся промыслом песца.

Зимой 1914/15 года промысел песца был наредкость удачен. Бегичев ожидал лета, чтобы продать пушнину и на вырученные деньги купить в Дудинке дом. Жена в скором времени должна была родить. Никифору Алексеевичу хотелось избавить ее и будущего ребенка от случайностей кочевой жизни. Но неожиданное обстоятельство изменило его планы.

15 февраля 1915 года на станок примчался из Туруханска нарочный казак. Он привез Бегичеву телеграмму от начальника Гидрографического управления с предложением снарядить санную экспедицию в количестве 200 оленей на мыс Штеллинга.

Какие цели преследовала эта экспедиция, в телеграмме не говорилось. Решив, что она предпринималась для поисков пропавших экспедиций Русанова и Брусилова, Бегичев, не раздумывая, согласился. С этим же казаком он послал ответ, сообщив примерную сумму — 10 000 рублей, — необходимую для приобретения нужного количества транспортных оленей. Отправив казака в Туруханск, где находился ближайший в те времена телеграф, Никифор Алексеевич не теряя времени поехал на стоянки нганасан Авамской управы договориться о закупке оленей и нанять пастухов.

Через месяц казак вернулся и привез Бегичеву вызов в Дудинку за получением перевода.

21 марта Никифор Алексеевич направился в Дудинку. Нганасаны уже снялись со станков и начали откочевывать на летние пастбища к северу. К счастью, на речке Абыгалах Бегичев застал своего приятеля нганасана Чуту, первого из авамцев, давшего согласие участвовать в экспедиции. Никифор Алексеевич поручил ему передать старосте Авамской управы Качадо, чтобы тот собрал всех купленных и арендованных оленей в одно стадо и ожидал его возвращения.

22 марта Бегичев приехал в Дудинку. Нарочного с деньгами еще не было. Бегичев решил ждать не больше трех дней, чтобы успеть возвратиться в тундру пока оленеводы не ушли на север. Нарочный прибыл на следующий день. Он привез деньги и телеграмму начальника Гидрографического управления генерал-лейтенанта Жданко, вкратце излагавшую до сего времени еще неизвестную Бегичеву цель экспедиции.

Оказалось, что во льдах Карского моря, северо-восточнее архипелага Норденшельда, зазимовали суда Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана «Таймыр» и «Вайгач». Эта экспедиция начала свои работы по исследованию арктических морей и северного побережья Сибири еще в 1910 году. В навигацию 1914 года экспедиционные суда «Таймыр» и «Вайгач» под начальством Б. А. Вилькицкого [1], предприняли попытку пройти Северным морским путем из Тихого в Атлантический океан. На этот раз ледоколам удалось пройти пролив, названный потом именем Вилькицкого, но у западного выхода из пролива они встретили непроходимые льды. В сентябре 1914 года оба ледокольные парохода были окончательно затерты льдами у западных берегов Таймырского полуострова. Получив серьезные повреждения, они дрейфовали в различных направлениях.

Ледокольные суда, снабженные радиотелеграфными аппаратами, могли переговариваться между собой, но их установки были слишком маломощны, чтобы связаться с ближайшей береговой радиостанцией на Югорском Шаре. Неожиданно для моряков, в одну особенно тревожную ночь, радиотелеграфист «Таймыра» отчетливо услышал работу какой-то неизвестной радиостанции. Это было экспедиционное судно «Эклипс» под командой Отто Свердрупа, отправленное русским правительством летом 1914 года для розысков без вести пропавших экспедиций Брусилова и Русанова. Встретив тяжелые льды, Свердруп зазимовал близ мыса

---

[1] Вилькицкий Борис Андреевич, капитан 2-го ранга, военный гидрограф, сын известного русского гидрографа А. И. Вилькицкого.

Вильда, западнее архипелага Норденшельда, в 275 километрах от ледоколов. «Эклипс» имел 4-киловаттную радиостанцию с радиусом действия 800 километров. Использовав ее как промежуточную станцию, Вилькицкий смог передать в Петербург сообщение о положении экспедиции.

На судах нехватало топлива и продовольствия. Чтобы растянуть запасы продовольствия, было решено отправить часть команды на «Эклипс». Отсюда Бегичеву предстояло доставить моряков в Гольчиху.

Все эти подробности Бегичев узнал значительно позже, так как в телеграмме, доставленной нарочным в Дудинку, сообщалось лишь о переводе денег и вкратце повторялось предложение организовать санную экспедицию. Во всяком случае основная цель экспедиции Бегичеву была теперь ясна, и он с еще большей энергией принялся за ее организацию.

Исходным пунктом Бегичев избрал станок Летовье. Закупив в Дудинке лишь то, чего нельзя было достать у тундровых купцов, Никифор Алексеевич отправил груз вперед с двумя русскими — Ивановым и Егором Кузнецовым, когда-то сопровождавшим его на остров Сизой. Вечером 25 марта выехал из Дудинки и сам Бегичев на трех легких санках и с двумя груженными нартами.

* *
*

Начались напряженные, полные забот и непредвиденных трудностей дни. Положение осложнялось тем, что почтовый тракт закрылся до будущей зимы. Оленеводы уже снялись со станков и кочевали по тундре.

Вот как описывает Бегичев первые дни этой экспедиции.

«26 марта. Приехал к Пясинскому озеру. Подвод здесь не оказалось. Олени устали. Я велел самоедам отпустить оленей пастись, а сам стал кипятить чай. Потом отправил искать вблизи самоедов, которые бы увезли нас дальше. Вечером разразилась сильная пурга от SW. Здесь ночевали.

27 марта. Пурга стихла, но посланных мною самоедов нет. К полудню они приехали и объяснили, что «кружали». Оказывается, они плутали всю ночь, но оленей не нашли. Мы поехали дальше.

28 марта. Приехали на станок Черный. Сильная пурга. Здесь ночевали.

29 марта. Выехали со станка Черный.

30 марта. В 10 часов вечера приехали на станок Чепка.

31 марта. Приехал ко мне самоед Табуса, у которого я купил 20 быков по 15 рублей. Уплатив ему 300 рублей, послал ловить оленей и доставить их на станок Летовье,

который я избрал отправным пунктом санной экспедиции. Туда же тундрой отправился и я сам, а Кузнецова командировал ехать по станкам, чтобы собрать заказанные мною нарты у тунгусов и доставить их на станок Летовье. Иванова с двумя нагруженными нартами отправил туда же.

1 апреля. В 6 часов утра приехал на станок Летовье. К 12 часам собрались все авамские самоеды. Я нанял из них еще двух человек. Теперь у меня были нанятыми 6 самоедов. Беда, что трое самоедов идут со своими женами. Я никак не мог их убедить, чтобы не брали с собой жен, но по их обычаю это грех, оставлять одних жен. Тогда я предложил им, чтобы они ехали на собственных оленях и брали хотя бы по три жены. Они согласились, и я тут же уплатил им задаток. Некоторым пришлось уплатить жалованье полностью по 150 рублей, так как никак не мог убедить их, что деньги нельзя получать вперед, а надо прослужить несколько времени. Но сговорить их на это дело я не мог. Договорились, что в случае, если кто-нибудь из них не пойдет, то за него должна отвечать вся их орда. На это они согласились. Условие тут же подписали. Арендованных оленей сразу же отправил с пастухами к речке Янгоды, приказав, чтобы этих оленей не впрягали. Вечером приехал Кузнецов и объяснил мне, что нарты еще не все готовы.

2 апреля. Сам поехал к тунгусам, чтобы понудить их скорее делать нарты. Кузнецову приказал, когда приедет Иванов с грузовыми нартами и привезет кожи, нарезать из нее поводков.

4 апреля. Пасха. На станке Волочанка купил у торгующего Голых кожи, спуску и некоторых продуктов.

6 апреля. На станке Угарном встретил торгующего Прокопчука из Гольчихи, просил его, чтобы он поставил при устье Пясины оленей и ожидал бы нас до 15 сентября.

8 апреля. Приехал к себе в чум, где справил свои личные дела и отправил жену в Дудинку.

14 апреля. Приехал на станок Летовье. Тут нанял тунгуса по 40 рублей в месяц. Кузнецов и Иванов вырезали все кожи, но лямок нарезали всего 100 штук. Для экспедиции этого мало, доведется еще покупать много кож.

15 апреля. Привезли 30 нарт. Из них я забраковал 6 штук, а остальные стали приготовлять.

16 апреля. Нанял долгана Яроцкого по 40 рублей в месяц.

17 апреля. Купил сухарей и сушки-баранки, печеного хлеба, чая, сахара и некоторые продукты. Нагрузили 4 нарты с принадлежностями.

19 апреля. Велел своим рабочим увезти все нарты со станка Летовье к реке Дудыпте. Там будем ожидать самоедов, которые придут к 3 мая...»

27 апреля приехал нарочный казак и привез ящик с почтой для зимующих моряков и инструкцию Гидрографического управления на имя Бегичева. Она гласила:

«Господину Бегичеву.

Транспорты «Таймыр» и «Вайгач» Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана под начальством флигель-адъютанта капитана 2-го ранга Вилькицкого зазимовали осенью минувшего года около западного берега Таймырского полуострова.

В 320 верстах к западу от зимовки транспорта «Таймыр», а именно в долготе 92° от Гринвича (что около мыса Штеллинг) зимует паровое судно «Эклипс», снаряженное под начальством норвежского капитана Свердрупа на поиски экспедиций Брусилова и Русанова. Представителем от Морского министерства на «Эклипсе» является доктор И. И. Тржемеский. На судне имеется радиотелеграфная станция, переговаривающаяся с Вилькицким и со станцией на Югорском Шаре.

Местонахождения экспедиций Вилькицкого и Свердрупа усматриваются из препровождаемой Вам карты в двух экземплярах.

Вследствие того, что нельзя быть уверенным, что транспортам «Таймыр» и «Вайгач» удастся в течение навигации настоящего года освободиться из льдов, а также возможности крушения судов во льдах, флигель-адъютант Вилькицкий с целью спасения вверенных ему людей предполагает принять следующие меры:

1) Отправить в марте на судно «Эклипс» 40 человек, с остальными же 54 человеками оставаться на транспортах до августа—сентября, принимая все меры к освобождению судов из льда.

2) Если к этому времени лед не будет взломан и судам не удастся выбраться на чистую воду, то бросить суда и итти с оставшимися командами (54 человека) к «Эклипсу», к которому он надеется подойти в конце сентября или начале октября.

Задача, возлагаемая на Вас Главным Гидрографическим управлением, должна заключаться в том, чтобы помочь обеим партиям экспедиции Вилькицкого возвратиться на родину от места зимовки «Эклипса», а именно:

1) Для возвращения первой партии в 40 человек Вам надлежит своевременно заготовить потребное количество оленей с нартами и проводниками и пригнать их, по возможности в начале июня, к месту зимовки «Эклипса» (к мысу Штеллинг). Следует иметь в виду, что на нартах придется везти главным образом провиант и дорожные принадлежности, люди же пойдут пешком.

2) Принять эту партию и доставить ее ранее окончания навигации в Дудинку или Гольчиху, откуда она могла бы на одном из речных пароходов следовать на юг (в Красноярск).

3) Осенью для снятия второй партии в 54 человека надлежит опять поставить к мысу Штеллинг должное число оленей и нарт и, приняв здесь эту вторую партию, помочь ей добраться до порта Диксон, где для нее устраивается зимовье.

Примечание. Ввиду того, что место зимовки «Эклипса» не вполне безопасно во время вскрытия льдов, очень вероятно, что ему придется уйти из бухты Штеллинг. В таком случае, капитан Свердруп у мыса Штеллинг оставит инструкцию, как Вам поступать. Во всяком случае, Вам надо стараться не уходить от мыса Штеллинг до начала октября.

4) Необходимо устроить по пути следования оленей с людьми Вилькицкого склады провизии и топлива. Особенно необходим такой склад в устье реки Пясина.

5) Вашему усмотрению предоставляется купить или арендовать оленей. Однако часть оленей должна быть во всяком случае куплена, чтобы служить пищею людям во время переезда и на зимовке в порту Диксон.

6) По приходе к месту зимовки судна «Эклипс» Вы поступаете в распоряжение капитана Свердрупа, который, сообразуясь с обстоятельствами, может изменить настоящую инструкцию.

7) По окончании Вашей экспедиции Вы имеете представить в Главное Гидрографическое управление отчет по исполненному Вами поручению и произведенным расходам, имея в виду, что при покупке оленей, предметов снаряжения и вообще каких-либо материалов, необходимо отбирать от продавцов расписку с указанием количества проданного предмета, полученной суммы и времени уплаты; при малограмотности продавцов можно ограничиться только подписью их, а при полной неграмотности — знаком получения денег, в виде поставленного продавцом собственноручно на расписке креста или клейма.

8) За понесенный труд Главное Гидрографическое управление предлагает Вам две тысячи рублей. В случае же, если экспедиция Ваша увенчается успехом, Управление представит Вас к почетной награде по заслугам.

Со своей стороны Главное Гидрографическое управление намерено принимать следующие меры:

1. Посылает из Архангельска ледокол или другое судно с 500 тоннами угля для «Эклипса» и транспортов «Таймыр» и «Вайгач». Судно предполагается оборудовать радиотелеграфом.

2. Посылает из Красноярска в порт Диксон лихтер с углем, а также провиант, одежду и все жизненные припасы на случай зимовки здесь партии Вилькицкого. Для этой же цели на Диксоне будут построены дома, баня и радиотелеграфная станция.

Начальник Главного Гидрографического управления
генерал-лейтенант Жданко

Начальник Геодезической части подполковник Г. Максимов

27 февраля 1915 года.»

Прочитав инструкцию, Бегичев понял, что задание значительно сложнее, чем сообщалось ранее. Двух сотен оленей для этого мало. Требовалось по крайней мере не менее тысячи животных, добавочное количество нарт, устройство двух складов провизии и нескольких складов дров по пути следования. Десяти тысяч рублей, полученных от Гидрографии, могло нехватить. Но возобновлять переговоры с Петербургом о деньгах было поздно. Бегичев стал действовать на собственный риск.

Свое оленное стадо Никифор Алексеевич решил пополнить у нганасан, стоящих на речке Янгода. Он уже собрался было трогаться в путь, но сильная пурга надолго задержала отъезд.

«*5 мая*. Приготовились совсем к отъезду, погрузили все нарты. Получилось: 15 нарт с дровами, 10 нарт с провизией и принадлежностями, на остальные уложили свободные (порожние) нарты, одна на одну. К вечеру подула очень сильная пурга от SW. Опять выехать нельзя.

9 мая. Утром пурга стихла. Вечером ловили оленей и сделали переезд. В запряжке было с самоедскими нартами — 100 оленей.

10 мая. Проехали верст 10, остановились. Добавил несколько оленей. Пока налицо с купленными и арендованными было 386 оленей, но такого количества, по моему расчету, будет мало...»

14 мая аргиш пересек границу леса и вышел в тундру. По пути Бегичев продолжал арендовать и покупать оленей у встречавшихся оленеводов. На второй день пути от границы леса экспедиция остановилась в 10 верстах от речки Янгоды, проехав от Дудыпты около 100 верст.

Здесь на хороших пастбищах Бегичев решил простоять неделю в ожидании оттепели, так как глубокий твердый снег сильно затруднял движение и мешал оленям добывать корм.

«*18 мая*. Температура —4°, ветер SO, пасмурно, холодно. Стою на одном месте, жду оттепели. В 5 часов вечера подула сильная пурга с SO. Приехала к нам в палатку самоедка, потерявшая свои обозы. Сидит у нас с маленьким ребенком. Я послал рабочих искать самоедский чум и сказать самоедам, что утерянная самоедка находится у нас в палатке.

19 мая. Ветер W, холодно. В 6 часов вечера сильный ветер от SO, холодный. Были самоеды. Привели в аренду 100 оленей. Часть их была бракованная. Всего с купленными и арендованными у меня теперь 486 оленей и, кроме того, будет собственных оленей рабочих: Чуты — 75, Сундапте — 35, Юряка — 30, Конде — 8, Мунга — 4, Кузнецова — 6, Иванова — 8, Семена Дуракова — 8, Федора Дуракова — 8 оленей. Всего 668 оленей и шесть, купленных для убоя».

* *
*

Теперь аргиш представлял из себя внушительное зрелище. Впереди на легкой санке, запряженной четверкой важенок, ехали старик Конде и Бегичев. За ними, вытянувшись на несколько километров, двигался весь аргиш. Каждый ямщик управлял четверкой оленей, запряженных в легкие санки, за которыми шли, привязанными одна за другой, по две четверки оленей, тянувших грузовые нарты. Шествие замыкалось табуном «простых», незапряженных животных, погоняемых пастухами.

Сборы и отправление со стоянок этого многоголового стада каждый раз занимали уйму времени. Изучив обычаи жителей тундры, Бегичев не пытался торопить своих ямщиков: никакие его уговоры и поторапливания не могли нарушить раз установившегося порядка.

Обычно проснувшись, неторопливо покушав и вдоволь напившись чаю, часть ямщиков отправлялась пригонять к месту стоянки стадо. Затем начиналась ловля маутом упряжных оленей. Занятие это занимало несколько часов. Когда все нарты были запряжены, снова начиналось чаепитие и курение. Наконец, кончались и эти процедуры. Ямщики, повязав шеи и подбородки платками, надевали сокуи и выходили к нартам покурить в последний раз перед дорогой. Женщины быстро разбирали чумы, укладывали их на свои женские нарты-туркучаны, увязывали, и лишь тогда аргиш трогался в путь. Через каждый «кёсс» (9—10 верст), то есть через час пути, головная санка Конде резко сворачивала в сторону и останавливалась. Остальные упряжки подъезжали, становясь параллельно передним или оставались на месте. Ямщики собирались в кучу покурить, перебросится одной-двумя фразами. Минут через десять огромный поезд снова трогался в путь.

Дневной переход составлял 25—45 верст (большой аргиш), но в некоторые дни сокращался до 10—15 верст. Кроме того, через каждые два дня пути приходилось останавливаться на дневку, чтобы дать оленям отдохнуть и подкормиться.

Погода не благоприятствовала экспедиции. Наступлению весны сопутствовали частые пурги, перемежающиеся дождями, что сильно задерживало продвижение аргиша. 21 мая Бегичев заметил гусей — первых вестников тепла. Началось бурное таяние снега. Олени, истощенные за зиму гоньбой и недостатком кормов, часто выходили из строя.

«Весной олень бывает квёлый, — замечает Бегичев в своем дневнике, — но благодаря хорошему мху и отдыху он скоро отходит, и можно опять делать на нем такое же расстояние.

переезда. Благодаря тому, что у меня большой запас оленей, я стараюсь чаще менять их в упряжке».

28 мая аргиш остановился вблизи речки Луктах. Здесь рельеф местности изменился. Караван пришлось перевалить через сопки и невысокие каменистые хребты. Бегичев старался двигаться в ночные часы, когда немного подмораживало и оленям было не так тяжело итти.

Одолели, наконец, и самый трудный участок пути — перевал через отроги хребта Бырранга. Вот выдержки из дневника Бегичева об этом этапе экспедиции:

«30 мая. В 1 час ночи отправились на NW 25°. В 7 ½ часов стали у речки Луктах (близ устья речки Тореи, впадающей в Пясину). Пройдено 10 верст. В 5 часов утра нашел густой туман и снег, ничего не видно. Здесь днюю, оставляю склад провизии и дров у самоеда Дикамо [1].

31 мая. Туман. Ветер SO, тихий. Тепло. Летели несколько гусей. Останусь дневать на этом же месте, а то временами попадается очень плохой мох для оленей. К тому же продвижению препятствуют густой туман и талая вода.

1 июня. Ветер NO. Весь день туман. Температура +5°.

2 июня. В 2 часа утра пошел на NW 45°, стал в 8 часов утра. Ходу было 6 часов. Пройдено 20 верст. Все время туман, ничего не видно. Перешел две речки Луктах и Кариру. Оставил у речки Луктах у самоеда 10 падучих плохих оленей.

3 июня. В 5 часов утра пошел на NW 45°. За 7 часов пройдено 25 верст. Стал у речки Нерката. В 12½ часов дня туман прошел, стало ясно. За все время пути в первый раз показалось солнце. Отсюда увидели на NO 45° большой хребет, в котором имелась прорезь верховья Таймыры. По моему мнению, этот хребет на карте нанесен неправильно. Он должен быть севернее на 50 верст. Переход через него очень трудный. Я повернул на запад вдоль хребта к верховью реки Тореи.

4 июня. В 5 часов утра пошел на запад. В 10 часов стали. Пройдено 20 верст. Посылал санку узнать, нет ли где удобного места переехать хребет: не хотелось делать лишних 60 верст, но наверно все же придется ехать к Торее. Один олень устал — бросил. Другой — совсем пропал. Олени начинают уставать. Путь становится плохой. Все время оттепели. Мороза нет. Снег проваливается.

5 июня. Дневал весь день, погода теплая. Температура +5°.

6 июня. Пошел на запад. Ходу было 6 часов, пройдено 25 верст. Стал у речки Тореи. Отсюда отправил Семена

[1] Это уже второй склад провизии, оставляемый Бегичевым. Первый был оставлен им у устья речки Агапы 15 мая.

Дуракова на Летовье к реке Дудыпта, чтобы пригнал 4 лодки по реке Дудыпте, Пясине и вверх по Торее — докуда можно, и здесь дожидался первой партии, которая пойдет до Гольчихи летом. В этом месте Торея нанесена на карту неправильно.

8 июня. Дневал. Дал отдых оленям. Хочу перейти хребет. В полдень пошел дождь. Самоеды ходили на охоту и убили 3 диких оленя. Дождь перестал.

10 июня. Итти дальше очень трудно. Речки все вскрылись. На нартах переехать невозможно — все перемочишь. Часто встречаются глубокие ручьи, которых очень много. Приходится ждать на одном месте, когда сойдет вода. Я рассчитывал попасть на «Эклипс» 18 или 20 июня, в настоящее время с такой остановкой смогу дойти до «Эклипса» не ранее 3 июля. Стою от «Эклипса» в 225 верстах...»

Бегичев принял решение итти к морю налегке, на сотне оленей с четырьмя ямщиками. Остальной аргиш, возглавляемый Егором Кузнецовым, остался ожидать спада полой воды, чтобы затем добираться до побережья.

* *
*

12 июня отряд Бегичева тронулся в путь. Он двигался на пяти легких санках с десятью порожними грузовыми нартами. На них погрузили лишь по кулю сухарей, ветку-каяк и шестовой чум. Наступили тяжелые дни. «Итти было очень трудно, — записывает Бегичев. — Снег тает, мокрый, проваливается. Олени еле бредут по брюхо в снегу. А тут еще доводится обходить массу ручьев, которые текут с головоломной быстротой...» Обессиленных животных приходилось бросать.

В таких условиях 13 июня отряд перевалил через хребет Бырранга. И наконец, после многих мытарств, 20 июня вышел на побережье Карского моря в районе мыса Михайлова.

Здесь Бегичев обнаружил довольно широкую реку, не значившуюся на карте, присланной из Гидрографии [1].

Вот как описывает он это открытие:

«20 июня. Подошел к большой реке, которая на карте не значится совсем. Через нее довелось переправляться. Плавательные средства у меня одна ветка-каяк. Одежду и провизию перевезли на ветке, а оленей переправили вплавь. Переправлялись целый день. Речка широкая и быстрая. Только переправились, тут же на другом берегу ночевали и дневали.

[1] В своих записках Бегичев указывает координаты этой реки — 73°10′ с. ш. и 91°04′ в. д. по карте 229. Ошибка здесь совершенно очевидна. Повидимому, это была река без названия, находящаяся в трех милях к западу от реки Ленивой.

Впоследствии я эту реку назвал Тамарой в честь своей второй дочери. Она впадает в океан у мыса Лосева, верховье берет от хребта Бырранга»[1].

22 июня отряд продолжал движение на северо-восток. На следующий день подошли к новой быстрой реке[2]. Во время переправы через нее два ямщика чуть было не утонули, но Бегичев, бросившийся им на помощь, спас их.

Через день пути отряд подошел к горам Бэра. Оставив своих спутников с оленями отдыхать, Бегичев налегке поехал к берегу моря посмотреть не виден ли «Эклипс». Двигаясь вдоль берега большой реки, он достиг ее устья, находившегося по западную сторону мыса Стерлегова. Туман, стоявший над морем, помешал Бегичеву осуществить его намерение. Отпустив оленей пастись, он отдохнул несколько часов у костра. К утру туман рассеялся. С высокой прибрежной сопки перед Бегичевым открылся широкий вид на море, покрытое торосистым льдом.

«Эклипса» нигде не было видно.

25 июня отряд подошел к новой широкой и быстрой реке, делавшей в этом месте большой изгиб. Отправив людей с оленями напрямик, в направлении приметной сопки, где им следовало остановиться для ночевки, Бегичев на ветке поплыл вниз по течению реки.

«По реке я проплыл 15 верст, — пишет он, — и заметил, что меня стало нести быстрее. Река сужалась, и впереди слышен был сильный шум. Берега в этих местах стали каменистыми. Я пристал к камню, вытащил ветку на берег и пошел пешком осмотреть, что такое шумит. Это оказался водопад, за ним река еще больше сузилась, доходя до 40 сажен ширины, с отвесными каменистыми берегами. Дальше плыть было невозможно. Я взял ветку и перенес ее за водопад. Здесь спустил на воду и поплыл дальше. Через несколько времени увидел палатку и оленей. Это стоял мой отряд. По пути убил двух диких оленей. Пристал к берегу, здесь река стала опять широкая, с отлогими берегами».

Оставив стадо у берега отдыхать, Бегичев с ямщиком саха Прокофием Кузьминым переехал на ветке на другую сторону реки и отправился пешком вдоль берега отыскивать «Эклипс». Карта, имевшаяся в его распоряжении, была неточна и далеко не полна. Особенно трудно было ориентироваться по ней в

---

[1] Бегичев вторично ошибается, указывая местонахождение устья этой реки у мыса Лосева. Мыс с таким названием находится на о. Колосовых. Повидимому, Бегичев называет мысом Лосева мыс Стерлегова.

[2] По всей вероятности к р. Ленивой. Описание характера обеих рек, даваемое Бегичевым, как быстрых и бурных, не совпадает с истинным их характером. Это реки спокойные с медленным течением. Можно объяснить это тем, что Бегичев был на них в период бурного таяния.

тундре. Поэтому Бегичев решил пройти вдоль берега к северу, в надежде найти на побережье какой-нибудь знак, позволивший более точно определить свое местонахождение.

«Мы пошли берегом моря на норд-ост. Лед в море стоял нетронутый. По дороге напали на гусиные гнезда, в которых была масса яиц. Убил здесь дикого оленя. Развели костер из плавникового леса, которого у берега океана много, и стали жарить на огне мясо и яйца. Хорошо закусили и легли спать. Через 6 часов я проснулся. Туман прошел, было ясно, день жаркий. Я определил, что мы находимся у залива Воскресенского, в 68 верстах юго-западней места, где должен стоять «Эклипс».

Сознание, что цель близка, подняло общее настроение. Чтобы выиграть время, Бегичев послал Чуту назад, навстречу аргишу, с приказанием Егору Кузнецову после переправы через реку взять направление на северо-восток. Там, в трех переходах от реки, должен был стоять «Эклипс».

Чута уехал. Отряд стал готовиться к переправе. Нелепая случайность чуть не сорвала планы Бегичева. Ветку, оставленную Кузьминым на берегу, унесло прибылой водой. Раздосадованный неудачей, Бегичев отправился на поиски ее. Утлая лодчонка, от которой зависел успех переправы, оказалась выброшенной на противоположный берег.

«Как достать ее? Река широкая, быстрая. Решил из нарт сделать плот, но неудачно. Плот переворачивает течением. Хотел обойти устье реки морем по льду, но оказалось, что лед в этом месте взломан. Такая досада меня взяла: из-за какой-то ветки экспедиция не может быть выполнена. Тогда я решил сам переплыть реку. Ледяная вода и широкая река. Я взял двух оленей, привязался к ним. Взял с собой ножик и поплыл. На середине реки олени у меня запутались. Я быстро разрезал веревку ножом. Олени вернулись обратно, а я поплыл на ту сторону. Через 15 минут вышел на берег, взял ветку и вернулся обратно благополучно. Самоеды перепугались. Они думали, что я утонул, и только тогда пришли в себя, когда я вернулся и приказал переправляться через реку».

Памятную безымянную реку Бегичев назвал рекой Лидии [1] — именем своей старшей дочери.

* * *

3 июля отряд добрался до мыса Тилло. В нескольких километрах от берега путешественники увидели мачты «Эклипса».

Миновав мыс Тилло, в одной из бухт Бегичев заметил палатку и возле нее людей.

---

[1] На некоторых картах эта река называется Гранатовой.

«Я подошел к ним. Здесь была часть команды «Эклипса» и несколько русских матросов с «Вайгача» и «Таймыра». В первых числах июня 52 человека команды ледоколов пришли пешком на «Эклипс» и дожидались меня. Они очень обрадовались, увидев меня, стали качать и стрелять из винтовок».

Оказалось, что Гидрография неточно указала Бегичеву местонахождение «Эклипса». Судно стояло не у мыса Штеллинга, а в нескольких километрах от него к юго-западу — у мыса Вильда.

«*5 июля* утром я приехал на оленях на «Эклипс». Он стоял во льду. Я поднялся по трапу и пошел на корму, где собралась вся судовая администрация. Я представился Свердрупу и остальным. Здесь были три русских морских офицера с «Таймыра» и «Вайгача» — лейтенант Гельшерт, лейтенант барон фон Транзе и инженер-механик капитан 2-го ранга Александров. Я передал почту и показал Свердрупу свою инструкцию. Тут же меня пригласили в кают-компанию и дали телеграмму по радио на ледоколы, что я пришел с оленями к «Эклипсу». Я остался на судне, а самоедов отправил к своей палатке, где пасутся олени. Вечером Вилькицкий телеграммой поздравил меня с переходом тундры. Они считали это невыполнимым.

6 июля. На другой день Вилькицкий телеграммой просил меня, чтобы я на оленях пришел к нему, т. е. чуть ли не к мысу Челюскина, и привез почту. Я ответил, что это невозможно выполнить. До них расстояние по прямой линии около 300 верст, да на пути большая река Таймыра, через которую мне переправиться с оленями едва ли возможно. Он опять дал телеграмму, требуя, чтобы я пришел. Тогда я сказал Свердрупу, что со мной сейчас есть сто оленей и дней через пять придет моя вторая партия, у которой есть еще 900 оленей. У меня моих собственных 20 оленей, я беру их и возвращаюсь обратно. Самоеды же, если хотят оставаться в вашем распоряжении, то это их дело. Я пришел не развозить почту, а спасать людей, о чем говорит имеющаяся у меня инструкция. Свердруп дал телеграмму Вилькицкому. Тот ответил, наконец, чтобы я взял с «Эклипса» его команду и шел бы своим путем. Тогда я предложил офицерам и команде, чтобы они готовились к выходу, сам же пошел пешком к своей палатке, приготовить для погрузки провизию и нарты. Вторая моя партия еще не пришла. Я пошел пешком ей навстречу. Проходил три дня, но не нашел, вернулся обратно. 13 июля мы приехали с нартами на судно. Здесь погрузили провизию, палатки все необходимое в дороге. Нарты я отправил к своей палатке, а сам остался на «Эклипсе». Свердрупу я сказал: у меня сейчас только сто оленей и на них мы выедем. По дороге я встречу свою вторую партию. Там переменю оленей и на свежих оленях мы пойдем быстрей. Вечером 15 июля я и со мной

50 человек команды «Таймыра» и «Вайгача» с двумя офицерами Гельшертом и Александровым вышли от «Эклипса» пешком к палатке. Там запрягли оленей в нагруженные нарты, а сами пешком пошли на юг».

* *
*

Через два дня отряд подошел к реке Лидии и, без особых приключений переправившись через нее, остановился на дневку. Пока люди и животные отдыхали, Бегичев ездил в тундру искать аргиш Кузнецова, но вернулся ни с чем. Лишь 19 июля, двигаясь вверх по течению реки Лидии, удалось напасть на следы переправы аргиша через реку.

«По дороге было видно, — пишет Бегичев, — что они прошли с неделю тому назад. Направление их было почти на восток. Догонять и искать их — бесполезно. Я решил продолжать путь дальше на своей сотне оленей».

Как выяснилось впоследствии, Кузнецов, получив через Чуту письмо с указанием, куда итти от реки Лидии, не умея обращаться с компасом, взял не истинный, сообщенный Бегичевым курс — NO 68°, а компасный. В результате аргиш отклонился на 70 верст северо-восточнее «Эклипса», дойдя до залива Миддендорфа. Только тут, увидев в подзорную трубу мачты «Эклипса» далеко позади, Кузнецов понял свою ошибку. На судно он прибыл через 9 суток после отъезда Бегичева.

На следующий день, 20 июля, отряд Бегичева тронулся дальше. Все моряки, кроме больных, шли пешком, делая в день по 20—25 верст. Пока Бегичев с ямщиками занимался ловлей и запряжкой оленей, моряки уходили по заданному направлению вперед. В пути аргиш их обгонял и, когда, наконец, партия прибывала на новое место, там уже для них стояли палатки и варилась пища. Взятый с судов запас продовольствия быстро таял, но выручала охота: на стоянках и по дороге моряки охотились на диких оленей и линных гусей.

27 июля, на 12 день пути от «Эклипса», отряд подошел к хребту Быррапга. Кончились сухари. Теперь приходилось питаться одним мясом и дичью. Олени, измученные трудной дорогой, ели брели. Несколько животных пришлось бросить в тундре. К счастью, 30 июля отряд встретил группу оленеводов, посланных авамским старостой Качадо на помощь Бегичеву. Прибывшие сообщили, что лодки доставлены и ждут у устья Тореи. Обменяв у оленеводов своих оленей, отряд продолжал путь и через один переход достиг стоянки Качадо, где староста со своими сородичами промышлял диких оленей и линных гусей. Получив от него свежих животных, отряд 2 августа пришел к устью Тореи. Здесь находились достав-

ленные Дураковым четыре лодки. На этих лодках моряки поднялись вверх по Пясине до устья Агапы и оттуда на оленях 19 августа добрались до Гольчихи.

Главная задача экспедиции была выполнена.

* *
*

Распрощавшись в устье Тореи с моряками, Бегичев возвратился на стойбище Качадо. 4 августа, взяв у старосты 70 оленей и наняв трех ямщиков, Бегичев, как этого требовала инструкция, снова направился на побережье.

«*6 августа* встретил я Кузнецова и двух самоедов на сотне оленей. Это были люди из моей второй партии. Они подошли к «Эклипсу» через 9 дней после моего ухода. Свердруп послал их мне на помощь, но они опоздали. Оленей, на которых шел Кузнецов, и вновь нанятых мною ямщиков я отправил к Качадо, а сам с Кузнецовым и его двумя спутниками-самоедами пошел обратно на мыс Вильда».

15 августа Бегичев приехал на мыс Вильда, где ожидал его Иванов с аргишем. Но «Эклипса» уже не было. Только знак из плавника, обложенный камнями, и высокий крест над могилой кочегара «Вайгача» Мячина, свидетельствовали о недавнем пребывании здесь экспедиции.

Иванов передал Бегичеву письмо Свердрупа. Норвежец извещал Никифора Алексеевича, что 11 августа «Эклипс» ушел в плавание. Ледоколы освободились из ледяных оков намного раньше, но у острова Герберштейна [1] «Таймыр» сел на камни. Положение корабля серьезное. Свердруп пошел на Диксон за углем для ледоколов. Бегичеву же предписывалось к 1 октября быть в бухте Колин-Арчер с оленями на случай, если Вилькицкий не сможет сняться с камней и вынужден будет бросить суда. Предполагалось, что экипажи ледоколов доберутся на шлюпках до бухты Колин-Арчер и оттуда на оленях Бегичева выедут до населенных мест.

Долго стоять с оленями у мыса Вильда, Бегичев не мог: не было хороших кормов. Кроме того, для перевозки людей следовало капитально отремонтировать нарты, порядком износившиеся. Поэтому 17 августа Бегичев с аргишем переехал на восточную сторону бухты Воскресенского, предполагая вернуться на мыс Вильда в последних числах августа. На берегу он оставил палатку и кое-какие пожитки. О своем местонахождении Бегичев написал записку и вложил ее в знак мыса Вильда.

Раскинув лагерь в бухте Воскресенского, Бегичев со своими спутниками занялся изготовлением нарт. Материала

[1] Точнее на 76°25′ северной широты и 97°12′ восточной долготы.

Группа моряков ледокольных пароходов „Таймыр" и „Вайгач" на палубе „Эклипса" перед отправкой на материк. В первом ряду (справа) — Н. А. Бегичев.

Фото Л. М. Старокадомского.

хватало: по берегу было навалено много плавникового леса. С помощью топора, ручной пилы и самодельных узких трехгранных ножей, изготовленных из старых напильников, нганасаны ловко справлялись с привычным делом. Сначала из подходящего бревна топором вытесывались болванки полоза, а затем ножом выстругивались полозья нужных размеров. Тем же ножом высверливались гнезда для копыльев, вырезались бойки, вязки, челаки. Нарты собирались без единого гвоздя и шурупа. Скрепленные деревянными шпильками, они получались достаточно прочными для длительного пути. За десять дней ямщики поставили на ход 25 больших зимних нарт и 20 легких. Теперь у Бегичева было до 70 нарт — количество, достаточное для вывоза всех моряков..

* *
*

28 августа Бегичев с аргишем откочевал обратно к мысу Вильда и на следующий день на легкой санке поехал на оконечность мыса.

Еще издали он заметил, что на вершине знака развевается по ветру белый флаг. Без него здесь побывали моряки. Оставленная Бегичевым записка отсутствовала, а на ее месте в стеклянной банке, привязанной к знаку, лежали личное письмо Вилькицкого и официальное предписание.

В письме Вилькицкий сообщал, что «Таймыр» благополучно снялся с камней и теперь торопится в Архангельск. «Как ни желательно мне, — писал Вилькицкий, — повстречаться с Вами, Никифор Алексеевич, я вынужден от этого отказаться, так как судно сильно течет и надо скорее выходить из льдов».

В предписании Бегичеву предлагалось ожидать на всякий случай на мысе Вильда до 14 сентября и лишь после этого уходить на юг. Таким образом, поездка в бухту Колин-Арчер отпадала. Провизию из бухты Колин-Арчер моряки взяли на суда, а склад на мысе Вильда предписывалось Бегичеву оставить неприкосновенным. Тут же сообщалось, что Свердруп стоит у острова Маркгама.

«Я был очень рад, — пишет Бегичев, — что суда вышли благополучно, да и мне не очень хотелось итти в бухту Колин-Арчер, до которой от мыса Вильда 140 верст».

В сущности можно было возвращаться домой, но Никифор Алексеевич решил все же задержаться на побережье на случай, если понадобится его помощь. В знаке он оставил записку, что до 1 октября будет стоять у мыса Приметного.

Отряд стал готовиться в обратный путь. Лишние 22 большие нарты Бегичев сложил в бухте Воскресенского, остальные нарты предусмотрительно загрузил плавником для отопления в дороге.

14 сентября аргиш направился обратно. Выпавший в первых числах сентября довольно глубокий снег растаял. Оленям пришлось итти по обнаженной тундре. Это сильно замедляло движение. Через три дня караван подошел к реке Лидии. Здесь остановились в ожидании наступления мороза и снега, чтобы напрасно не изнурять животных. 25 сентября внезапно зарядил мелкий пронизывающий дождь. Дождь шел двое суток. А еще через день, к великой радости Бегичева и его ямщиков, ударил мороз.

Тундра замерзла, отряд смог продолжать путь вдоль реки Лидии.

Найдя удобное место, аргиш благополучно переправился через реку. Близ устья реки бродило много белых медведей, видимо, привлеченных осенним ходом рыбы. Охота заняла целый день. Результат был исключительно хороший: Бегичев убил 8 медведей.

На следующий день Никифор Алексеевич, оставив своих товарищей отдыхать и разделывать шкуры убитых зверей, поехал на мыс Приметный посмотреть, не застряли ли где суда. Море до самого горизонта было чисто от льда.

Как ни дорог был теперь каждый день и час, Бегичев все же решил выдержать назначенный им самим срок ожидания и простоял у реки Лидии до 1 октября.

В этот же день аргиш направился к югу. Выпавший снег, установившаяся морозная погода, позволяли делать большие дневные переходы.

«Восьмым переездом, — пишет Бегичев, — дошли до устья Торей, где нас дожидались с оленями самоеды, и 14 октября достигли границы леса. Я рассчитался с некоторыми ямщиками и 19 октября поехал в Дудинку».

* *
*

Под вечер 26 октября 1915 года показались долгожданные огни Дудинки.

После многодневных мытарств по тундре, ночевок по курным чумам особенно приятно было возвращаться домой. Но семья находилась в Енисейске, а Никифору Алексеевичу следовало оставаться в Дудинке до получения дальнейших распоряжений из Петрограда.

Ответ пришел через месяц. Гидрография предлагала продать оставшееся имущество и представить отчет о расходах экспедиции. Хлопоты затянулись на всю зиму.

В Дудинке Бегичев узнал, что труды его и моряков, совершивших пешком огромный переход, проделаны напрасно. В начале сентября «Вайгач» пришел в Гольчиху и забрал на борт всех пешеходов.

Услышал Бегичев и другую новость. Летом этого, 1915 года на Диксоне побывала экспедиция под начальством Кушакова, которая доставила шестикиловаттную радиотелеграфную станцию, дома и уголь для ледоколов. Организация станции была предпринята Гидрографическим управлением на случай аварии или повторной зимовки ледоколов.

На острове были построены два дома, баня, угольный сарай, установлена 110-метровая радиомачта, смонтирована под руководством инженера-электрика Л. К. Леске приемно-передающая радиостанция. 5 сентября 1915 года с Диксона через радиостанцию Югорского Шара были переданы первые депеши в Петроград.

* *
*

Ликвидация имущества, расчеты с ямщиками заняли много времени. Лишь весной 1916 года Бегичев смог послать в Петроград отчет на 9 400 рублей и с первым пароходом выехать в Енисейск, к семье.

Медленно скрывались за кормой знакомые виды Енисея. Однообразные, плоские, обрывающиеся к реке берега, поросшие кое-где редколесьем, сменились девственной тайгой. Время от времени встречался на реке пароход, тянущий за собой неуклюжие баржи. Попадались рыбачьи лодки, собаки тащили их вверх по течению на бечеве. Временами пароход останавливался у штабелей сложенных на берегу дров. Тогда начиналась погрузка.

Давно позади остался Туруханск, Верхне-Имбатское, Подкаменная Тунгуска. Теперь вместо одиноких станков на берегу Енисея все чаще попадались обширные села. У Осиновских порогов пароход долго выгребал по извилистому фарватеру, среди шиверов. Наконец, ранним утром показались сначала золотые маковки енисейского собора, а затем и город.

Странная встреча ожидала здесь отважного полярника. Едва Бегичев ступил на пристань, как его арестовали. Ни уговоры, ни крутая боцманская брань не действовали на полицейских. Тщедушный пристав, затянутый в парусиновый китель, радостно крутился вокруг, потирая от удовольствия руки.

— Я тебе поговорю, мерзавец, — выразительно грозя сухоньким кулачком, попискивал он. — Лучше не бунтуй, плохо тебе будет.

Неизвестно, чем бы кончилась эта история, если б не исправник, примчавшийся на пристань. Оказывается, ретивый пристав принял Бегичева за бежавшего ссыльного, которого ждали в Енисейске с этим же пароходом. Арест Бегичева отвлек внимание полиции от истинного виновника переполоха, и тот скрылся.

Встреча спасательной партии П. А. Бегичева с моряками ледокольных пароходов „Таймыр" и „Вайгач".

Фото Л. М. Старокадомского.

Рассмотрев документы Бегичева, депеши начальника Гидрографии, исправник не на шутку струхнул.

— Чорт его знает, действительно, как-будто не тот, — глядя на разгневанное лицо арестованного, размышлял исправник. Излив на голову перестаравшегося пристава тысячи проклятий, исправник отпустил Бегичева с миром.

— Ошибочка произошла, господин Бегичев. Вы уж извините, перепутали дурачье. Хе-хе-хе... — лебезил исправник.

* *
*

Известие о возвращении Бегичева с далекого побережья облетело весь город. От гостей не было отбоя. Не преминул зайти проведать Никифора Алексеевича и «старый знакомый» — англичанин Пикок, когда-то ссудивший его деньгами. Хотя никаких денежных расчетов у Бегичева с англичанином не было (на следующий же год он рассчитался с ним), хитрый Пикок, приехав в Енисейск ловить в свои сети промышленников, счел нужным посетить «мужественного друга», как он величал Бегичева.

Англичанин оглушительно хохотал, похлопывал хозяина по плечу, расспрашивал об условиях промысла, усиленно предлагал финансировать организацию на Таймыре скупочной конторы.

— И ви будете ее боад оф — глава директории, — улещивал Пикок Никифора Алексеевича.

Туги были финансовые дела Бегичева, но он предусмотрительно отклонил все предложения хитрого англичанина.

Через несколько дней после приезда у дверей дома Бегичева появился тощий пристав. Получив, повидимому, изрядную взбучку, он заискивающе поклонился Бегичеву и протянул ему конверт. В нем лежала визитная карточка полковника Кушакова с приглашением притти на пароход «Лену».

Ветеринарный врач Кушаков принимал участие в экспедиции Седова к Северному полюсу в 1912—1914 годах на «Святом великомученике Фоке». После трагической гибели Седова Кушаков, считавшийся заместителем начальника экспедиции по хозяйственной части, формально возглавил эту экспедицию. Впоследствии он пытался присвоить себе все достижения Седова. Во всяком случае, плавание на «Святом великомученике Фоке» доставило ему репутацию «опытного» полярного исследователя, по крайней мере, в глазах нового начальника Гидрографического управления Жданко, недолюбливавшего «выскочку» Седова. Это мнение утвердилось еще больше после того, как Кушаков построил на Диксоне радиостанцию.

Сочтя, что надобность в существовании этой радиостанции отпала, Жданко предполагал ее упразднить, но в апреле 1916 года Гидрографическому Управлению было предложено организовать на Диксоне постоянную гидрометеорологическую станцию.

Этому во многом способствовали хлопоты (подкрепленные солидными кушами) главы «Сибирского акционерного общества пароходства, промышленности и торговли» Ионы Лида [1], заинтересованного в организации нормального судоходства к устьям сибирских рек.

Таковы были обстоятельства, предшествовавшие новому знакомству Бегичева.

Кушаков, самодовольный и напыщенный, принял Бегичева снисходительно-любезно. Он пригласил Никифора Алексеевича в каюту, рассказал, что едет на Диксон и с ним направляются на зимовку еще девять радиотелеграфистов.

— Мне предстоит провести там ряд серьезных научных работ, — барственно-небрежным тоном повествовал ветеринар. — И если вы пожелаете, то я готов вас взять с собой.

---

[1] «Сибирское акционерное общество пароходства, промышленности и торговли» было организовано незадолго перед первой мировой войной. Во главе его стоял небезызвестный в те годы в Сибири крупный капиталист англичанин Джон Лид. «Общество» располагало солидным капиталом, имело поддержку в правящих кругах России. В нем принимали участие и были его пайщиками: крупный золотопромышленник и городской голова Енисейска, член IV Государственной думы Степан Востротин, английские, норвежские и русские капиталисты. Ловкий делец Лид сумел привлечь к этому делу даже Фритьофа Нансена. С чисто рекламными целями Лид организовал в 1913 г. поездку Нансена «в страну будущего».

В 1913 г. предпринимаются кое-какие шаги по улучшению условий плавания в Карском море, в частности, постройка радиостанции на Югорском Шаре, успешно содействовавшая впоследствии организации помощи «Таймыру» и «Вайгачу».

В 1914 г. за несколько часов до объявления войны Лиду удалось вывезти из Германии купленные там «Обществом» четыре речных парохода и две баржи, которые были доставлены на Енисей. Два морских парохода, сопровождавшие их, также благополучно возвратились с грузом льна, пеньки, сала и т. п.

В 1915 г. «Общество» вывезло из Сибири сырья уже на 2 миллиона долларов, сумму, в два раза превышавшую основной капитал «Общества». Понятно, что существование на Диксоне гидрометеорологической радиостанции могло бы только способствовать успеху экспортных операций «Общества», и Лид не скупился на щедрые подарки соответствующим сановникам.

В 1916 г., несмотря на запрещение русского правительства экспорта сырья за границу, Лиду делается исключение. Он пригнал из Англии на Енисей пароход с полным грузом европейских товаров и вывез сибирское сырье. На обратном пути этот пароход был затоплен немцами. Лид, выгодно застраховав пароход и груз, убытка не понес.

Позже, во время колчаковщины, Лид пытался возобновить свою хищническую деятельность в Сибири, но безуспешно. Сибирь и ее богатства перешли в руки подлинных хозяев — рабочих и крестьян, разгромивших Колчака.

Тон, каким это было сказано, и манера Кушакова держаться не понравились Бегичеву. Умудренный житейским опытом, он сразу же определил, что это за человек, и наотрез отказался от предложения. Кушаков продолжал уговаривать. Никифор Алексеевич все ждал, что Кушаков скажет ему что-нибудь о деньгах, причитающихся ему от Гидрографии, но тот избегал этой темы.

Наконец, Бегичев сам задал ему вопрос о расчетах по прошедшей экспедиции. Кушаков, как бы спохватившись, сказал:

— Да, я было запамятовал. Генерал поручил мне узнать у вас, почему вы оставили в тундре двадцать две нарты и не взяли их с собой. Из-за этого ваш отчет Гидрография не может принять...

Бегичева взорвало. Он резко встал и решительно заявил:

— Вот что, ваше высокоблагородие, нарты я делал сам из плавника и бросил потому, что незачем было бесцельно тащить такую тяжесть в лес.

— Я понимаю, Никифор Алексеевич, я сам бывал на севере, знаю, что порой приходится все бросать, но знаете ли, казенное имущество...

Это еще больше рассердило Бегичева. Шагнув к Кушакову (от чего ветеринар испуганно попятился), гость, отбросив прежнюю сдержанность, всердцах выругался:

— А ну их всех к чорту! Раз Гидрография имеет ко мне претензии, то я отказываюсь от обещанного мне вознаграждения. Все пожитки свои распродам, сам рассчитаюсь с самоедами. Так и передайте его превосходительству генералу Жданко.

— Что вы, что вы, Никифор Алексеевич, — испуганно лопотал «их высокоблагородие», уставившись на разгневанного гостя. — Вы на меня не сердитесь. Я здесь не при чем. Не стоит беспокоиться из-за пустяков. Составьте на нарты акт и пошлите в Гидрографию.

— Никаких актов я посылать не буду. Ну их всех...

Кушаков не расслышал окончания фразы. Тяжелые шаги Бегичева раздавались уже на палубе.

* *
*

Надежды на скорое получение денег рухнули, нужны же они были дозарезу. Небольшие сбережения, накопленные рачительной Анисьей Георгиевной, быстро таяли. Популярность дорого обходилась Бегичевым. От гостей, прослышавших, что Никифору Алексеевичу предстоит получить крупные суммы, не было отбоя. Песцов, медвежьи шкуры пришлось продать Пикоку. Поэтому, когда на пороге опять появился знакомый вестник — ретивый пристав — с приглашением пожаловать на

Енисейск в начале XX века.

пароход, на этот раз к губернатору, Бегичев немедленно отправился на пристань. «Может вопрос с деньгами, наконец, разрешится», — думал он.

Енисейский губернатор Гололобов с интересом разглядывал Бегичева, о котором так много слышал. Еще бы! Перед ним стоял прославленный следопыт, храбрый охотник, которому все нипочем. Его знали в Петрограде, о нем писал Нансен.

Губернатор соизволил снизойти до разговора с этим богатырем. «Его превосходительство» интересовался подробностями последней экспедиции, расспрашивал, не страшно ли было, много ли белых медведей убил Никифор Алексеевич. Не преминул спросить, не дворянин ли Бегичев и каких удостоен наград. Услышав, что этот бравый молодец всего лишь царевский мещанин, хотя и георгиевский кавалер, да еще имеющий золотую медаль за свои экспедиции, «их превосходительство» пожелали быть великодушным.

— А какую бы ты, братец, хотел получить награду за свою последнюю экспедицию?

— Пусть в Петрограде сами оценят мой труд, ваше превосходительство. Им лучше знать, — уклончиво ответил Бегичев.

— Петроград — Петроградом, а здесь в губернии я решаю. Я, братец, сам желаю тебя наградить и представляю тебя к званию почетного гражданина города Енисейска. Что ты скажешь на этот счет?

Как ни лестно это было, но Никифора Алексеевича мало устраивала столь платоническая награда. Ему стало ясно, что денег за труды получить скоро не предвиделось. Ничего не ответив на «великодушие» губернатора, он ушел.

Действительно, деньги Гидрография прислала спустя лишь несколько месяцев, да и то всего две тысячи рублей.

В связи с войной все непомерно вздорожало, и если год назад эти деньги имели какую-то ценность, то теперь они значили очень мало.

«Я собственных денег издержал больше, — сетовал в своих дневниках Бегичев, — но наперед надо быть умным. Следовало не ждать, когда тебе учреждение положит за твой труд, а во время переговоров и снаряжения экспедиции сказать, что я прошу вознаграждения десять тысяч, и дали бы, потому что посылать было необходимо, а охотников итти в такие места найдется мало».

Глава девятая

ПОИСКИ НОРВЕЖЦЕВ

Летом 1917 года Никифор Алексеевич переехал с семьей в Дудинку. Оставив здесь жену с детьми, он отправился с Егором Кузнецовым в низовья Енисея запастись рыбой и линными гусями.

Промысел был исключительно удачен. Охотники не только обеспечили свои семьи на зиму запасом рыбы и гусятины, но значительную толику выгодно обменяли на муку и другие необходимые предметы.

С установлением санного пути Никифор Алексеевич уехал в тундру настораживать пастники. Но его беспокойную натуру уже волновало новое предприятие — поход на север Таймыра, на Таймырское озеро, и оттуда за хребет Бырранга. Это желание зародилось много лет назад, после встречи с академиком Чернышевым.

В беседе с Бегичевым маститый ученый обмолвился, что посещение Таймырского озера, самого большого озера Арктики, на берега которого со времен Миддендорфа не ступала нога исследователя, и в особенности хребта Бырранга, где еще никто не был, представляет большой интерес для науки. Вопрос упирался в деньги. Надежды заработать промыслом средства, нужные для организации экспедиции, не оправдывались: год вышел «неурожайным».

Эти годы — самая глухая пора жизни Бегичева, о которой он в своих записях совсем не упоминает.

В это время в России происходили исторические события. Свершилась Великая Октябрьская революция. Рабочие и крестьяне, возглавляемые Лениным и Сталиным, взяли в свои руки судьбы родной страны. Отзвуки революционной бури достигли и далекой северной окраины. В жизни Севера назревали великие перемены.

Геологи, приехавшие весной 1918 года в Дудинку, рассказали о том, что советское правительство организует грандиозную гидрографическую экспедицию, которая займется исследованием всего северного побережья от Белого до Охотского моря. Этой экспедиции передавались ледоколы «Таймыр», «Вайгач», «Соловей Будимирович», много пароходов, лихтеров, парусно-моторных ботов. Вскоре на Енисей и Обь должны были притти из Архангельска первые советские пароходы. Для промеров и встречи этих судов уже снаряжались портоизыскательские партии.

Начальником формировавшегося в Архангельске западного отряда гидрографической экспедиции назначен Вилькицкий. Бегичев решил напомнить ему о себе. Письмо уже было написано и ожидало лишь оказии для отправки, когда новые события, разыгравшиеся в стране, разрушили все планы Никифора Алексеевича: интервенты напали на Советскую Россию.

Англо-французские войска высадились в Архангельске и Мурманске. Интервенты захватили суда и часть имущества гидрографической экспедиции. Молодая Советская республика, начав священную освободительную войну против интервентов, вынуждена была временно свернуть исследовательские работы в Арктике.

В навигацию 1918 года «Таймыр» и «Вайгач» пришли на Енисей. Их привел Вилькицкий, переметнувшийся на сторону врагов России. По заданию интервентов Вилькицкий пришел устанавливать радиостанции в Усть-Порту и Дудинке. Но из этого ничего не получилось. В Енисейском заливе, у Ефремова Камня, «Вайгач» потерпел крушение и затонул. Вилькицкий снял команду с аварийного судна и поспешил вернуться обратно в Архангельск.

В начале осени в Дудинку неведомыми путями проникла еще одна необычайная весть. В первых числах сентября на Диксоне, якобы, побывала и затем ушла в Арктику шхуна Амундсена «Мод». Куда и зачем она отправилась — никто толком не знал. О ней вскоре забыли и вспомнили лишь спустя два года...

* *
*

Никогда еще, кажется, не видела Дудинка такого наплыва новых людей, как летом 1920 года.

Почти сразу же за льдом мимо села прошел гидрографический бот «Полезный». Командир не стал подходить к берегу, а, вызвав лодку и передав почту и газеты, поспешил дальше вниз, к устью. Неделю спустя у Дудинки остановился пароход с баржей, наполненной людьми. Это ехали в Усть-Порт

строители. До прибытия идущих туда из Архангельска пароходов они должны были построить причалы и дом для радиостанции.

Часть людей сошла в Дудинке. Ими распоряжался высокий, худощавый молодой человек в поношенной куртке студента-горняка. Это был начальник геологической партии Урванцев. Он прибыл обследовать Норильские угольные месторождения, расположенные в нескольких десятках километров к востоку от Дудинки.

С геологами прибыла партия изыскателей инженера путей сообщения Львова. Путейцам предстояло произвести изыскания для постройки железной дороги от Дудинки до Норильска.

Вскоре «сверху» стало прибывать самосплавом по одной, по две баржи с грузами Енисейского губернского союза кооперативов. Кооператоры привезли муку, сушку, охотничьи припасы, табак, кирпичный чай и другие товары, которых давно уже не получали жители тундры.

В середине августа мимо Дудинки прошел еще один караван. Впереди дымил знакомый всем енисейцам пароход «Орел», волочивший за собой на буксире лихтер и баржу. Несколько поодаль шлепала колесами «Ангара» с парой лихтеров и баржей. Они везли в Усть-Порт лен и пушнину для передачи их кораблям Первой Карской экспедиции [1].

Бегичев с интересом наблюдал за происходившим вокруг, приглядывался к приезжим. Ему хотелось примкнуть к любому из этих отрядов изыскателей или отправиться с кооператорами в тундру налаживать там фактории. Но предлагать свои услуги Бегичев не стал: мешало самолюбие.

Но когда возвращавшиеся из Усть-Порта пароходы сгрузили в Дудинке оборудование для радиостанции, он отбросил самолюбие и первый вызвался помогать радиотелеграфистам.

Как и все дудинцы, Бегичев с нетерпением ожидал момента, когда Дудинка услышит радио. События, происходившие в стране, вызывали огромный интерес и здесь, у людей, раньше весьма равнодушных к политике.

Но еще до того как радистам удалось запустить станцию и принять первую депешу, пришла весть, всколыхнувшая всех и, прежде всего, Никифора Алексеевича.

В сентябре, уже почти перед самым ледоставом, у Дудинки остановился гидрографический бот «Иней», шедший с ни-

---

[1] Первая Карская экспедиция — так называлась морская операция, проведенная советским правительством в 1920 году с целью вывоза из Сибири излишков хлеба для снабжения голодающего населения европейской части республики. В ней участвовало около сорока морских и речных судов. В результате успешно проведенной операции из устья Оби и Енисея было доставлено в Архангельск, Мезень и другие пункты свыше 10 тысяч тонн хлебных грузов.

зовий. На нем приехал заместитель председателя Комитета Северного морского пути [1]. Первое, что спросил приезжий, сойдя на берег, это — где найти Бегичева.

Вот тогда Никифор Алексеевич и узнал, что на Диксоне стоит норвежская шхуна «Хеймен», которая разыскивает своих соотечественников — Тессема и Кнудсена — участников экспедиции Амундсена на «Мод». Амундсену, предполагавшему повторить на «Мод» дрейф «Фрама» через Полярный бассейн, в 1918 году не удалось пройти дальше мыса Челюскина и он там зазимовал. Собрав за время зимовки обширный научный материал об этом малоисследованном районе, Амундсен решил отправить отчеты на родину. Два участника его экспедиции — Тессем и Кнудсен — вызвались доставить почту на остров Диксон и оттуда в Норвегию. Проводив «Мод», они остались на зимовке, чтобы затем самим отправиться в путь. И вот уже больше года об их судьбе нет никаких известий, так как на Диксон норвежцы не пришли.

Об исчезновении Тессема и Кнудсена в Норвегии узнали лишь в марте 1920 года, когда Амундсен, вторично зазимовав у острова Айон, послал через русскую радиостанцию в Анадыре отчет о своем плавании. По настоянию Нансена и Свердрупа норвежское правительство предприняло кой-какие меры для организации поисков пропавших моряков. От имени Королевского департамента церквей и просвещения Свердруп заключил контракт с частной фирмой Хеймен, которая взялась за кругленькую сумму — 28 тысяч крон — отправить на поиски маленькую парусно-моторную шхуну.

Поисковая экспедиция решила посетить остров Диксон, селение Гольчиху и, в случае отсутствия там сведений о Тессеме и Кнудсене, обследовать побережье Карского моря между островом Диксон и мысом Вильда.

23 августа 1920 года шхуна «Хеймен» пришла на Диксон. Сотрудники радиостанции ничего не знали о судьбе пропавших норвежцев. Два рейса шхуны к мысу Вильда и в Гольчиху остались безрезультатными. У мыса Вильда, почти у самой цели, шхуна встретила льды. Возглавлявший экспедицию на «Хеймене» Уле Гансен, действуя по инструкции департамента, запрещавшей входить в лед, повернул обратно. В Гольчихе о судьбе их соотечественников также не было никаких сведений. Считая свою миссию законченной, экспедиция 11 сентября направилась в Европу, но, отойдя около ста миль от Диксона, из-за порчи судового двигателя должна была вернуться и зазимовать на Диксоне.

---

[1] Комитет Северного морского пути (Комсеверопути) при Сибревкоме был организован 20 апреля 1920 года. Согласно Положению о Комитете на него было возложено всестороннее оборудование, усовершенствование и изучение Северного морского пути.

Тимофеевский — начальник станции на Диксоне — предложил теперь другой вариант: начать обследование побережья по суше. Он запросил об этом Сибревком.

* *
*

Приблизительно через месяц после ухода на юг «Инея» заработала дудинская радиостанция, и одна из первых принятых ею телеграмм была адресована Бегичеву. В ней начальник станции Диксон Тимофеевский просил Бегичева подтвердить свое согласие на организацию санной экспедиции, данное в свое время заместителю председателя Комсеверопути. Никифор Алексеевич ответил утвердительно, напомнив Тимофеевскому о необходимости ускорить решение этого вопроса, чтобы успеть заранее договориться с кочевниками о выделении ямщиков и оленей. Но Тимофеевский пока что ничего утвердительного ответить не мог; вопрос об организации сухопутных поисков решался правительствами обоих государств.

12 октября 1920 года радиостанция острова Диксон приняла телеграмму на норвежском языке, адресованную капитану шхуны:

«Диксон. Хеймен. Якобсену.

Если зимовка будет необходимой, приготовьтесь собаками или другим путем весной 1921 года достигнуть мыса Вильда, для чего наймите или купите собак. Депо устройте заранее.

Норвежское правительство»[1].

В тот же день последовал ответ:

«Христиания. Норвежскому правительству.

Телеграмма получена. Остались здесь на зимовку. Сведений о Кнудсене и Тессеме нет. Будем требовать нанять собак или оленей для экспедиции. Все благополучно.

Ларс Якобсен».

Тимофеевский принял горячее участие в попытках норвежцев организовать санную экспедицию, но никакими транспортными средствами он не располагал: ни на Диксоне, ни в окрестностях оленей и собак не было. Предпринимать же столь далекую поездку на единственной упряжке, имевшейся на станции, было невозможно. 15 октября Тимофеевский радировал в Омск Комсеверопути:

[1] Телеграфная переписка Якобсена с норвежским правительством, переводы, а также все документы, касающиеся истории советско-норвежской экспедиции по поискам Тессема и Кнудсена, цитируются по архивным материалам (Архив Главсевморпути, дело № 21-а научного отдела Комсеверопути за 1922 г., опись № 1, связка № 5).

«Зимующая на Диксоне норвежская экспедиция по отысканию спутников Амундсена получила распоряжение норвежского правительства самостоятельно нанять оленей и следовать к мысу Вильда. Начальник экспедиции Гансен обращается к вашему содействию [сделать] все зависящие распоряжения в Дудинку Бегичеву и организовать оленью экспедицию за счет норвежского правительства. Лично Бегичев берется итти, но ему необходимо официальное распоряжение. Прошу не отказать телеграфировать результаты запроса.

Тимофеевский».

Комитет Северного морского пути немедленно информировал о предложении норвежцев Наркоминдел. В середине ноября 1920 года министерство иностранных дел Норвегии подтвердило свое согласие на организацию санной экспедиции, одновременно дав предписание Якобсену «законтрактовать оленей по дешевой цене» (Телеграмма от 20 ноября 1820 г.).

В свою очередь Наркоминдел направил в Омск следующее письмо:

«В Сибирский Революционный комитет

(Комитет Северного морского пути)

На № 5441 Наркоминдел сообщает, что он с интересом осведомился о положении вопроса спасения Кнудсена и Тессема. Правительство РСФСР по соображениям как гуманитарного, так и политического характера считает необходимым оказание соответствующего содействия норвежскому правительству в деле розыска упомянутых лиц.

Ввиду этого Наркоминдел просит в будущем оказывать возможное содействие экспедиции Гансена на шхуне «Хеймен», каковая была послана с согласия Правительства РСФСР. НКИД также полагает, что привлечение к этому делу т. Бегичева является вполне целесообразным и просит держать его в курсе дальнейших мероприятий (а равно и результатов последних), связанных с настоящим делом» [1].

Пока шла переписка, Никифор Алексеевич съездил на Авам, чтобы предварительно договориться со старостой авамской управы Качадо о транспортных оленях. Качадо долго отнекивался, жалуясь, что «оленчик совсем пропал, худой да худой». Но Бегичев не отступал. Он понимал: не уломав Качадо, возглавлявшего самую многочисленную управу, нечего было думать достать нужное количество животных. Кроме того, некоторые ямщики, сопутствовавшие ему во время прошлой экспедиции на мыс Штеллинга, принадлежали к этой управе, и их нельзя было привлечь без разрешения Качадо.

[1] Письмо экономическо-правового отдела Наркоминдела № 4255/эк от 2 декабря 1920 г.

Переговоры затруднялись еще и тем, что Бегичев не мог назвать Качадо ни точного маршрута, ни условий оплаты за работу ямщиков и за оленей. Но, наконец, после многочасовых переговоров Никифору Алексеевичу все же удалось добиться предварительного согласия. Теперь оставалось главное — получить подтверждение Комсеверопути. Оно вскоре пришло.

Поздно вечером 23 декабря, когда вся семья уже спала, в дом Бегичева постучался начальник радиостанции Бушин и подал Никифору Алексеевичу следующую депешу:

«Дудинка, Бегичеву, копия Тимофеевскому.

Войдите через Тимофеевского в соглашение с норвежцами шхуны «Хеймен», зимующей на Диксоне, о сухопутной экспедиции на поиски Кнудсена и Тессема этой весной. Примите участие как в организации, так и выполнении ее по примеру 1915 года. Со стороны Советреспублики вам будет оказано содействие.

Комсеверопути. НР 6238»

Почти до утра просидел Никифор Алексеевич с Бушиным и Егором Ивановичем Кузнецовым, обсуждая план экспедиции. В результате этого совещания была составлена телеграмма Тимофеевскому:

«Согласно радиотелеграммы Комсеверопути № 6238 прошу войти переговоры норвежцами. Я согласен снарядить экспедицию на поиски Кнудсена и Тессема. Первое: узнать маршрут пути, продовольствие для людей, обувь, одежду, оружие, вознаграждение, время выхода. Нужен ли заход Диксон, путь к которому более тяжелый. Второе: обеспечить мою семью на время моей отлучки топливом, освещением, продовольствием. Желательно переговоры закончить скорей: мне необходимо выехать на Авам собирать оленей, заготовить нарты, найти людей.

Бегичев».

Не ожидая ответа, Бегичев послал с Кузнецовым письма к старостам управ. Он просил их подыскать опытных пастухов, выделить 500 голов рабочих оленей и изготовить 25 легких нарт, известив при этом, что о подробностях приедет договариваться сам.

На второй день нового, 1921 года пришел ответ с Диксона. Тимофеевский сообщал план поисков, согласованный с норвежцами. Согласно этому плану, Бегичев должен был взять с Диксона двух норвежцев — капитана Якобсена с переводчиком, матросом Карлсеном — и итти с ними к мысу Вильда. Путь от Диксона до мыса Вильда предоставлялся на усмотрение Бегичева, но направление обратного пути Якобсен, в зависимости от результатов поисков на мысе Вильда, вправе был изменить. В связи с тем, что Тессем и Кнудсен могли пойти

по другому маршруту, Бегичеву следовало произвести расстановку оленных партий в южном направлении от мыса Вильда до Гольчихи. Маршрут поисков Бегичеву с норвежцами предстояло решить на мысе Вильда, где Тессем и Кнудсен, по уговору с Амундсеном, должны были оставить письмо.

Время выхода партии предлагалось на усмотрение Бегичева, но с таким расчетом, чтобы норвежцы могли вернуться на Диксон до начала навигации.

Продовольствие, оружие, некоторое снаряжение частично будут взяты со шхуны «Хеймен», частично отпущены Тимофеевским из запасов станции. Размер вознаграждения Бегичев должен был установить сам и об этом известить.

Никифор Алексеевич предложил Якобсену приехать в Дудинку, чтобы начать движение к мысу Вильда с Авама напрямик через тундру, но Якобсен категорически отказался. Это намного осложняло задачу, так как теперь отряду Бегичева предстояло делать большой крюк к Диксону, причем по местам, лишенным оленных кормов.

Выяснив маршрут, Никифор Алексеевич вновь отправился в тундру. Его предварительные наметки оказались правильными: для работ партии требовалось не менее 500 рабочих оленей. Окончательно договорившись с Качадо о цене, сроках и месте сбора оленей, Бегичев поспешил возвратиться в Дудинку.

Здесь его ожидал новый «сюрприз»: контора Губсоюза, хотя и получила предписание обеспечить экспедицию всем необходимым, все же задерживала выдачу нужных предметов. Вопреки указаниям Сибревкома об открытии Бегичеву кредита, кооператоры требовали уплаты наличными деньгами. Переведенные Бегичеву на расходы по экспедиции деньги — миллион рублей — дудинская почта выплатить не могла: нехватало денежных знаков. На помощь Никифору Алексеевичу пришли жители Дудинки. Сотрудники радиостанции, охотники, рыбаки отдали все свои наличные деньги, и на них Бегичев смог выкупить нужное снаряжение.

Переписка с Омском, Диксоном, Туруханском, хлопоты, возня, множество разных забот продолжались до марта. Конец им положило приближение весны. Медлить дальше было нельзя.

1 апреля выехал вперед на нескольких нартах Егор Кузнецов, а через 12 дней отправился и Бегичев с третьим русским участником экспедиции — Григорием Кайдаловым.

* *
*

20 апреля Бегичев прибыл на стоянку нганасана Чуты. Там его уже ждал Кузнецов с грузом. Контракция шла медленно. Пока было арендовано всего лишь полтораста голов — меньше

одной трети нужного количества. Бегичев собрался было ехать разыскивать Качадо, как тот явился сам.

«Я спросил его, — записал Бегичев в своем дневнике, — почему они до сих пор не собрали оленей. Он ответил, что его орда не слушает и не дает оленей. Тогда я ему сказал: если через неделю не будут олени, то я бросаю все и иду в Дудинку».

Через несколько дней Качадо пригнал всех оленей.

Можно было бы уже отправляться, но внезапно налетела пурга, затянувшаяся на несколько суток. Она разогнала по тундре оленей и занесла снегом груженые нарты. Пришлось разыскивать в тундре стадо, раскапывать имущество. Это заняло еще трое суток, и только 3 мая аргиш смог двинуться в путь.

По опыту предыдущей экспедиции, зная как много лишнего времени отнимает езда большим стадом, Бегичев поспешил разделить аргиш на два отряда. Первый отряд с Кузнецовым, Кайдаловым и шестью проводниками под начальством Бегичева на 300 оленях взял курс на Диксон; второй отряд, состоявший из ямщиков нганасан Чуты, Конде и Мунки, с двумя сотнями оленей, Бегичев направил через хребет Быррапга к полуострову Михайлова. Там они должны были его ждать.

19 мая в полсотне верст от устья реки Пуры Бегичев снова разделил свой отряд. Отобрав 107 оленей, он с Кузнецовым, Кайдаловым, Ките, Мужи и Лопшере продолжал путь на Диксон, отправив Юраку с остальными ямщиками и оленями к устью Пуры. Там им следовало подкормить ослабевших животных и ожидать его.

Тяжело достался этот переход на Диксон. Бескормица и пурга изнуряли животных. Почти ежедневно Бегичеву приходилось бросать в тундре обессилевших оленей.

Новичок в тундре ни за что не отличит оленей друг от друга: так они похожи между собой. Но Бегичев и его ямщики, по рисунку рогов, по цвету шерсти, наконец, по родовому «тамгo» — клейму, выжженному на шкуре животного, легко узнавали, кому принадлежит каждый олень. Чтобы не спутаться в расчетах с владельцами оленей, Бегичев старательно отмечает в своем дневнике, чьи животные брошены.

22 мая отряд переехал большое озеро Шолбота. «Ехал северной стороной озера 15 верст, — пишет Бегичев. — Стали. Пройдено 40 верст. По дороге бросили двух оленей Тынкова и Сахара. Моху нет. Пурга. Ветер южный».

Пурга продолжалась и на следующий день. Поневоле пришлось дневать. К вечеру ветер перешел к северо-востоку. «Корм плохой, чтобы олени не ушли, пришлось подкармливать мхом, привезенным с Авама в мешках».

Больше стоять здесь было невозможно. Несмотря на продолжавшуюся пургу, ямщики с утра поехали искать разбредшихся по тундре оленей. К полудню стадо собрали, но пурга не утихала. Решили все же ее пережидать. Олени тем временем опять разбрелись. В 6 часов вечера снова отправились сгонять стадо и только в 10 часов тронулись дальше. «Идем речкой Кось. В 1. 15 стали. Ходу было 3 часа. Пройдено 20 верст. По дороге бросили двух оленей Нолтома и Чопки. Моху нет. Снежный забой. Стоим у Станового хребта».

Кайдалов умудрился во время стоянки у озера потерять последний топор. Получив от Бегичева нагоняй, Кайдалов, пока все спали, вздумал отправиться пешком назад к озеру на поиски топора.

Уже собрали оленей и можно было бы ехать дальше, но Кайдалов все еще не возвращался. Пришлось послать за ним Мужу. «Я сделал ему выговор, чтобы он не ходил пешком, а то заплутается», — заносит Бегичев в дневник. И действительно, опасность в этом была. По возвращении Кайдалова началась сильная пурга. Отряд смог выехать только в девятом часу вечера.

«Пошли на NW 79°. Зашли на усел Станового хребта. За три часа сделали 20 верст». И снова запись: «По дороге бросили одного оленя Ноты».

27 мая пришлось бросить семерых животных. «Корма нет. Трава глубоко под снегом, оленям есть нечего. Скормили два куля рваного мху, который везем с собой».

На следующий день отряд прошел всего десять верст. «Остановились у речки. Здесь хоть есть черная земля и мало-мало травы. По дороге бросили трех оленей...»

Итти становилось с каждым днем все труднее и труднее. Олени падали.

«29 мая. Воскресенье. Всю ночь пурга NNO, итти нельзя, да и олени почти все упали. Дров нет, хлеба тоже...

30 мая. Понедельник. Всю ночь пурга. Ветер переменился: теперь дует от WSW. В 3 часа начали ловить оленей, в 5.30 пошли на NW 77°. В 10 часов стали. Ходу было 3 часа, пройдено 17 верст. По дороге бросили 9 оленей. Очень сильная пурга перешла на шторм. У нас сорвало палатку, еле ее удержали. В нескольких местех палатку изорвало.

31 мая. Вторник. Весь день сильный ветер SSW. Сильный дождь; ничего не видно. Стали недалеко от моря. Дров нет. Нашли старый пастник и им топили, варили чай и мясо. Ехать совершенно нельзя, сшибает с ног. Не знаю, как олени удержались и их не унесло ветром. Кайдалов разбил единственный термометр. Видели 7 гусей».

Утро первого июня выдалось ясным. Отряд продолжал путь, но пройдя за три часа 17 верст, остановился. Снова

поднялась пурга, «напал туман». «Отправил Мужу за дровами к морю. Тут ударила сильная пурга от SSW, мы еле удержали чум. Мужа возвратился без дров, не дошел до моря. В дороге он бросил одного оленя, двух привел на поводу, на одном привез самку. Я велел изрубить одну нарту на топливо».

Пурга утихла только к вечеру следующего дня, но опять пал туман и пошел мелкий дождь. «Сидим в чуме, все перемокли. Дров осталось только вскипятить чай, на мясо их нехватит. Хлеба давно уже нет. Пожалуй, доведется есть сырое мясо. Кузнецов уже ел с чаем сырое мясо, я ел головные мозги. Стоим маленько восточнее мыса Штеллинга [1].

«3 июня. Пятница. В 7½ часов пошли на SW 79°. Прошли 8 верст. Стали. Олени совсем не идут — голодные. От дождя все обледенело. Корм достать нельзя, стоим в 30 верстах от Диксона. Хотел было ехать на Диксон, но оставил это до завтра, так как олени едва ли дойдут. Ездили в бухту, привезли дров. Бросил по дороге трех оленей. Приведем их после».

Наконец 4 июня Бегичев добрался до Диксона. За месяц пути от Авама его отряд прошел около шестисот километров, потеряв в пути 42 оленя.

Долго оставаться здесь Никифор Алексеевич не собирался, надо было до наступления таяния добраться хотя бы до резервного отряда Юраки, ожидавшего у устья Пуры. Кайдалова Бегичев оставил на Диксоне.

8 июня, взяв капитана шхуны «Хеймен» Ларса Якобсена и переводчика — матроса Альфреда Карлсена, Бегичев тронулся в путь к мысу Вильда.

* *
*

Сначала отряд двигался вдоль берега. Затем, чтобы соединиться с Юракой, Бегичев круто повернул к юго-западу. Лишь впоследствии он осознал, что сделал ошибку, расставив так далеко от берега запасных оленей. Назначая Юраке место встречи у устья Пуры, Никифор Алексеевич руководствовался утверждениями Качадо, клявшегося, что на побережье совершенно нет оленных кормов. Это оказалось не так. Если бы Юрака с запасным стадом стоял ближе к берегу (где корма все же были), отряду Бегичева не пришлось бы делать столь значительный крюк по тундре, где не было топлива. Но теперь волей-неволей следовало итти к Пуре, так как без смены оленей до мыса Вильда не добраться.

---

[1] Мыс Штеллинга указан Бегичевым ошибочно. Этот мыс находится значительно северо-восточней.

Неприятности начались сразу же. На первой остановке, в 16 километрах от Диксона, взорвался примус, когда капитан Якобсен кипятил на нем чай. К счастью, пожар удалось тут же потушить.

«Пойдем теперь без примуса, будем топить плавником, — записывает Бегичев 9 июня. — По дороге бросили одного оленя Пале. Оставили на чумище[1] две нарты, несколько оленьих шкур и чумовые шесты».

На следующий день отряд остановился против мыса Двух медведей. «Олени почти все упали, но все-таки идем. В 3 часа начался дождь. Холодно.

11 июня. Суббота. Днем дождь. К 12 часам дня дождь перестал. Подул ветер NNW. Кузнецов убил одного гуся. В 11½ часов пошли. В десяти километрах перерезали речку, которая впадает у моря, где развалины избы[2]. В 6½ утра стали. Пройдено 17 километров. Здесь хороший мох».

Передневав на этом месте, 13 июня отряд продолжал путь.

«Олени почти все упали, — записал Бегичев 16 июня. — Весь день шел дождь и гремел гром. Я оцарапал себе маленько горло. На другой день появился большой прыщ. Я его выдавил и прилепил пластырь. Впоследствии все горло опухло. Олени не идут, снег сделался по брюхо».

19 июня у обрыва на берегу озера, расположенного между двумя приметными каменными сопками, Бегичев устроил склад провизии, чтобы воспользоваться им на обратном пути. Тут же сложили часть ненужного снаряжения. 21 июня отряд подошел к Пясине, сделав, по подсчетам Бегичева, за 13 суток пути от Диксона 236 километров.

Переправа через Пясину по льду произошла без особых приключений. Тут отряд остановился на отдых. Утром следующего дня Бегичев послал двух пастухов на поиски отряда Юраки, находившегося где-то в этих местах. К утру посланцы вернулись вместе с Юракой, пригнав свежий табун.

Сменив оленей, путешественники двинулись дальше. Чтобы выходить измученных переходом с Диксона оленей, Бегичев оставил здесь Мужу, приказав ему ждать возвращения отряда. Тут же они устроили второй склад провизии и дров для обратного пути.

6 июля у речки Долгий Брод Никифор Алексеевич оставил Бочу с сотней оленей, сам же с Кузнецовым, норвежцами и остальными пастухами начал переправу.

Далась она с огромным трудом. Посредине реки олени запутались в упряжи. В течение часа Бегичев и Кузнецов бродили по пояс в ледяной воде, распутывая и переправляя

---

[1] Чумище — место стоянки шестового чума.

[2] Повидимому, Бегичев говорит о реке Ново-Моржовой.

испуганных животных через реку. Наконец, последний олень был переправлен. Промокшие насквозь путешественники дрожали от холода. Но дров не было. Чтобы просушить одежду и хоть немного согреться, пришлось изрубить одну нарту на топливо.

Следующие дни не принесли облегчения.

«Дорога была очень плохая, — записывает Бегичев 8 июля, — все время шли по глубокому водянистому снегу. Олени брели по брюхо в снегу. Дошли до речки Тамары, где должна быть вторая партия Чуты с 200 оленей. По дороге пришлось бросить 9 животных. Начался сильный дождь. Я потерял свой шарф, который носил 7 лет.

9 июля. Суббота. Утром сильный ветер NW. Падает снег, сильный туман, холодно. Дневали. Дров нет. Из-под груза вытаскивали доски и топили ими».

К полудню следующего дня немного прояснело. Отряд направился на северо-восток искать стоянку Чуты. Прошли 15 километров, но Чуты все не было. Еще два дня продолжались поиски. «Сильный туман и дождь. Кузнецов и Юрака пошли пешком искать чум Чуты, но, проплутав 16 часов в тумане, вернулись ни с чем. Мы не можем найти чум Чуты», — с тревогой записывает Бегичев.

Только на следующий день пастухам Лопшаре и Ките удалось найти Чуту и привести его со всем табуном.

Спутники Бегичева — норвежцы, оказались выносливыми и закаленными людьми, мужественно делившими с ним тяготы путешествия. Они охотно помогали Бегичеву и пастухам ловить оленей — занятие, требующее немалой ловкости. Якобсен, неплохой охотник, метко бил гусей, а если случалось, то и диких оленей. Но последний переход сильно изнурил их. Якобсен просил Никифора Алексеевича остановиться на несколько дней, но Бегичев доказал, что сейчас дорог каждый день, и настоял на немедленном выезде.

16 июля на отобранных 111 лучших оленях отряд двинулся дальше. Остальное стадо было поручено попечениям Киты, Юраки и Чуты с наказом ждать их возвращения у реки Тамары.

Путь был настолько труден, что не выдерживали даже свежие животные.

«Прошли 21 километр. Я, капитан и Альфред (Карлсен) бросили свои санки и пришли пешком. У нас упали олени, — вносит Бегичев в дневник 18 июля. — Пришлось срочно посылать за новыми».

19-го отряд переправился через реку Лидию, на том самом месте, где Бегичев переправлялся в 1914 году. Через шесть дней пути путешественники были в бухте Воскресенского. Здесь в полной сохранности стоял штабель нарт, из-за которых

В свое время Никифору Алексеевичу пришлось выдержать неприятный разговор с Кушаковым [1].

До цели — мыса Вильда — оставалось около 20 километров. Оставив в бухте Воскресенского ямщиков с табуном, Бегичев, Кузнецов, оба норвежца и Конде в ночь на 27 июля направились на мыс Вильда.

* *
*

Этот мыс Никифор Алексеевич узнал сразу по приметному высокому знаку, сооруженному Свердрупом в 1915 году. Вокруг валялись ящики из продовольственного склада, повидимому, разбросанные медведями. Осмотрев знак, путешественники нашли железную банку с вложенным в нее письмом; оно было написано химическим карандашом на плотной бумаге со штампом экспедиции Амундсена на шхуне «Мод». Норвежцы, немного знавшие английский язык, на котором было написано письмо, прочли его.

Там было написано:

Maudexpeditionen.

Two men, of the Maud-expedition, travelind with dogs and sledge arrived here the 10-th of nov. 1919. We found the cache of provision deposited at this point in much damaged condition espesially all the bread being mouldy and spoiled by sea water showing that heavy seas has been wasching our this point. We have moved the cache rurther in on the land about 25 yards and completed our stock of provisions for 20 days from the stores here. We are in good condition and going to leave for Port Dickson to day.

Nov. 15-th 1919.

Peter L. Tessem
Paul Knutsen.

[«Мод» экспедиция.

Два человека экспедиции «Мод», путешествуя с собаками и санями, прибыли сюда 10 ноября 1919 года. Мы нашли склад провизии, сложенный в этом месте, в очень разоренном состоянии, в особенности весь хлеб был покрыт плесенью и испорчен морской водой. Очевидно, высокая вода моря омывала этот пункт. Мы подвинули склад припасов дальше на берег, приблизительно на 25 ярд и дополнили наш запас провизии на 20 дней из складов, находящихся здесь. Мы находимся в хороших условиях и собираемся сегодня уходить в порт Диксон.

Ноября 15-го 1919 года.

Петер Тессем
Пауль Кнудсен [2]]

[1] Весной 1946 года эти нарты были обнаружены отрядом топографа Пчелкина.

[2] Архив Главсевморпути, фонды Комсеверопути. Научный отдел, дело № 21-а, оп. 1, св. 5.

Оленье стадо в тундре.

Теперь экспедиции предстояло искать пропавших норвежцев на огромном протяжении от мыса Вильда до Диксона среди многочисленных извилин береговой линии, бухт, заливов, лагун. Задача нелегкая, но и русские, и норвежцы, несмотря на все перенесенные лишения, готовы были немедленно начать поиски, чтобы приподнять завесу тайны над судьбой спутников Амундсена.

Они тщательно обследовали местность поблизости от знака, но больше ничего существенного не нашли.

«Утром оставили у знака два письма, — занес Бегичев в свой дневник 28 июля. — Я оставил написанное по-русски, а капитан — по-норвежски. Свое письмо я вложил в свое же старое, которое адресовал еще в 1915 году капитану Свердрупу. Я написал, когда и кто со мной был здесь. У могилы кочегара «Вайгача» Мячина два раза выстрелил из винтовки. Наверно, больше никогда не доведется мне быть в этих суровых местах. Я распростился с мысом Вильда навсегда...».

Путешественники направились обратно через бухту, находившуюся западнее мыса Вильда. Вдруг Конде, ехавший на своих санках позади Бегичева, провалился под лед вместе с оленями, нартой и нагруженной на ней провизией, взятой из склада.

«Я, — продолжал Бегичев запись этого дня, — подбежал к нему и насилу его достал, благодаря захваченному с собой хорею [1]. Я подал хорей Конде и вытащил его. Потом подбежали капитан и Альфред и начали вытаскивать оленей. Вытащили нарты и 8 оленей, а один олень утонул. Вышли на берег, развели костер, согрелись и пошли дальше по земле. Капитан и Конде дошли до чума на оленях, а мы трое бросили санки и оленей, в чум пришли пешком. Я оттуда послал двух самоедов за санками и оленями. Через два часа они привели их. Часть провизии, взятой с Вильда, мы утопили».

* *
*

Приведя в порядок нарты, 30 июля экспедиция тронулась в обратный путь, рассчитывая шаг за шагом двигаться по следам Тессема и Кнудсена.

Для Бегичева не было сомнений, что норвежцы шли, не удаляясь от берега, так как только здесь они могли найти топливо. Но для сокращения пути пешеходы очевидно должны были иногда перерезать заливы по льду. Поэтому Бегичев принял решение двигаться с аргишем возможно ближе к берегу с тем, чтобы пешком обходить выступающие мысы. Так и сделали.

---

[1] Хорей — длинный шест, которым оленеводы подгоняют оленей.

За три перехода от мыса Вильда до реки Лидии они прошли около 60 километров. С мест остановок аргиша участники экспедиции поочередно совершали пешие экскурсии. 31 июля Карлсен и Кузнецов обследовали мыс Каминского, но ничего не нашли. На следующий день пошли Бегичев и Якобсен. За сутки они обследовали около пятидесяти километров берега вплоть до мыса Стерлегова. Здесь Якобсен нашел норвежские сани, но привезти их не удалось. Кузнецов, посланный за санями на ветке, не мог выгрести с ними против ветра и вынужден был их бросить.

Убедившись в правильности направления поисков, Бегичев произвел перестановку стад с таким расчетом, чтобы по мере продвижения его отряд мог менять оленей. Для этого он отправил Конде в чум Чуты с приказанием Чуте перекочевать к горе Минина, а Боче с Ките сменить Мужу, стоявшего у устья Пуры. Стаду Мужи следовало подойти к устью Пясины, откуда Бегичев и норвежцы предполагали проехать на Диксон. С Конде они отправили письма и телеграммы для передачи с оказией в населенные пункты, а оттуда в Омск и Норвегию. Правда, эта почта пришла в Гольчиху значительно позже, чем возвратились сами корреспонденты.

Поиски продолжались. Хлеб и консервы давно кончились. Выручала удачная охота на уток, гусей и диких оленей, попадавшихся в большом количестве. Оставался еще шоколад, взятый из склада на мысе Вильда, но он быстро всем опротивел.

8 августа Бегичев занес в свой дневник:

«Понедельник. В 3 часа утра стали. Пройдено 15 километров. Маленько прошли Приметную сопку[1], дневали. Я и капитан пошли на мыс Приметный, но, сделав 15 верст, вернулись обратно... Нам не дала итти дальше речка, да и мыс Приметный неправильно нанесен на карту...»

И тут же объясняет:

«От сопки Приметной до мыса 35 километров. Возле него есть еще сопка от Приметного на SW 75° и, кроме того, в 16 верстах есть обнесенная косой лагуна».

На следующий день отряд прошел еще 15 километров и остановился на дневку в куту бухты, которую участники экспедиции называют в своем отчете бухтой Глубокой.

Туманным утром 10 августа Якобсен и Карлсен опять пошли вдоль западной стороны мыса Приметного. Из-за тумана очертания берегов были трудно различимы. Дойдя, по их предположениям, до окончания мыса, норвежцы нашли на берегу следы трех костров, расположенных сравнительно близко

[1] Повидимому, Бегичев упоминает о горе Приметной, высотой 137 метров, расположенной к SSO в 5,5 мили от устья реки Гусиной.

один от другого. Кто разводил эти костры, установить не удалось, но норвежцы убеждены были, что это следы пребывания здесь их соотечественников. Близкое расстояние костров друг от друга Якобсен объяснял тем, что трудные условия путешествия заставили Тессема и Кнудсена делать очень короткие переходы с частыми остановками для отдыха и обогревания.

Якобсен со своим спутником поставили на западной оконечности мыса столб, вырезав на нем ножом инициалы « L. J. A. K. 10/8-1921».

Пока норвежцы обследовали мыс Приметный, Бегичев пошел вдоль берега бухты.

«Я обошел кругом Глубокую бухту, — пишет он, — и по западному берегу вышел на высокий и обрывистый мыс Земляной. Пошел по мысу на NW. Вскоре мыс кончился. У западной его стороны есть бухта, она вдается очень глубоко в материк к югу, верст на сорок. Я направился на N. На косе увидел сожженные дрова и подошел к ним.

Там лежали обгоревшие кости человека, много пуговиц и пряжек, гвозди и еще кое-что: патрон дубовый, бумажный и несколько патронов от винтовки. Я их собрал и понес в чум. Хотел было пройти косой напрямик, но оказалось здесь есть узкий глубокий пролив. Эта бухта оказалась лагуной. Я вернулся обратно в чум той же дорогой, которой шел. Пришел в палатку, капитана и Альфреда еще не было. Я разобрался с вещами, которые нашел. Патроны оказались норвежского военного образца 1915 года».

На следующий день Бегичев, Кузнецов и норвежцы тщательно обследовали это место. В костре обнаружили остатки карманного барометра, перочинный нож, кусок оправы от очков, французскую монету, пряжки, пуговицы и еще кое-какие мелкие предметы.

«Мы заключили, — пишет Бегичев в своем отчете Комсеверопути, — что это кости одного из тех, кого мы разыскивали. Полагаем, что во время их путешествия пешком в темную пору при таких холодах и пургах они сбились с пути и зашли в Глубокую бухту. Один из них умер, а товарищ его, не имея возможности похоронить, дабы не растаскивали труп звери, сжег его на костре, а сам, видимо, направился через бухту к мысу Михайлова».

Впоследствии удалось установить, что это были останки Кнудсена. Но почему погиб этот опытный бывалый полярник? Болезнь? Несчастный случай? Какая трагедия разыгралась здесь? И поныне все это остается тайной.

Ничто из найденного не указывало на присутствие у норвежцев собак, на которых они вышли с мыса Вильда, как писали сами в письме, оставленном там. Возможно, на какой-

нибудь из стоянок собаки погнались за зверем и уволокли с собой припасы и провизию? Кто знает?

Якобсен сфотографировал это страшное место. Бегичев со своими спутниками вырыли могилу, сложили в нее остатки костей и пепел из костра. Могильный холм обложили камнем и воздвигли крест. К нему прибили надпись, сделанную Кузнецовым на куске найденного тут же металлического подполозка с указанием, когда водружен этот крест.

Метрах в двадцати западнее могилы Бегичев тоже поставил знак, вырубив на нем топором свои инициалы и дату. Норвежцы воздвигли еще один знак в десяти метрах к юго-западу от могилы.

«Вечная память героям и смельчакам!» — так заканчивает Никифор Алексеевич описание этого дня.

Желая установить точное местонахождение могилы, Бегичев запеленговал ее. «Я, — пишет он, — взял пеленг мыса Приметного на W, другой мыс — SW 55°. Приметная сопка NO 40° — 17 километров, а оконечность бухты — SO 10°».

* *
*

Итак, участь одного спутника Амундсена стала известна. Но этим задача экспедиции не исчерпывалась, следовало найти другого норвежца. Не теряя времени, путешественники двинулись дальше, продолжая осматривать все извилины побережья.

Погода испортилась. Начались дожди, снег, туманы. Олени совсем «обезножили». Питаться приходилось одним мясом и взятым с мыса Вильда шоколадом. «У нас уже как месяц нет сухарей. Живем одним мясом и шоколадом. Пьем чай с шоколадом вместо хлеба».

Чтобы сохранить от падежа оленей, пришлось бросить лишний груз, большие нарты и везти лишь крайне необходимое имущество на легких санках. Это высвобождало часть оленей от транспортировки грузовых нарт и позволяло чаще их менять в упряжке под санками. Зато людям теперь пришлось итти пешком.

17 августа экспедиция встретилась со своей вспомогательной партией. Здесь находились Чута, Конде и Юрака с тремя сотнями животных. Они должны были встретиться с Бегичевым у горы Минина, но, напав в тундре на след экспедиции, свернули ей навстречу. Путники несколько повеселели.

Аргиш снова разделился. Чута, Юрака и Лопшара с основным стадом остались пока здесь, чтобы затем перекочевать по восточному берегу Пясины к Пуре. Конде и Мужа на сотне оленей должны были везти Бегичева и норвежцев на Диксон.

Погода становилась все хуже. Дожди и снежные бураны сильно мешали продвижению. В двадцатых числах августа отряд вышел на восточный берег Пясинского залива. Здесь, между мысами, носящими теперь название мыса Сторожилова и мыса Лидии, он простоял несколько дней. Дав оленям немного отдохнуть, Бегичев направился вдоль берега залива. Тяжелые это были дни. Переправы через множество мелких, еще полностью не замерзших речек, доставляли путешественникам много хлопот. Но люди упорно шли вперед, теряя до нельзя измученных оленей.

25 августа экспедиция подошла к берегу широкой реки, которая на карте, имевшейся у Бегичева, значилась как Пясина. Позже, убедившись, что это не Пясина, Никифор Алексеевич назвал ее рекой Сары, в честь своей младшей дочери Серафимы [1].

Отряду пришлось простоять здесь двое суток, но, так и не дождавшись улучшения погоды, 27 августа Бегичев начал переправу.

День выдался бурный и студеный. Несмотря на большую волну, Бегичев и Кузнецов на двух ветках перевозили имущество. Олени переправлялись по обыкновению вплавь, путая при этом постромки, поводки, доставляя людям множество хлопот. Карлсен, которому Бегичев поручил переправлять оленей, каждый раз вынужден был бросаться в воду обрезать в критическую минуту поводки, чтобы спасти животных. Наконец, путники облегченно вздохнули: все стадо и имущество находилось на другой стороне реки. Теперь, как им казалось, главная водная преграда — Пясина — была преодолена. Но радость оказалась преждевременной. Через три дня экспедиция подошла к новой, еще более широкой реке, которая и оказалась главным руслом Пясины. Бегичев скупо записывает об этом важном открытии, доставившем новые заботы.

«30 августа. Переправились через широкую большую реку. Утопили двух оленей. Пошли дальше. Прошли 4 версты, поперек пути попалась большая губа. Пошли ею на SO. Оказалось, это устье настоящей реки Пясины, неправильно нанесенное на карте».

Этим испытания не кончились. По пути встречалось множество других узких проток и речек, уже схваченных молодым льдом. Приходилось ломать лед, потому что он не выдер-

[1] В действительности, это была протока Пясины, именуемая на современных картах Старицей. Кстати, неизвестно почему названия рек, открытых и окрещенных Бегичевым именами дочерей, упоминаются не на всех современных картах. Нет их и в лоции Карского моря. Не пора ли исправить эту несправедливость и узаконить названия рек, данные их первооткрывателем? — *Н. Б.*

живал тяжести оленей, и снова и снова переправляться по воде.

Начались затяжные осенние пурги. Продолжать поиски в подобных условиях становилось бесполезным, поэтому Бегичев и Якобсен решили их прекратить.

Для путешественников наступили лихие дни. Запасы табака кончились, кончился шоколад, «дров нет, варили чай талником». С охотой на дикого за последние дни тоже не везло. Пришлось приниматься за своих оленей. «Свои очень худые, — с огорчением записывает Никифор Алексеевич, — и есть их почти нельзя, но делать нечего, придется есть, потому что больше ничего нет».

8 сентября пришла удача: Бегичев и Якобсен убили сразу шесть диких быков, а Кузнецов с Карлсеном наловили много рыбы. Настроение путешественников улучшилось.

С новой энергией принялись они за поиски стада Мужи. Но, потратив на это двое суток, так и не нашли. Обсудив свое положение, путешественники решили отказаться от поездки на Диксон и повернуть к Гольчихе.

Ехать на своих оленях к Гольчихе было рискованно: животные, доведенные летней работой до изнурения, не выдержали бы такого пути. Распростившись с пастухами, Бегичев, Кузнецов и норвежцы сели в лодку, которую нганасаны пригнали в условленное место еще летом, и отправились на веслах вверх по Пясине к устью Пуры, где, по словам пастухов, должны были стоять гольчихинские оленеводы.

В нескольких верстах от Пуры путешественники действительно нашли стойбище нганасана Нормо, но везти их в Гольчиху Нормо категорически отказался, не желая терять своих оленей от бескормицы. Если бы он согласился, то норвежцы успели бы на последние пароходы, теперь же всем предстояло ехать до Дудинки на сменных оленях, по стоянкам начинавших откочевывать на юг оленеводов.

Но и это удалось не сразу. Малооленный Нормо не в силах был «поднять всех». Бегичеву пришлось посылать Кузнецова и Карлсена обратно к своему стаду за оленями. Наконец, 12 сентября члены экспедиции вторично распрощались со своими товарищами по путешествию — пастухами. «Самоеды, которые ходили со мной в море, — пишет Бегичев, — провожали нас... Они поднялись на высокую сопку и кричали «ура», а мы пошли на SO 30°...»

Путь до населенных мест занял ровно месяц.

«12 октября. Среда. Утром ловили оленей. Идем в Дудинку. В село пришли вечером в 9 часов... Наконец-то достигли культурного мира...» Этой записью Бегичев закончил дневник похода на мыс Вильда.

Ниже выписано столбиком:

«Убито оленей своих 9
От людей взято на убой 10
Утопили 7
Пропали, сдохли 7
Бросили 92

Итого оленей израсходовали . . . . . 125 штук»

И снова подсчет:

«Пройдено от Авама до Диксона 588 верст. От Диксона до устья Пуры — 225 верст. От Пуры до мыса Вильда — 455 верст. От Вильда до Пясинского устья — 300 верст, от устья Пясины и до устья Пуры — 129 верст, от устья Пуры до Дудинки — 649 верст. А всего пройдено 2346 верст».

* *
*

В Дудинке Якобсен убедился, что принятое ими решение не заезжать на Диксон было правильно. Свою шхуну они все равно уже не застали бы. «Хеймен» с открытием навигации ушла в Норвегию, не дожидаясь своего капитана: слишком высока была арендная плата.

Норвежцам пришлось прожить в Дудинке до 11 ноября в ожидании установления санного пути. Бегичев за время путешествия сдружился с моряками и гостеприимно принял их в своей семье. Теперь он не без сожаления расставался с ними.

Подобное гостеприимство и теплую встречу норвежцы видели на всем пути по Советской России. О заботе, которая была проявлена советскими людьми к Якобсену и Карлсену, можно судить по документам, хранящимся в архивах.

Узнав о приезде экспедиции в Дудинку, Сибревком и Комсеверопути дали телеграфное приказание Туруханскому крайсовету, Дудинскому ревкому и начальнику Норильской геологической экспедиции Урванцеву, зимовавшему в Дудинке, «оказать всемерное содействие двум прибывшим из экспедиции Бегичева норвежцам по проезду в Новониколаевск [1]».

30 декабря норвежцы приехали в Красноярск. Встреча, оказанная им здесь, была не менее теплой. Это видно из письма Красноярского отделения Комсеверопути:

«Председателю Комсеверопути.

Посланные норвежским правительством для розыска двух пропавших без вести спутников Амундсена в его экспедиции к северному полюсу: командир шхуны «Хеймен» Ларс Якобсен и его переводчик Альфред Карлсен 30 декабря прибыли в Красноярск, воз-

[1] Телеграмма Сибревкома № 1193/а от 2700-1921 г. Архив Главсевморпути, фонды Комсеверопути, Научный отдел, 1922 г., оп. 1, св. 5, д. № 21, л. 86.

вращаясь на родину. Мною были приняты все меры содействия для их успешного дальнейшего движения. Поместив их в канцелярии Базы гидроотряда и снабдив их двумя банками корнбифа (по 7½ фунта) и тремя фунтами галет, я обратился за содействием к председателю Енисейского губисполкома, который со своей стороны распорядился об оказании им всякого возможного содействия: предоставил им безденежный проезд до Новониколаевска в вагоне начальника сибмилиции, снабдил их деньгами (500 тысяч) за счет Комсеверопути, двумя полушубками, в которых они нуждались, провизией (10 ф. хлеба, 5 ф. копченостей, 3 ф. масла, ¼ ф. чаю, ½ ф. табаку и 2 коробки спичек) и, находя их пребывание в канцелярии неудобным, предоставил им помещение в гостинице «Дом Крестьянина». Как иностранцам, незнакомым с нашими порядками, для выполнения всяких деловых формальностей им предоставлено было полное содействие от Базы отряда, наконец чины отряда старались оказать им гостеприимство по личной частной инициативе.

Считая безусловно необходимым оказать этим представителям дружественной нам Норвегии и в дальнейшем всякое содействие, прошу Вашего распоряжения о скорой и удобной доставке их на родину.

Начальник Гидрографического отряда отдела Неупокоев

Врид. начальника Базы гидроотряда Дриженко»[1].

В Комитете Северного морского пути в Омске, куда приехали норвежцы из Новониколаевска, Якобсен получил следующий мандат:

«Дан настоящий мандат норвежскому подданному Ларсу Якобсену в том, что он по распоряжению норвежского правительства отплыл 12 августа 1920 г. на шхуне «Хеймен» в качестве капитана этой шхуны из норвежского города Тромсе в полярную экспедицию к сибирским берегам Ледовитого океана для розыска пропавших без вести спутников Амундсена при его экспедиции к северному полюсу. Проведя зиму на русском острове Диксон, Якобсен летом 1921 г. закончил выполнение возложенного на него поручения, после чего проехал сухим путем через города Туруханск, Енисейск и Красноярск в г. Новониколаевск, где явился в Комитет Северного морского пути.

В настоящее время Якобсен следует в город Москву в Народный комиссариат по иностранным делам для дальнейшей поездки в Норвегию.

Согласно договору между Российским Советским правительством и правительством Норвегии, все советские учреждения и должностные лица обязаны оказывать предъявителю сего полное содействие при его поездке»[2].

---

[1] Архив Главсевморпути, фонды Комсеверопути, Научный отдел, 1922 г., оп. 1, св. 5, д. № 21, л. 105.

[2] Там же, л. 108

Такой же обширный мандат был выдан на руки и Карлсену. Из Москвы норвежцы выехали к себе на родину.

* *
*

«Советско-норвежская экспедиция по поискам спутников Амундсена» (под таким официальным названием вошло это путешествие в историю Советской Арктики) фактически закончилась. Казалось, Бегичев, добросовестно выполнив задание, мог считать себя свободным от каких бы то ни было обязательств, но чувство неудовлетворенности не покидало его.

Куда исчез второй норвежец? Вот вопрос, который тревожил Никифора Алексеевича. «Ведь должны же остаться какие-то следы этого норвежца, — непрестанно раздумывал он. — Если бы мы успели тогда осмотреть берег до самого Диксона, глядишь, тайна раскрылась бы». И Никифор Алексеевич задался целью во что бы то ни стало раскрыть эту тайну. Случай вскоре представился.

По заданию Сибирского отделения Геологического комитета и Комсеверопути Урванцев готовился к новой экспедиции. Вернее, это было продолжение работ, начатых им с осени 1921 года, когда Урванцев совместо с топографом Базановым заснял в течение зимы буссольно-глазомерной съемкой всю систему Норильских озер. Теперь Урванцев готовился спуститься по Пясине от Норильского озера до ее устья. Кроме топографа Базанова и коллектора — студента Томского университета Пушкарева, Урванцев пригласил в качестве проводника экспедиции Никифора Алексеевича.

Весной 1922 года группа Урванцева собралась на Пясинском озере. Дождавшись здесь ледохода, в середине июня она погрузилась на лодку и начала свой маршрут вниз по реке.

22 июня группа прибыла на факторию Кресты, у места впадения Дудыпты в Пясину, где пришлось задержаться, пока Урванцев производил астрономические наблюдения.

Несмотря на частые дожди и ветры, плавание по реке было довольно быстрым. За день исследователи обычно делали по 30—50 километров.

На остановках Урванцев, надев за плечи неизменный рюкзак, брал геологический молоток и со своими помощниками отправлялся в экскурсии, делая зарисовки обнажений, собирая образцы горных пород. Удовлетворившись несколькими часами сна и наскоро поев оленье мясо, приготовленное Бегичевым, исследователи отправлялись дальше по быстрой реке.

10 июля экспедиция достигла устья Тореи. Здесь Пясина, встречая на своем пути к северу горный массив Бырранга, делает крутой поворот на юго-запад, чтобы через две сотни

километров снова повернуть к северу. Прорезав плоскую, местами ровную, как стол, местность, по которой то группами, то обособленно вздымаются отдельные возвышенности хребта, река снова выходит на просторы тундры.

Урванцев, понимая всю ответственность первого исследователя, посетившего эти неизведанные места, делает более частые остановки, тщательно осматривает многочисленные обнажения. Здесь разрешалась загадка недр сурового Таймыра. И именно тогда, летом 1922 года, в дни плавания Урванцева с Бегичевым по дикой Пясине, было положено начало ряду замечательных открытий, которые в годы сталинских пятилеток составили основу работ первенца индустриализации Таймыра — Норильскстроя.

Записи Бегичева, относящиеся к этой экспедиции, по обыкновению немногословны:

«*12 июля.* Среда. Петров день. Вечером пошли. По дороге встретили два чума самоедов Нога и Пасепте. Попили чаю и снова тронулись дальше.

13 июля. Утром поплыли под парусами, миновали речку Мокрида. Здесь Пясина делится на три русла. Мы пошли средним. Дул сильный ветер от NO. Прошли много островов. До вечера сделали 72 версты. Стали на ночевку у устья Пуры. От Тореи до Пуры река Пясина идет на юго-запад.

14 июля. Дневали. Брали астрономический пункт.

15 июля. Дневали. Сильный ветер NO.

16 июля. Дневали. Урванцев ходил на хребет Быррапга.

19 июля. Пошли. Пройдя 10 верст, увидели знак. Повернули к нему. Это была моя кладь, оставленная еще в 1921 году: 1 куль сухарей, одежда, керосин. Брать их с собой не стали. Пошли дальше.

20 июля. Пошли вдоль западного берега Пясины. Здесь стали на ночевку. Река в этом месте шириной 5 верст и имеет очень много притоков».

В записях за 23, 24, 25 июля лишь одно: «Сильный ветер. Дневали».

«*26 июля.* Среда. Вечером двигались по западной стороне Пясины. Прошли маленькие каменные острова. Встретили каменный остров. Ночевали. Пройдено 30 верст.

27 июля. Вечером пошли от каменных островов. Река стала широкой. Хребет Быррапга остался позади. Миновали остров, на котором я в 1921 году сидел с норвежцами, самоедами и стадом. Река Пясина повернула на NW. Глубина 5 сажен...

28 июля. Утром. Остановились в устье Пясины у выхода в море возле двух старых изб. Пройдено 25 верст...»

Как ни скупы, ни схематичны эти записи, за ними скрывается большой напряженный труд Урванцева, Бегичева и их спутников.

* * *

29 июля в лагерь экспедиции приехал Мужа — спутник Бегичева по прежним экспедициям на побережье. Он со стадом экспедиции стоял в двадцати километрах западнее. В случае, если бы путешественники не смогли найти проход через Пясинский бар, Мужа должен был перевезти груз и лодку до моря на оленях.

«Но оказалось, — пишет Бегичев, — река очень глубока, в ее устье может входить океанский пароход, так что нам самоед с оленями не понадобился.

30 июля. Воскресенье. Дневали, ездили на лодке искать большие бревна для знаков. Нашли и привезли 4-саженное толстое бревно.

31 июля. Дневали. Ставили знак. Я убил дикого оленя.

1 августа. Вторник. Дневали, был жаркий день. Я купался в Пясине.

2 августа. Среда. Выехали. От знака сделали промер поперек реки. Большая глубина — 9 сажен. Пошли в море на NW 78°. Пройдя 20 верст западнее косы, вышли в море и повернули к материку».

Лодка экспедиции двигалась вдоль берега. Бегичев с еще большим вниманием вглядывался в каждый мысок, бухточку, выискивая какие-нибудь следы второго норвежца.

Вечером 8 августа после суточного отсиживания от непогоды в устье какой-то речки экспедиция отправилась дальше.

Умело пользуясь парусом, Бегичев вел лодку наперерез волне. «Прошли реку и три моржовых острова, — пишет Бегичев. — Сильным ветром нас вынесло километров на десять в море». К утру погода снова разыгралась. Убрав паруса, участники экспедиции на веслах стали выгребать к берегу и, найдя удобную отлогую отмель, остановились на отдых.

Устанавливая палатку, «один из наших спутников, — описывал впоследствии в своей докладной записке Комсеверопути Бегичев, — некто Борисов, достал из-под плавника, где ставили палатки, какие-то портянки. Это мне показалось странным: откуда они взялись? Я подошел к Борисову. Смотрю, тут же, на том месте, где были найдены портянки, лежат: теодолит и компас и много других вещей. Невдалеке я нашел еще два больших пакета с документами за подписью известного путешественника Амундсена. Один пакет был адресован в Чикаго (в Америку) на имя Магнитного института, а другой в Норвегию, Амундсену. О найденных предметах мною было сказано организатору нашей экспедиции Н. Н. Урванцеву.

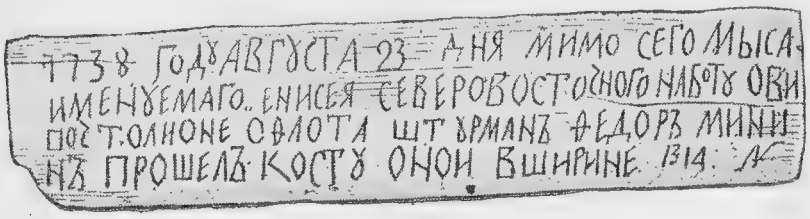
Я ему пояснил, что это документы погибших спутников Амундсена, которых я искал в 1921 году. Место нахождения документов на широте 73°38′22″ и долготе 83°12′40″».

Как попали сюда эти вещи? Их мог оставить лишь второй норвежец, лишившийся своего товарища у мыса Приметного. Но почему он бросил почту Амундсена, доставка которой являлась главной целью их похода?

Предполагая, что труп второго норвежца должен быть где-то здесь, участники экспедиции потратили целый день на поиски, но ничего нового не нашли.

Дальнейшие следы этого норвежца экспедиция обнаружила через два дня в устье небольшой реки, километрах в 25 к западу от астрономического пункта № 3, определенного когда-то Коломейцевым. Здесь, у старых зимовий были найдены две пары норвежских лыж и спальный мешок. «Видно, — заключает Бегичев, — что норвежец бросил все и пошел на Диксон».

На мысе Полынья, близ которого экспедиция остановилась на ночевку 12 августа, путешественники наткнулись на одну из замечательных реликвий славных русских исследователей XVIII века — участников Великой Северной экспедиции. Это была деревянная доска с хорошо сохранившейся на ней вырезанной надписью:



Доска штурмана Ф. Минина, найденная Н. А. Бегичевым.

1738 году АВГУСТА 23 ДНЯ МИМО СЕГО МЫСА, ИМЕНУЕМОГО ЕНИСЕЯ СЕВЕРОВОСТОЧНОГО НА БОТУ ОБИ ПОЧТАЛЬОНЕ ОТ ФЛОТА ШТУРМАН ФЕДОР МИНИН ПРОШЕЛ К ОСТУ В ШИРИНЕ 73° 14′ N

Впоследствии эта доска была доставлена в Ленинград в Государственное географическое общество, где хранится и поныне.

Переждав шторм в бухте Полынья, 14 августа экспедиция поплыла на Диксон.

«Пошли при сильном попутном ветре парусом. Вышли в море, ветер и волна очень сильные, но делать нечего, к берегу пристать нельзя — большой прибой и каменный берег. Лодку может разбить вдребезги. Пришлось итти дальше. Волна

разыгралась до того большая, что нашу лодку с парусом совсем закрывало, но ход был очень быстрый. Мы обогнули сечеро-восточнее мыса и пристали к радиотелеграфной станции на Диксоне как раз во-время: ветер перешел на шторм. За два с половиной часа мы сделали от мыса Полынья до Диксона 30 верст.

Выгрузили лодку, поставили палатки и пошли на станцию, где нас приняли очень гостеприимно. На Диксоне находились 8 человек команды: начальник станции Ломакин, радиотелеграфист Крупинг, второй радиотелеграфист Тимофеев, мотористы Белочкин и Бабушкин с женой и девочкой и сторож Кудрявцев...»

* *
*

В ожидании парохода, который должен был скоро притти на Диксон для смены работников полярной станции, Бегичев занялся охотой на диких оленей. Охота оказалась удачной: за четыре дня он упромыслил шесть голов.

Во время своих походов Никифор Алексеевич продолжал поиски второго норвежца. Он понимал, что норвежца следовало искать где-то в этих местах. Заключение оказалось правильным и 28 августа оно подтвердилось.

Утром этого дня Никифор Алексеевич с двумя участниками экспедиции Базановым и Пушкаревым по обыкновению отправились на материковый берег охотиться. Они переплыли на лодке проливы Лена и Превен, и здесь, у подножья небольшого мыска, в глубокой береговой расщелине, Бегичев заметил человеческий скелет.

Причалив к берегу, охотники стали осматривать страшную находку. Перед ними лежал труп, вернее останки трупа второго норвежца, прикрытые полуистлевшей одеждой.

В кармане вязаного жилета лежали золотые часы, на внутренней стороне которых было выгравировано имя Тессема. На трупе было также найдено обручальное кольцо с надписью «Paulin», перочинный нож, ножницы. Несколько в стороне валялись охотничий нож, лыжная палка, два десятка боевых патронов норвежского образца. Винтовки найти не удалось, вероятно, она скатилась в море.

Надписи на часах и обручальном кольце (Паулина — имя невесты Тессема) позволили определить, что кости, найденные Бегичевым в прошлом году в костре мыса Приметного, принадлежали Кнудсену. Это были останки Тессема.

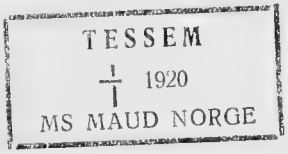
Роковая участь несчастного норвежского матроса тронула всех. Какого неимоверного напряжения сил стоило ему совершить этот многокилометровый трудный путь по безлюдной местности в полярную ночь. И почти у цели, в каких-нибудь

четырех километрах от радиостанции, нелепый случай оборвал его жизнь. Как это произошло? Вряд ли когда-либо мы это узнаем.

Возможно, что Тессем, подойдя к берегу пролива, увидел долгожданные огни радиостанции. Он ускорил шаги и, не заметив обрыва, сорвался на прибрежные камни. Странно, что никто из зимовавших здесь норвежцев и сотрудников станции, неоднократно проходивших мимо, не смог обнаружить труп.

«Видно уж так мне суждено, — пишет Никифор Алексеевич, — в 1921 году я был командирован правительством их искать. Одного я тогда нашел, а в этом году нашел и документы и второго норвежца. Считаю, что моя миссия по розыску кончена. Я выполнил возложенное на меня дело, хотя и случайно, но точно».

Через два года команда норвежского судна «Veslekari» воздвигла на месте гибели своего соотечественника памятник — лиственичный крест из плавника. Он стоит на большой, сложенной из сланцевых плит могиле, летом зарастающей тощей травой и мелким полярным маком. На доске, прибитой к кресту, короткая надпись:



* *
*

Пароход с Енисея не пришел. Вместо него должен был прибыть из Архангельска пароход «Мятель». Бегичев предложил Урванцеву итти в Гольчиху на лодке, чтобы успеть захватить там енисейский пароход.

Исправили лодку и, нагрузив ее имуществом и геологическими коллекциями, 3 сентября отплыли от станции.

Нелегко досталось это плавание по Енисейскому заливу. У острова Вернса лодку захватил шторм, пришлось более суток отстаиваться в бухте. Опасаясь опоздать к пароходу, Бегичев решил итти в бурное море.

«5 сентября. Я утром встал рано, пошел осмотреть море. Прибой и волна очень большие. Ветер отошел к западу. Разбудил товарищей и рискнул итти дальше. Рассчитал, что если мы от берега выгребем против волны в море на версту, то, поставив паруса, пойдем. Так и сделали. Ветер был от северо-запада очень сильный, но попутный. Волна разыгралась с гребнем, очень большая, но ничего не поделаешь, надо итти. Пристать к берегу совершенно невозможно: каменистый берег и

прибой волны вмиг выбросит на яр, и лодку разобьет вдребезги. Пошел дальше, ход был очень быстрый. Стали проходить Ефремов Камень у погибшего «Вайгача». У меня товарищи все молчали, потому что сзади лодки волна остается, как гора. Я срезал мыс Ефремов Камень и зашел в бухту, где ветер от берега и нет волны. У меня народ повеселел. Здесь пристали к берегу. Пройдено было 105 верст. Напились чаю и пошли дальше при сильном ветре. Вечером пришли в Медвежью бухту. Стали на ночевку».

Погода и туман вынудили путешественников ждать здесь улучшения погоды. Поднявшись на пригорок, Бегичев заметил в километре от их стоянки промысловую избушку. Он пошел туда. Изба была обитаема, но хозяев нигде вокруг не было видно. На столе лежали такие замечательные, давно невиданные вещи, как соленые огурцы и лук. Из дневника, находившегося тут же, Бегичев узнал, что избушка принадлежит промышленнику Фролову, переселившемуся сюда с женой на промысел песца и рыбы. Хозяева только вчера уехали на пароходе «Ангара» в Широкую бухту.

Бегичев знал эту супружескую чету — маленького, тщедушного мужа — Николая Васильевича, химика по специальности, сменившего свою профессию на жизнь промышленника, и его жену — опытную рыбачку, крупную, дородную Клавдию Иннокентьевну.

Пользуясь неписанным законом Севера — брать потребное для себя и без разрешения хозяев, — Бегичев взял у них пяток огурцов и столько же луковиц (по числу членов экспедиции) и оставил об этом записку.

Несмотря на сильный туман, утром следующего дня путешественники отправились догонять пароход. Прошли Варгузину бухту и мыс Крестовый. Туман рассеялся. Бегичев увидел плывущую вдоль берега навстречу им лодку.

«Это плыл Фролов с женой из Широкой бухты в свою избу. Постояли, поговорили, дали им мяса. Фролов сказал нам, что пароход мы сможем догнать, и что в Широкой бухте в этом году также зимуют два человека. Мы распрощались и пошли дальше.

Из Широкой бухты пароход уже ушел. Переночевав у вновь прибывшего сюда на зимовку промышленника Ловких, утром следующего дня со свежим попутным ветром мы направились дальше. Вечером пришли в Шайтанскую курью и здесь застали пароход «Ангару».

Капитан парохода радушно встретил путешественников и пригласил их к обеду. Имущество и люди были погружены на лихтер, который буксировала «Ангара».

«Наконец, кончилось наше путешествие на простой рыбацкой лодке, — вносит в дневник Никифор Алексеевич. — Прошли

всю реку Пясину 850 верст и морем около 500 верст. Не буду хвастать, пусть другие смельчаки сделают это. Теперь река Пясина уже известна, точно нанесена на карту, так же как и побережье моря...»

Проведенные экспедицией Урванцева работы имели серьезное научное значение. Глазомерной съемкой в масштабе 1 : 42 000 были засняты реки Рыбная, Норильская, система Норильских горных озер (Лама, Глубокое, Кета и другие), Пясинское озеро, вся река Пясина и побережье от ее устья до Диксона.

Впоследствии эти работы легли в основу инструментальных съемок и работ речной экспедиции Главсевморпути, сделавшей детальную съемку и промеры Пясины от ее устья до фактории Кресты.

* *
*

Почта Амундсена, вещи его погибших спутников и подробный отчет Бегичева о поисках были переданы Урванцевым в Комитет Северного морского пути и оттуда через Наркоминдел пересланы в Норвегию. Однако, дипломатическая переписка между Советской республикой и Норвегией по этому вопросу длилась еще несколько лет.

В период организации экспедиции на Севере наравне с советскими денежными знаками ходили «романовки», «керенки», «думские» и другая неустойчивая «валюта». Поэтому все займы и наем оленей, произведенные Бегичевым, были справедливо исчислены в золотых рублях по курсу дня.

В октябре 1922 года Никифор Алексеевич представил в Наркоминдел полный финансовый отчет по экспедиции на 11 694 рубля 38 копеек в золотом исчислении. Этот отчет был направлен в Норвегию. Но много воды утекло в Енисее пока закончились эти переговоры о деньгах. В результате длительной дипломатической переписки[1] норвежское правительство 22 января 1924 года внесло авансом 1 500 долларов, а затем, в сентябре того же года еще 529,23 доллара в возмещение частичных расходов по экспедиции, оставив остальную сумму спорной.

В том же году норвежская миссия в Москве передала в Наркоминдел золотые часы с цепью для вручения их Бегичеву. На крышке часов было выгравировано: «Monsieur N. A. Begvitcheff de la part du gouvernement Royal de Norvege». (Господину Н. А. Бегичеву от правительства королевства Норвегии).

---

[1] Материалы переписки хранятся в Архиве Главсевморпути, фонды Комсеверопути, Научный отдел, 1922 г., св. 5, д. № 26-а, л. 96—98.

В августе 1925 года подарок был вручен Никифору Алексеевичу.

Наконец, спустя еще несколько месяцев, в ноябре 1926 года, Наркоминдел сообщил Комсеверопути:

«В результате наших энергичных настояний норвежское правительство согласилось наконец учинить полный расчет с Бегичевым по расходам экспедиции, организованной для поисков спутников Амундсена. Решающую роль в этом сыграло наше указание, что невозможность добиться окончательного расчета по этой бесспорной претензии, поставит вообще под сомнение вопрос об организации экспедиции помощи норвежцам, так как в среде нашего населения дальнего Севера, из которого комплектуется экспедиция, не будет доверия к обещанию норвежского правительства. Так или иначе, вопрос сейчас окончательно ликвидирован фактом пересылки из Норвегии чека на 3 987,59 ам. долларов, что вместе с полученными ранее 2 029,50 ам. долларов составляет сумму, размером соответствующую нашей претензии, исчисленной в 11 700 рублей» [1].

Но Бегичев об этом не узнал...

---

[1] Газета «Советская Сибирь», январь 1927 г.

Глава десятая

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ БЕГИЧЕВА

...Весною 1926 года Никифор Алексеевич отправился в свое последнее путешествие.

Напрасно ворчала Анисья Георгиевна, доказывая, что в его годы, имея шестерых — мал-мала меньше — детей, «пора бы угомониться и заняться делом, а не шататься бог весть где». Бегичев оставался непреклонен. Его увлекали новые помыслы.

Теперь для Никифора Алексеевича открылось безграничное поле деятельности. Честные и умелые люди нужны были везде. Он мог примкнуть к какому-нибудь гидрографическому отряду, работавшему на Енисее и в Карском море, к партиям, обслуживающим карские операции «Аркоса» [1]. Наконец, он мог получить работу на любой из факторий, организуемых в тундре Госторгом и Губсоюзом. Но как ни интересно было все это, Бегичева влекло другое.

Во-первых, он не забыл о своем желании отправиться в северную часть Таймыра, за Таймырское озеро, и, во-вторых, не терял надежды, что ему еще придется принять участие в каком-нибудь арктическом плавании. Первое желание в сущности было близко к осуществлению. Урванцев собирался посетить те места и обещал взять Никифора Алексеевича с собой. Но экспедиция могла состояться не раньше, как года через два. Чтобы не терять времени на ожидание, Бегичев

[1] Аркос, Arcos Ltd — смешанное акционерное общество торговли с СССР, учрежденное советской кооперативной делегацией в Лондоне в 1920 году. Это общество выполняло все экспортно-импортные поручения советских хозяйственных организаций и, в частности, Комсеверопути, Сибгосторга и др., экспортировавших на кораблях Карских морских экспедиций сибирские товары на европейские рынки.

занялся осуществлением еще одного своего замысла — организацией на морском побережье Таймыра промысловой зимовки. Эта зимовка была задумана им еще в 1915 году.

«Ведь промышляли здесь русские люди встарину, почему же теперь здесь никто не живет?» — думал Бегичев, увидев в устье Пясины развалины старинного зимовья. Мысль об использовании местных промысловых богатств еще больше укрепилась в нем после того, как экспедиция Урванцева открыла речной путь по Пясине. Этот путь намного облегчал транспортировку снаряжения, необходимого для организации промысловых зимовок.

Никифор Алексеевич мог заключить с Губсоюзом договор, получить в кредит снаряжение и продукты и поехать вдвоем или втроем, с кем-нибудь из верных товарищей, промышлять в Енисейском заливе. Так сделала чета Фроловых, братья Ловких и некоторые другие промышленники. Но Бегичева это не удовлетворяло. Он предложил обширный план освоения всего побережья Карского моря от Диксона до архипелага Норденшельда, для чего следовало построить сеть промысловых зимовок со множеством ловушек и охотничьих голомо.

Кооператоры скептически отнеслись к предложению Бегичева, но Никифор Алексеевич не отступал. После долгих споров руководители Губсоюза все же решили отправить на пробу пока только одну артель во главе с Бегичевым.

О том, насколько тверда была вера Бегичева в богатства нового района, в свою удачливость и благополучный исход этого предприятия, можно судить по пояснительной записке, которую он представил правлению Губсоюза.

Рассказав вкратце о своих многолетних наблюдениях над промысловым зверем и об условиях охоты на побережье и на островах Ледовитого океана, Бегичев так заканчивает свою пояснительную записку:

«В окружности устья реки Пясины, на побережье океана по направлению к Диксону и по самой реке Пясиной всюду мне встречались табуны дикого оленя, множество песцовых гнезд и белые медведи, так что все, указанное мною в настоящей записке, считаю не рекламой, а действительным фактом, который говорит за то, что наша группа по всем моим данным должна с успехом выполнить возложенное на нее промысловое задание и стать в дальнейшем примером для всех промышленников Туруханского края».

Среди енисейцев нашлось много желающих итти с Бегичевым на побережье, но Никифор Алексеевич отобрал самых надежных и опытных промышленников. В артель вошли: жители Енисейска — Николай Егорович Семенов и Дмитрий Иванович Горин, охотник со станка Верещагина Лука Иванович Зырянов, тунгус Гавриил Прокофьевич Сапожников с Хантайки

и счетовод Енисейского Губсоюза Василий Михайлович Натальченко. В основном это были, кроме самого младшего по годам Горина, крепкие, полные сил мужчины в возрасте 30—35 лет, знающие Север, имеющие промысловые навыки. Новичком оказался один Натальченко, — уроженец Ковненской губернии, но Никифору Алексеевичу он требовался как грамотный человек, могущий вести отчетность артели.

Бегичеву очень хотелось иметь в артели своего старого друга — Егора Ивановича Кузнецова, но последний, неладивший с Натальченко, отказался, сославшись на болезнь.

* *
*

Раздобыв пару крепких лодок и получив от Губсоюза в кредит снаряжение, Никифор Алексеевич отправил все это с Сапожниковым по зимнему пути на станок Заостровский, расположенный в верховьях Пясины. Оттуда предстояло двигаться до места назначения по реке.

Артель выехала из Дудинки с большим запозданием, лишь 16 июня 1926 года, когда наступила оттепель. Солнце сильно разъедало снег. Олени, истощенные зимними перевозками, с трудом тянули нарты. Промышленники шли все время пешком, помогая животным.

За два дня аргиш смог добраться только до Чупановской сопки, что в 12 верстах от Дудинки. Стало очевидным, что на этих оленях далеко не уйдешь. Бегичеву пришлось вернуться. В конторе Енисейского госторга он получил распоряжение о выдаче ему тридцати рабочих оленей из госторговского стада, находившегося где-то возле речки Сухая Дудинка.

Туда промышленники добрались 24 июня. Получив свежих животных, Бегичев поторопился выехать на следующий день пораньше, но, пройдя около двух верст, вынужден был остановиться из-за сильного тумана. К часу ночи туман разошелся, и группа смогла продолжать путь. Но что это был за путь! За семь часов аргиш продвинулся всего на семь верст. Дожди, перемежавшиеся со снежными пургами, мешали продвижению. Туман и дожди прямо на глазах съедали снег, и груженые нарты большей частью шли по обнаженной земле.

4 июля группа подошла к Половинкинскому озеру. Чтобы не застрять всем в тундре, Бегичев оставил груз на стоянке, а людей послал вперед легкими санками. По пути ему удалось отыскать в тундре стадо Губсоюза и оттуда направить несколько упряжек свежих оленей за оставленным грузом.

Через четыре дня аргиш добрел до устья реки Половинки, впадающей в Пясину.

Натальченко, которому Никифор Алексеевич поручил вести дневник артели, записал 8 июля:

«Сегодня закончилось наше первое кошмарное путешествие на весенних оленях. Дальше нам предстоит продвигаться на лодках по Пясине до самого Ледовитого океана. Полагаю, что путь по воде будет значительно лучше и быстрее, чем на оленях, на которых мы тащились от Дудинки до реки Половинки — 120 верст — 24 суток».

* *
*

У устья Половинки промышленники нашли чумы затундринских крестьян, вдовы Долотовской и Григория Попова, по прозвищу «Возьми». Это прозвище жители тундры дали ему за исключительную доброту. Григорий никогда ни в чем никому не отказывал и на каждую просьбу с мягкой улыбкой отвечал: «Возьми».

«В этом нам пришлось самим убедиться, — записывает Натальченко, — ибо критическое положение заставило обратиться к нему с просьбой дать нам одну из имеющихся у него двух езжалых собак, одну передовую собаку и две готовых пущальни».

Добряк охотно дал просимое и вызвался доставить артель по Пясине до станка Заостровского, находящегося в 25 верстах от этого места. Там ожидал их с грузом и лодкой Сапожников, отправленный Бегичевым еще зимой.

Утром следующего дня промышленники уселись в лодки. Пясина, только накануне сбросившая свой ледяной покров, переливалась тысячами световых зайчиков. Темные, ноздреватые льдины обгоняли лодки, со скрежетом наползая у излучин реки на прибрежный песок.

Переднюю лодку вел Григорий-Возьми. Ловко орудуя веслом, он направлял ее в разводья между льдинами. С неменьшим искусством Бегичев вел вторую лодку.

К полудню показался станок Заостровский. Летовавшие здесь семьи саха — старых знакомых Бегичева — Дмитрия, Константина и Афанасия Лаптуховых приветливо встретили приезжих. У них промышленники прожили трое суток.

Воспользовавшись теплой погодой, артель просушила все грузы, снасти, заново проконопатила и осмолила лодки, изготовила весла и мачты. Добряк Григорий старательно всем помогал и искренне огорчился, когда наступило время прощания.

К вечеру 12 июля приготовления были окончены, лодки спущены на воду, кладь погружена. Можно было ехать, но Бегичев по старой морской примете не решился отправляться в понедельник («день неначинный») и отложил отъезд до утра.

А утром река быстро понесла лодки. Лед весь прошел. Южный попутный ветерок надувал паруса. По берегам то здесь, то там встречались стоянки саха, легующих на реке Завидев чум, Бегичев направлял лодки к берегу. Этого требовал обычай тундры: проехать мимо — значило обидеть хороших людей, отказаться от их гостеприимства. Приезжих угощали лучшим, что было у хозяев — чаем, рыбой, олениной. Гости делились с хозяевами свежими новостями.

15 июля лодки достигли устья реки Агапы, впадающей в Пясину, где находились чумы саха Николая и Филиппа Левицких и Александра Анциферова — известного в тундре под именем князя Олото.

По просьбе Олото Бегичев принял в артель молодого саха Манчи, который быстро собрал свои нехитрые пожитки и отправился с ними в путь.

Плавание было наредкость удачным. Погода стояла хорошая, теплая. В реке ловилось много рыбы, на стоянках удавалось добывать гусей. Но у Отвесных трапп из-за противного северо-восточного ветра пришлось задержаться на несколько дней.

Вынужденную стоянку посвятили охоте на диких оленей. За короткий срок охотникам удалось подстрелить несколько животных, причем один матерый самец был убит Бегичевым возле самой палатки. «Он (олень) сам пришел к нам почти в котел», — записал Натальченко этот случай.

Продолжать плавание артель смогла 31 июля, когда ветер чуть стих. Ниже Отвесных трапп река расширилась, плыть стало труднее. Встречный ветер нагонял большие волны, порой захлестывавшие тяжело груженную лодку. Приходилось часто останавливаться где-нибудь под берегом и ожидать улучшения погоды.

Только 2 августа лодки достигли устья Пясины и пристали к берегу одного из многочисленных островов.

* *
*

Снова увидел Никифор Алексеевич знакомые картины полярного моря. Короткое арктическое лето было в разгаре. На береговых отмелях сверкали изъеденные солнцем и водой стамухи. Тысячеголосый птичий гомон наполнял тундру. На прибрежных песках копошились стаи линных гусей.

Неподалеку от стоянки промышленников чернели развалины старинного зимовья, торчавшие из-под груды нестаявшего снега. Среди окаменевших от времени бревен зимовья Горин нашел древнее распятие.

Охотники собрались было устанавливать палатку, чтобы хорошенько выспаться и отдохнуть, но сильный шторм,

внезапно поднявшийся в море, заставил их срочно перебраться на подветренную сторону острова, в затишье.

Утром артель направилась вдоль берега залива, высматривая удобное место для зимовья. Строевого лесу здесь было с излишком. Выбеленные и отполированные морем и льдами бревна плавника местами высились на берегу огромными валами.

— Да тут материалу на хороший город хватит, — изумлялся Натальченко.

— Придет время, будут здесь и города строить, — ответил Бегичев. — А сейчас нам, братцы, надо скорее хоть избу сложить. Время дорого.

Верстах в восьми к западу от мыса, стерегущего вход в Пясину, Бегичев нашел на береговой возвышенности ровную щебенистую площадку. Здесь решили строиться.

Причалив к береговому припаю, промышленники стали выгружать и перетаскивать на берег свои пожитки. Когда весь груз был перенесен на площадку и лодки выволочены далеко на берег, Бегичев позволил своим товарищам сесть за еду. Отдав должное мясу дикого оленя и напившись вволю крепкого чаю, улеглись спать, решив назавтра пораньше взяться за работу.

С утра все отправились на берег отбирать в кучах плавника годный для строительства лес. Обрубая обломки сучьев, опиливая корневища, артель складывала бревна у уреза воды, чтобы потом подплавить их поближе к месту стройки.

К вечеру плоты были готовы, но Бегичев решил сплав пока отложить и предложил товарищам отправиться в устье Пясины поохотиться на гусей, пока они еще не отлиняли.

Песчаные берега небольшой лагуны были усеяны гусями. Огромный старый гусак-вожак, почуяв опасность, взволнованно загоготал и взбудоражил стадо. Бегичев, подобравшийся в обход лагуны, открыл огонь из обоих стволов своего ружья. Хлопая кургузыми, лишенными маховых перьев крыльями, гуси бросились за вожаком вдоль отмели, прямо под выстрелы притаившихся охотников. Перепуганные птицы метались под ногами из стороны в сторону и всюду натыкались на страшных людей, посылавших в них свинцовый дождь или просто бивших наотмашь прикладами ружей.

Наконец шум битвы стал утихать. Озерко и отмель были покрыты убитыми гусями. Несколько подранков торопливо ковыляло к реке, стараясь догнать уплывавших на середину реки собратьев.

Собрав и подсчитав трофеи — более двух сотен гусей, — охотники вернулись к стоянке.

— Бить, парень, линного гуся не хитрая штука, — сказал Бегичев, обрадованному богатой добычей Манчи, — ты вот пообщипай-ка их, тогда узнаешь, почем фунт лиха...

Действительно, артели пришлось потратить два дня, чтобы ощипать, опалить, выпотрошить и развесить всех гусей на вешалах для проветривания. Вороха перьев и пуха вздымались вокруг палатки при малейшем дуновении ветра. Объевшиеся гусятиной псы еле двигались. Внутренности птиц Бегичев аккуратно собрал и сложил в ямку, потом они будут использованы в качестве накрохи — приманки в пастях.

Разделавшись с успевшими надоесть гусями, промышленники 7 августа принялись за постройку голомо. В мерзлой земле вырыли круглую яму диаметром около двух метров, поставили стоймя несколько бревен и, связав их вверху, обложили дерном. Вытесав несколько досок, сколотили дверь. В основном голомо было готово.

На следующий день все занялись внутренней отделкой этого жилища. В центре помещения установили жестяную печку, вдоль стен расположили нары, столик, скамейку.

Когда все было готово, перенесли свои пожитки и спальные принадлежности. Предоставив работы по окончательному устройству голомо своим товарищам, Бегичев, Горин и Сапожников отправились на охоту. Им повезло: невдалеке от места сбора плавника они убили матерого быка-оленя.

В следующие дни занялись доставкой леса. Тяжелые бревна скатывали в воду и подгоняли по воде к месту постройки. Во время прилива сплотки подводили к берегу и оставляли для обсушки.

Теплая солнечная погода подбадривала строителей. Все с увлечением отдавались работе, только Натальченко, непривыкший к физическому труду, умудрился получить растяжение жил и не мог принимать участие в стройке. Ему поручили готовить для артели обед.

Чтобы не упустить теплого времени, Бегичев распределил обязанности между всеми. Часть промышленников он оставил заниматься сплавом леса и изготовлением сруба избы. Сам же с Сапожниковым и Манчи, захватив палатку и запас продуктов на несколько дней, 17 августа отправился на постройку пастников.

Но стоило Бегичеву отлучиться, как дело с постройкой замедлилось. Днем приехал гость — Ягула Костеркин, промышлявший дикого оленя километрах в тридцати от устья Пясины. Обрадованные редкому в этих местах посетителю, новоселы радушно встретили охотника и досыта накормили его сырой олениной — любимым блюдом нганасан.

Толстенький низенький Ягула, откинув назад свои блестящие, заплетенные в мелкие косички волосы, разрезал мясо длинными тонкими ломтями и, глотая его, как чайка, приговаривал:

— Это дикий олень, бога олень, ему хозяин-то нету...

Вдоволь наевшись и напившись чаю, гость уехал, пообещав еще наведаться. Ягула сдержал свое обещание и на следующий день приехал угощаться «божьим оленем» уже со своим товарищем Лябо-Пале Соваловым.

В последующие дни визиты гостей участились. Одни приезжали полакомиться олениной, другие занять заварку чая, третьи — отремонтировать или взять на день-два ружье для охоты на дикого. С приездом гостей все бросали работу, присаживались к столу и занимались праздными разговорами и чаепитием. Понятно, что дело на стройке не двигалось.

22 августа Зырянов попробовал поставить в море пару пущален. Опыт удался. За час лова рыбак добыл 52 крупных рыбы. Это было весьма кстати, так как после приема гостей запас свежего мяса истощился.

Вечером того же дня возвратилась группа Бегичева. У них дело шло успешней. За четыре дня они выстроили 42 пасти, а на обратном пути убили двух оленей.

С возвращением Бегичева работа на строительстве пошла спорее. Никифор Алексеевич торопил всех, несмотря на воркотню кое-кого из членов артели. Погода стояла хорошая, и им казалось, что до зимы еще далеко, но Бегичев настаивал на своем:

— Вы не смотрите, ребята, что солнце греет. Здесь такие порядки: сейчас вёдро, а через час пуржит. Дело на зиму катится.

В конце августа к новоселам приехал нганасан Михаил Горнок предупредить, что они собираются откочевывать к югу, и, если у промышленников будут письма, на-днях он заедет за ними.

Теперь все свободное от работы время охотники посвящали писанию писем. Натальченко занес в свой дневник: «Воспользовавшись оказией... мы занялись писаниной. Я сегодня сидел до поздней ночи, писал письма знакомым о своем житье-бытье. Исполнив в этом свой долг перед ними, я в 2 часа ночи со спокойной душой лег спать».

Бегичев написал донесение Дудинской конторе Губсоюза. Сообщив о проделанной работе по строительству дома, голомо и пастей, он упомянул о предполагаемой постройке еще нескольких голомо в районе расположения пастников, которых намечено сделать 200 штук. «На этом в короткий для нас летний сезон работа будет закончена».

О мясных и рыбных ресурсах этого района Никифор Алексеевич говорил в донесении в довольно радужных тонах.

«Оленьего мяса у нас имеется в достаточном количестве и очень жирного: на ладонь $2^1/_2$ вершка жира. Добываем таких быков: пудов по 10 весом, и если бы добывать специально

для заготовки мяса, то можно добыть больше тысячи пудов. Таким же темпом добываем и можно добыть рыбы в пущальнях и неводах. Например, пущальнями через час вынимаем по 50 и 60 штук рыб разных сортов: нельмы, головного максуна и сига».

«Считаем своим промысловым долгом, — пишет дальше Бегичев, — известить вас, что в нынешнем году родилось песца, как по реке Пясиной и также по побережью океана, больше тысячи... Например, в расстоянии двух верст от нашей постройки имеется несколько песцовых гнезд, штук по 15 песцов в каждом гнезде. Мы мимо их ходим, они даже не обращают никакого внимания на нас шляющихся. Этот пример могут вам сообщить самоеды, которые были у нас».

«Конечно, — дипломатично оговаривается Бегичев, — сообщить вам о предстоящем сезоне промысла сейчас мы с уверенностью не можем, но по всем данным, промысел должен бы быть очень крупный».

Отослав письма, Бегичев с Сапожниковым, Натальченко и Манчи отправились на лодке к западу от избы — строить пасти.

Хотя погода все еще стояла теплая, но по всем признакам холодная пора была уже не за горами.

* *
*

Первого сентября, в день возвращения группы Бегичева домой, дохнуло морозцем, выпал снежок. А через три дня северо-западный ветер принес первую пургу.

Никифор Алексеевич еще больше заторопил товарищей с постройкой. Общими усилиями 8 сентября дом в основном закончили и промышленники переехали в новое помещение.

В избе было несравненно просторней нежели в голомо, но сильная сырость, выступившая из мокрого леса, отравляла существование. К тому же пошел дождь. Дерновая крыша свободно пропускала влагу, и люди не находили себе места, чтобы скрыться от нее.

По ночам влажные испарения оседали на стенах, образуя «куржак» — иней. Стоило лишь растопить печурку, как он превращался в поток воды. Бегичев знал, что по-настоящему следовало бы немедленно ставить русскую печь и как следует просушить помещение, но тысячи других забот занимали время новоселов. До начала темной поры надо было наловить побольше рыбы, построить намеченное количество пастей, а главное, использовать последние считаные дни охоты на диких оленей, пока они еще не ушли на юг.

Осенью дикий олень наиболее упитан, жирен и, пожалуй, наиболее удобопромышляем. Поэтому Бегичев с двумя-тремя

товарищами все время отдавал охоте. Забрав с собой палатку, немного припасов, охотники уходили далеко в тундру на несколько дней.

Для Бегичева это было тяжелым испытанием. Длинные, утомительные переходы под дождем при пронизывающем северном ветре изматывали силы не только старого моряка, но и его более молодых спутников. Давал о себе знать застарелый ревматизм, пошаливало сердце, ходьбе мешала одышка.

Такому, всегда бодрому, энергичному человеку, как Никифор Алексеевич, трудно было осознать упадок сил. Напряжение воли, сознание долга помогали ему продолжать этот изнурительный труд. И он продолжал итти вперед, подбадривая товарищей, где шуткой, где советом.

Тяжести походов усугублялись неудачной охотой. Оптимистические прогнозы Бегичева на промысел дикого, высказанные им в письме Губсоюзу, не оправдывались. С охотой что-то не ладилось, хотя оленные табуны попадались промышленникам довольно часто.

Не ждало время и с постройкой пастей. До насторожки они должны были хорошо обветриться, потемнеть, как бревна плавника. А год обещал быть «урожайным». Бойкие зверьки в большом количестве шныряли вблизи жилья и в тундре. Пока что охота на песца была преждевременна: его шкурка еще не имела должной белизны, зверь не «дошел», не «выпесился», как говорят промышленники.

Бегичев продолжал торопить своих товарищей, ворчал на их неопытность, брался за все сам. Он строил пасти, часто ходил на охоту в надежде подстрелить дикого, и даже когда непогода загоняла промышленников в избу, он и здесь находил себе и другим занятие. Всей артелью промышленники вырезывали для пастников «челаки», плели из конского волоса «симки», скоблили для пущален «кибасья». Ни одного дня, ни одного часа не должно быть упущено.

Бегичева толкал не только азарт охотника. Теперь к этому примешивалось чувство ответственности за будущность артели и судьбу товарищей, доверившихся его опыту и знаниям. Успех артели стал делом его чести, его доброго имени.

* *
*

Быстро наступала зима. В редкие ясные дни новоселы могли наблюдать, как все ниже и ниже склонялось к горизонту тусклое солнце. Отлетели к теплу вереницы птиц. Опустела, умолкла тундра.

Сентябрь выдался наредкость ненастный. Частые пурги перемежались с пронизывающим дождем и моросью.

23 сентября Пясину затянуло льдом. Только посредине реки оставалась еще небольшая полынья, но через три дня затянуло и ее. Снежным покровом укутались берега. Бегичев решил урвать от промысла денек и закончить все работы по подготовке жилья к зиме.

29 сентября был объявлен аврал. Бегичев и Семенов делали заплот двора, Горин и Зырянов рубили сруб для бани, Сапожников и Натальченко подвозили на собаках лес.

Хотели закончить начатую русскую печь, но не успели: назавтра выдался погожий день, и Никифор Алексеевич с Сапожниковым отправились на охоту. Надо было обязательно пополнить запасы оленины.

Вопрос о питании артели с каждым днем все больше тревожил Бегичева.

Добытого за осень мяса могло хватить при самой строгой экономии месяца на четыре. Привезенных с собой продуктов также было немного. Сухари кончились, американские галеты не нравились промышленникам: они были очень крепкие и соленые, царапали десны, вызывали жажду. Была еще мука, но негде было испечь хлеб.

10 октября охотники видели небольшое стадо пасущихся оленей. Бегичеву посчастливилось убить одну важенку, но остальные животные разбежались. Это был последний олень, убитый Бегичевым.

Поэтому в октябре, когда стало уже очевидно, что ход дикого оленя кончается, Никифор Алексеевич послал Натальченко с Сапожниковым на Пясину на подледный лов рыбы. Он знал, что в это время, в начале зимы, рыба обычно идет из рек в море.

Первый улов был неудачен. «Добыли очень мало, — пишет Натальченко, — только 3 сига». В последующие дни за каждый высмотр удавалось взять лишь по десятку, в лучшем случае, по два десятка максунов и налимов. Но как ни мала была добыча, другого исхода не оставалось. Натальченко и Сапожникову приходилось отрываться от неотложных работ и регулярно высматривать пущальни. Ничтожные результаты рыбной ловли нервировали промышленников. Призрак голода, болезней, о которых они так много наслышались, пугал их.

Никифор Алексеевич понимал состояние товарищей и продолжал обнадеживать их. Менее терпеливые члены артели предлагали бросить рыбную ловлю, чтобы не терять времени зря, но Бегичев настаивал на продолжении подледного лова до тех пор, пока будет хоть что-нибудь ловиться. И он оказался прав.

В ноябре начался ход рыбы. Вот радостная запись Натальченко:

«За высмотр в пяти пущальнях мы добыли целую кучу — 238 штук разных рыбин. Из них было 200 крупных максунов, а остальные — налимы, сиги и омули. Такой добычей мы были удивлены и даже не верили самим себе. Рыба нас чуть не утащила в прорубь. Сети пришлось подтягивать к прорубям в упор».

В последующие дни улов был тоже не плох, но уже меньше, чем 2 ноября. 4 ноября выловлено 225 штук, шестого — 180, девятого — 148, пятнадцатого — 109, двадцать восьмого — 90 штук. Эта удача приободрила зимовщиков, и на некоторое время прекратились неприятные разговоры.

Правда, с каждым разом все труднее и труднее давался высмотр. Морозы доходили до тридцати градусов. Лунку затягивало. При вытаскивании сетей рыболовы обмораживали руки. Труд был тяжелый, но все же он щедро вознаграждался. Следовало бы продолжать лов и дальше. Но утомленные промышленники, обнадеженные образовавшимся запасом рыбы, прекратили лов.

* *
*

В конце октября начался песцовый сезон. 27 октября промышленники насторожили пасти, и в тот же день Сапожников принес первого рослого, «хожалого» песца.

Заранее все пастники были распределены между членами артели. К западу от усадьбы 111 ловушек высматривали Бегичев, Горин, Зырянов и Семенов. Остальные 66 штук, расположенные к востоку, достались Натальченко и Сапожникову. Многочисленные следы песцов у привад, разбросанных с осени в тундре, позволяли надеяться на хорошую добычу. И теперь время от времени в жгучий мороз, при слабом, чуть брезжущем свете коротких полярных сумерек или при луне, вышагивали люди помногу километров на высмотр пастников. Часто случалось, что охотников в пути застава пурга, и плохо приходилось им, если поблизости не было голомо.

13 ноября ушло солнце. Началась долгая полярная ночь. Строительные и хозяйственные работы в основном к этому времени закончились. У промышленников стало больше свободного времени. По дневнику Натальченко можно судить о быте зимовщиков.

В начале зимы Натальченко, по совету Бегичева, взялся обучать грамоте Сапожникова. «Вечером мы с ним (Сапожниковым) занимались грамотой. Я обучал его писать и читать», — гласит запись за 6 ноября. Но, повидимому, курс обучения тут же и закончился, так как больше нигде Натальченко об этом не упоминает.

Путешествие Н. А. Бегичева к побережью Карского моря в 1914—1926 гг.

1. Санный поход на помощь морякам „Таймыра" и „Вайгача" в 1914 — 1915 гг. *2.* Санный поход на поиски норвежцев в 1921 г. *3.* Пясинская экспедиция в 1922 году. *4.* Последняя поездка Бегичева в устье Пясины в 1926 г. *5.* Изба и могила Бегичева. *6.* Место находки почты Амундсена в 1922 г.

«Сидели дома, топили баню, а вечером в ней мылись», — записывает он через несколько дней как факт, радостный для зимовщиков.

Бегичев и Натальченко, изготовив самодельные шахматы, с увлечением просиживали долгие часы за ними.

«Среда, 17 ноября... Работ никаких не производили. Я с Бегичевым играл весь день в шахматы. Победа в большинстве случаев оставалась на его стороне...»

19 ноября — то же: «все сидели дома, занимались кто чтением книг, кто починкой пущален, а я с Бегичевым был занят игрой в шахматы».

На следующий день занимались хозяйственными работами: распиловкой, подвозкой дров, топили баню, мылись и стирали белье... Вечером играли в карты в «тысячу».

Карты, шахматы, «балясничание» — по выражению Натальченко, — скоро надоели. Несколько книг, вроде «Пинкертон» и «Таинственный монах, или бедный Бейдеман», захваченные из Дудинки, были перечитаны дважды и трижды. На зимовку проникала скука.

Вот характерная запись 5 декабря:

«...сидели все дома. Время проводили очень скучно. В карты, в эту «тысячу» играть надоело. Других игр, хотя бы пульку-преферанс, кроме меня и Бегичева, никто не знает. Ребята — Горин и Зырянов — стали почему-то падать духом, начали грустить о своих семьях и тем самым наводить скуку на других».

Никифор Алексеевич всячески подбадривал товарищей, пытался заполнить их досуг. Всю жизнь не ведавший скуки, Бегичев знал, как опасно бывает на зимовке безделье, поэтому он старался найти неотложное занятие для себя и товарищей. И хотя ему все труднее и труднее давалась даже самая пустяковая работа — ныли ноги, ломило старые кости, требовавшие отдыха, — Бегичев крепился, работал и подтягивал остальных. Зимовщики порой ворчали на неугомонного руководителя, но все же брались за работу и подсаживались к лампе каждый со своим занятием.

Каждый занят своей работой. Растянув между печью и дверьми сеть, Натальченко подвязывает кибасья. Манчи, сидя на корточках у печки, тонким, острым ножом нарезает из сухой чурки пышную стружку для растопки печи. Семенов на краю своей койки прилаживает к воротнику прохудившейся рубахи огромную заплату. Зырянов, Горин и Сапожников обделывают добытых накануне песцов. Никифор Алексеевич тут же, за шитьем собачьих лямок. Ловко орудуя парусной иглой, он за работой рассказывает им о виденном и пережитом. И зимовщики, слушая эти рассказы, забывали о своих невеселых думах.

* * *

В монотонном однообразии проходили дни. Отрезанные от внешнего мира жили охотники своими будничными интересами. Высмотр пастников, работа дома, еда, отдых, сон заполняли сутки, так похожие одни на другие. Ощенилась сука Белошейка — на зимовке событие. Все любовались щенками, пророчили им блестящую будущность. Натальченко, обделывая песца, обнаружил на нем ошейник из оленьей жилы. Этот случай вызвал долгие горячие споры и предположения.

Споры продолжались несколько дней пока новое событие не отвлекло внимания зимовщиков: 24 декабря пропали Натальченко и Семенов. Они отправились с утра на высмотр пастников и предполагали к вечеру возвратиться. Но не вернулись.

Измученные и помороженные, охотники пришли лишь на третий день.

Оказывается, Натальченко и Семенов, прибыв в свое голомо к двум часам дня, когда уже смерк короткий полярный день, решили отдохнуть, чтобы начать обход пастников при луне. Поход был удачен. Ярко светила полная луна. Погода стояла хорошая, лишь понизу мела поземка. Охотники собрали 11 песцов и к утру возвратились в голомо. Отдохнув здесь, в полдень направились домой. Но не успели они проехать и четырех верст, как началась пурга. Собаки шли с трудом. Людей сбивало с ног. В сплошной темноте, в диком, захватывающем дыхание шторме они потеряли ориентировку и стали кружить по тундре. Обессиленные, замерзающие путники блуждали около пяти часов, пока случайно не наткнулись на пастник. Сапожников сразу же узнал это место: до дому было не более пяти верст, но измученные люди не рискнули продолжать путь. Они решили переждать пургу здесь, у пастника, где в случае несчастья товарищи могли бы найти их легче, нежели в открытой тундре. Вырыв в снегу яму и устроив из нарты укрытие от шквалов пурги, охотники улеглись, тесно прижавшись друг к другу.

Бесконечно долгой показалась им эта жуткая ночь. Утром они вылезли из своей ямы. Бросив у пастника добытых песцов, Натальченко и Сапожников пошли к усадьбе. Собаки, с покоробленными, примерзшими к шерсти лямками, еле тащили порожние нарты. Людям пришлось итти впереди, волоча за собой измученных собак.

Через пару часов охотники набрели на знакомый галечный берег и, пройдя по берегу еще около двух верст, увидели, наконец, зимовье.

17 января промышленники встретили первые лучи солнца. Кончилась полярная ночь.

Обновленной, необычной казалась тундра при дневном освещении. Невольная улыбка озаряла бородатые бледные лица зимовщиков.

После восхода солнца у всех стало радостнее на душе. Лишь Бегичева продолжала тревожить мысль о судьбе артели. Теперь уже сомнений не было: продуктов до лета не хватит. Кончался запас мяса. Правда, на льду Пясины еще оставалось много рыбы, но и ее могло оказаться недостаточно. Как-то, еще перед новым годом, Бегичев, желая подбодрить товарищей, высказал предположение, что если придется особенно туго с продовольствием, то он съездит на остров Диксон. Начальник радиостанции был ему знаком, и Никифор Алексеевич твердо знал, что он поможет им в тяжелую минуту. Промышленники приободрились и перестали стесняться в расходовании продуктов.

Это была ошибка, которую Никифор Алексеевич не мог теперь себе простить. Вскоре ему пришлось снова себя упрекать за то, что с осени не перевезли всю выловленную рыбу со льда Пясины. Приехав как-то к складу рыбы, Натальченко увидел, что ее растаскивают и портят песцы. Много рыбы залило выступившей сквозь трещины приливной водой, теперь она вмерзла в лед. Надежды на рыбные запасы рухнули. За эти ошибки Никифору Алексеевичу пришлось расплачиваться и очень скоро.

На зимовке появилась цынга. 21 февраля Зырянов стал жаловаться на боль в деснах. У самого Бегичева признаки этой болезни появились раньше, но он пока скрывал ее от товарищей.

Симптомы страшной болезни не испугали Никифора Алексеевича. Чтобы разогнать «гнилую кровь», он стал чаще ходить на высмотр пастников, стараясь больше двигаться. То же самое он заставлял делать и Зырянова. Так длилось до конца марта.

К этому времени иссякли все запасы продовольствия. Начиналась голодовка.

25 марта Натальченко записывает: «Сегодня у нас кончился сахар. Остались теперь на долгое время без всяких сладостей. Мяса и жиров осталось на 2—3 дня».

29 марта новая запись: «Я сегодня занимался стряпней мясных пирожков из собранных остатков мяса, которым мы в последний раз разговелись. Теперь остались мы на одном хлебе, да и того очень мало».

Недостаток питания скоро сказался: болезнь Бегичева и Зырянова обострилась.

«Сегодня, — записал Натальченко 31 марта, — цынготные больные Бегичев и Зырянов начали чувствовать упадок сил. У Бегичева на ногах появились красные пятна, и правую ногу стало стягивать. Питания для них хорошего нет, лечить нечем...»

Состояние Зырянова было лучше, он мог ходить, работать. Никифору Алексеевичу с каждым днем становилось все хуже. Кроме того, участились приступы застарелого ревматизма. Впервые за всю свою жизнь он слег в постель и, как всегда бывает с такими людьми, болезнь как-то сразу скрутила его. Никифор Алексеевич осунулся, лицо приняло землистый оттенок. Участвовать в промысле он уже не мог; до дверей избы и то добирался с трудом.

Мало походил теперь Бегичев на того бодрого, деятельного руководителя артели, каким он был еще совсем недавно. Но и теперь Никифор Алексеевич всячески скрывал от своих товарищей, каких усилий стоит ему сдерживать тупую, ноющую боль. Его бесило вынужденное лежание именно тогда, когда он особенно нужен. Бегичеву казалось, что стоит ему сходить на охоту, как обязательно он добудет оленя.

— Нам только бы первого оленя убить, — уверенно говорит он. — Выпьем мы с Лукой горячей крови, покушаем сырой строганины, как рукой всю хворь снимет...

Он знал, что где-то там, за хребтом Быранга, из полосы лесотундры уже брели к северу тысячи голов диких оленей. Каждую весну, как только начинает пригревать солнце, инстинкт толкает зверей к перемене места. Они оставляют леса и идут сюда на побережье, на острова Карского моря. Летом здесь нет жары, растут вкусные травянистые корма и на нестаявших снеговых полях легко спасаться от злого гнуса. Здесь олени выведут потомство, отлиняют и осенью, после брачного периода, снова возвратятся к югу, в леса.

Весенний ход открывают стельные важенки. Они идут небольшими табунками, останавливаясь по временам отдохнуть, раздобыть из-под плотного наста ягель. За ними по пятам шествуют неуклюжие молодые бычки, почти еще телята. Спустя несколько недель начинают ход быки и яловые самки. Они идут большими стадами, красивые, могучие, уверенные в своей силе. Шествие замыкают бредущие в одиночку или парами больные, уроды, старые животные.

Множество опасностей ждет оленей на этом пути. Их подстерегают хищные волки, человек. Но никакой враг не в силах остановить их извечного хода.

Тысячи голов оленей! Ими можно прокормить население больших городов, а не только горстку охотников, зимующих

в устье Пясины. От времени их появления зависела теперь судьба Бегичева и его товарищей. Но, видно, пурги задержали ход животных...

Уже с первых чисел апреля охотники бродили по тундре в надежде встретить оленей.

14 апреля Натальченко записал:

«Я с Зыряновым ходил на охоту на дикого оленя, но таковых не видали нигде... Домой мы едва доплелись. Устали до невозможности, несмотря на то, что ходили недолго и не так далеко.

Худое наше питание сказывается: начинаем все обессиливать. Подкрепляться, кроме хлеба, у нас стало нечем. Коля Семенов сегодня вываривал кости для бульона на обед больному Бегичеву...»

Проходил апрель. Температура воздуха постепенно повышалась. В доме все сильней ощущалась пронизывающая сырость.

На солнцепеке уже сверкали блестящие сосульки. Подходила весна, а олени не появлялись.

В конце апреля стало очевидным, что дальше поездку на Диксон откладывать нельзя. В один из вечеров, когда непогода согнала всю артель в избу, Бегичев принял решение.

— Завтра я с Митей поеду на Диксон, иначе нам пропадать.

Эти слова вызвали бурный протест.

— Нет, Никифор Алексеевич,— решительно заявил Натальченко, — тебе ехать нельзя. Поеду я, и ты меня не отговаривай.

Натальченко все поддержали. Бегичеву оставалось только согласиться с мнением товарищей. После долгих обсуждений решили, что Натальченко и Горин завтра же отправятся с одной упряжкой на Диксон.

С трудом поднявшись с постели, Никифор Алексеевич написал письмо.

«Порт Диксон.

Начальнику Радиостанции.

Дорогой товарищ, покорнейше прошу Вас принять посланных мною к Вам: Горина Дмитрия Ивановича и Натальченко.

Прошу Вас, если будет возможность принять от них телеграмму, — моя к Вам просьба, — примите.

Еще покорнейше прошу Вас, дорогой товарищ, если будет Вам возможно дать нам некоторых продуктов, а именно: сахару 1 п. 20 ф., масла 20 ф., уксусной эссенции, лимонной кислоты, клюквенного экстракту, пикулей, консервированных фруктов, компоту. Если Вам самим отпустить для меня продуктов нельзя, то прошу

снестись по телефону с Убекосибирью. За отпущенные продукты постараюсь рассчитаться по приезде на Диксон.

С приветом к Вам

Никифор Алексеевич Бегичев.

28/IV—1927 г. Ледовитый океан».

Утром следующего дня Горин и Натальченко вышли пешком на Диксон, ведя за собой на поводу четырех собак, запряженных в маленькую нарточку. Застигнутые сильной пургой, проблуждав четверо суток, они вынуждены были вернуться. Тогда Натальченко решил, как только утихнет пурга, отправиться один.

4 мая погода прояснилась. В полдень, погрузив на нарточку немного продуктов для себя и собак, Натальченко простился с товарищами и, напутствуемый дружескими пожеланиями, уехал на Диксон.

* *
*

Состояние больных ухудшалось. У Зырянова распухли ноги, и он также слег. Бегичеву было совсем плохо. Силы заметно покидали его. Он уже не мог вставать без посторонней помощи. Забота о товарищах, о их судьбе тревожила его. Он все время вспоминал Натальченко, беспокоился, дошел ли тот до Диксона, не заплутался ли в тундре в пургу. И опять, чтобы отвлечь друзей от тяжелых дум, просил сыграть с ним в шашки, в надоевшую до нельзя «тысячу» или «шубу» и много, много рассказывал о своей жизни.

Завидная жизнь! Она проходила в его рассказах бурной, полнокровной рекой, насыщенная исканиями и трудом. Никифор Алексеевич вновь переживал ее, извлекая из незримых глубин человеческой памяти эпизоды, события, встречи. Но больше всего говорил он о Севере — необъятном, богатом и диком, суровом русском Севере, ожидающем упорных людей, которые победят его просторы, откроют богатства, заставят служить их на благо народа.

Неумолимая смерть уже стояла у изголовья Бегичева, но он гнал прочь мысли о ней: так много осталось еще несовершенных дел, неосуществленных замыслов.

— Вот выздоровлю, вернемся в Дудинку, обязательно поеду в центр,— говорил он.— Буду просить Академию Наук дать мне маленькую шхунёшку. Пройду на ней из края в край по Ледовитому океану. Докажу, что можно там плавать... А придется помирать, уж лучше помереть здесь. Вся моя жизнь прошла на Севере, тут и место мне...

Его последнее желание сбывалось: Никифор Алексеевич умирал на Пясине.

Он уже не вставал с постели, с трудом ел хлеб с пустым чаем — больше ничего не было — собирался написать письмо жене, детям, но так и не смог.

Задыхаясь в спертом воздухе избы, он просит друзей поставить в тундре палатку и перенести его туда. Тепло укутанный в сокуи лежал Никифор Алексеевич, часами не отрывая глаз от любимой картины пробуждающейся арктической природы.

Сквозь откинутые полы палатки он видел, как далеко впереди, за полосой припая и торошенных льдов, по чистой воде медленно проплывали причудливые льдины. Старому моряку казалось, что это караваны судов идут на северо-восток. Вон оттуда, от кромки льда, сверкая серебряным крылом, летит одинокая чайка. Несколько времени слышен ее скрипучий крик, и она снова улетает туда, к далекой воде, постепенно растворяясь в голубом мареве горизонта.

Так прошло несколько дней. Вестей с Диксона все не было. 16 мая Сапожников принес тушу убитого им оленя. Обрадованные удачей охотники предлагали Никифору Алексеевичу свежей крови, мяса, бульона, но ослабевший Бегичев есть уже не мог.

Около полуночи 17 мая Семенов, неотлучно ухаживавший за больным, принес чаю. Бегичев жадно сделал несколько глотков, откинулся на подушку и тяжело задышал.

Семенов присел у постели больного.

Отдышавшись, Никифор Алексеевич стал шарить рукой у себя на груди и, наконец, вынув массивные золотые часы — награду норвежского правительства — протянул их Семенову.

— Плохо, Николай, помираю... — еле слышно сказал он. — Возьми эти часы... Берданка вон у входа стоит... Мне ее Академия Наук подарила... Передай сыну Мише. Мою долю песцов Анисье отдайте... Ребят моих, Коля, не оставьте... А мне уж не промышлять... Все.

И, глубоко вздохнув, Никифор Алексеевич умолк.

В три часа ночи Семенов снова дал ему пить, предложил бульону. Обессиленный Бегичев уже не говорил и жестом отказался. В семь часов утра 18 мая он умер.

Окончился жизненный путь Никифора Бегичева, славного русского землепроходца и моряка.

* *
*

На следующий день вернулся Натальченко. О смерти Бегичева он узнал от Сапожникова, встретившегося ему на пути в тундре.

Приезд Натальченко немного рассеял мрачное настроение, нависшее над зимовкой после смерти Никифора Алексеевича.

Промышленники, не чаявшие уже видеть его в живых, обрадовались возвращению товарища.

Нелегко далась Натальченко эта поездка. Несмотря на непрерывные пурги, он на четвертые сутки, 8 мая, добрался до Диксона. Сотрудники станции радушно приняли гостя.

Натальченко прожил на острове до 16 мая, пока отдохнули совершенно обессилившие за дорогу собаки. Погода установилась ясная, солнечная, с южными ветрами. Начиналось таяние.

На Диксоле ему дали сахару, масла, мясных консервов, сыру, квашеной капусты, противоцынготных средств, добавили в упряжку двух добрых ездовых собак. Горячо поблагодарив гостеприимных хозяев, Натальченко в тот же день выехал обратно.

Не щадя ни себя, ни собак, он торопился привезти продукты товарищам. Началась оттепель. Мокрый снег налипал на полозья нарт, тормозил продвижение. Близ мыса Полынья сломался копыл нарты, пришлось делать остановку для починки. У речки Убойной сдохла одна собака. Остальные, измученные голодом, еле брели. На счастье под выстрел Натальченко подвернулся дикий олень, охотник смог досыта накормить своих собак и снова продолжать путь.

Велико было огорчение Натальченко, когда он узнал, что помощь его опоздала. Натальченко предложил сохранить привезенные им продукты для Зырянова. Все охотно и единодушно поддержали это предложение, а пока стали готовиться к погребению тела Бегичева.

Горин сколотил из досок грубый гроб. Сапожников, Семенов и Манчи вырыли на взгорке, саженях в полутораста от избы, могилу. Тело Бегичева уложили в гроб.

В воскресенье 22 мая Бегичева похоронили. В этот день особенно ярко светило солнце. Радостно пробуждалась тундра. Тянули на север вереницы гусей. На возвышенностях дымились проталины.

Глухо застучали мерзлые комья земли по крышке гроба. Скупые мужские слезы выступили на глазах промышленников. Молча, торопливо зарывали могилу.

Вырос большой могильный крест. На нем верный друг Митя Горин неровными буквами написал:

„ПОД СИМ КРЕСТОМ ПОКОИТСЯ ПРАХ
ИЗВЕСТНОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА СЕВЕРА
И ИНИЦИАТОРА ПРОМЫСЛОВОЙ ГРУППЫ
БЕГИЧЕВА НИКИФОРА АЛЕКСЕЕВИЧА
СКОНЧАВШЕГОСЯ 18 мая 1927 года на 53 году 5 месяцев ОТ РОДУ.
ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ДОРОГОМУ ПРАХУ".

* *
*

«Он не дожил до весны. Он умер, когда прилетела первая чайка...» Так обычно заканчивают свои рассказы о Никифоре Алексеевиче таймырские оленеводы и охотники. Весенними чайками шли в те годы по полярным морям суда первых Карских экспедиций.

Большевистская весна Севера пришла позже.

Претворяя в жизнь сталинские планы освоения Арктики, советские полярники свято чтут память о мужественных сынах русского народа. Именем Бегичева названы суда, плавающие сейчас по многоводным рекам Сибири. Мы встречаем его имя в лоциях арктических морей: «Бегичевская коса», «Бегичевская изба», «остров Бегичева».

Имя Бегичева живет в памяти жителей Таймыра. Долгими вечерами в избах, в нартяных чумах, у жарких печек, за горячим чаем любовно вспоминают его старые авамские и хатангские оленеводы. Их рассказы перерастают в легенды об «Улахан-Анцыфере».

Но лучшим памятником Никифору Алексеевичу являются дела его соотечественников. Там, где когда-то одиноко бродил этот упорный искатель нехоженных троп, славный русский мореход и землепроходец Никифор Бегичев, советские полярники прокладывают трассы, созидают города и рудники. Сплоченные большевистской партией, вооруженные передовой наукой и первоклассной техникой, они с каждым днем раскрывают все новые и новые тайны Арктики, заставляя ее богатства служить великому делу построения коммунизма.

Рано умер Никифор Алексеевич...

БИБЛИОТЕКА
Г. Ш ВМС СССР

Плавания и путешествия Н. А. Бегичева.

1. Первое и третье плавание на „Герцоге Эдинбургском“ в 1897 и 1899 г. *2.* Второе плавание на „Герцоге Эдинбургском“ в 1898 г. *3.* Плавание на шхуне „Заря“ в 1900—1902 гг. *4.* Поиски Э. Толля в 1903—1904 гг. *5.* Плавания на миноносце „Бесшумном“ в 1905 г. *6.* Походы на о. Сизой (Бегичев) в 1908—1913 гг. *7.* Санный поход на помощь морякам ледоколов „Таймыр“ и „Вайгач“ в 1914—1915 гг. *8.* Санный поход на поиски норвежцев в 1921 г. *9.* Пясинская экспедиция в 1922 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Глава первая. Детство и юность 9
Глава вторая. Флотская служба 18
Глава третья. Боцман «Зари» 28
Глава четвертая. Поиски Толля 72
Глава пятая. В Порт-Артуре 97
Глава шестая. «Улахан-Анцыфер» 111
Глава седьмая. Полярная трагедия 136
Глава восьмая. На помощь затертым льдами 152
Глава девятая. Поиски норвежцев 177
Глава десятая. Последние дни Бегичева 209

Обложка и титул художника *Л. П. Зусман*
Редактор *Е. Я. Виленская* Технический редактор *Е. Е. Соколов*

Подписано к печати 26/V 1949 г. А 05039. Объем 14,5 печ. л. Уч.-изд 14,1 л.
В 1 печ. л. 38563 зн. Тираж 15 000 экз. Формат 60×92 1/16 д. л. Цена 11 руб. Заказ 1305.

Отпечатано в типографии Издательства Главсевморпути, Москва.

Цена 11 руб.

Издательство Главсевморпути

Москва — 1949 — Ленинград